

ЕВРОПЕЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Елена Грицай, Милана Николко

**УКРАИНА: НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ
ДРУГОГО**

ВИЛЬНЮС
ЕГУ
2009

УДК 316.356.4(477)

ББК 60.54(4Укр)

Г85

Рекомендовано:
Редакционно-издательским советом ЕГУ
(протокол № 7 от 26.09.2008 г.)

Рецензенты:

Заблоцкий В.П., доктор философских наук, профессор,
народный депутат Украины пятого созыва;
Довгополова О.А., кандидат философских наук,
доцент кафедры философии естественных факультетов
Одесского национального университета им. И.И. Мечникова

Грицай, Е., Николко, М.

Г85 **Украина** : национальная идентичность в зеркале Другого. –
Вильнюс : ЕГУ, 2009. – 220 с.

ISBN 978-9955-773-24-5.

Книга посвящена процессам конструирования национальной идентичности в независимой Украине, самоидентификационным традициям и предпочтениям украинцев, а также символической представленности Другого в процессах создания украинской политической нации.

УДК 316.356.4(477)

ББК 60.54(4Укр)

Издание осуществлено в рамках проекта
«Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»
при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк)

Книги библиотеки проекта:

«Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в.»,
«Язык конфликта в трансформирующемся обществе»,
«Европейская перспектива Беларуси», «Культурная идентичность в контексте
Пограничья», «От транзитологии к теории Пограничья», «Гендерные рынки
Украины», «Номо historicus», «Постсоветская публичность: Беларусь, Украина»

ISBN 978-9955-773-24-5

© Е. Грицай, М. Николко, 2009

© Европейский гуманитарный университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Раздел 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИИ: МАРКИРУЯ ДРУГОГО (М. Николко)	
Размышления о проблеме национального конструирования	9
Часть 1. ОСМЫСЛЯЯ ДРУГОГО: СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ	13
Социальная теория: Другой как поставщик значений	18
Конфликт с Другим: социальные функции	29
Языковая легитимация Другого	37
Структурирование действительности средствами языка	42
Производство текстов о Другом	45
Часть 2. ЧИТАЯ ДРУГОГО: РЕ-КОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТОВ	55
Виды дискурс-анализа политических текстов	61
Применение дискурсивных методик для анализа структурированных интервью	72
Часть 3. ВЗАИМОДЕЙСТВУЯ С ДРУГИМ: ГЕРОЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ФРОНТИРА	80
Маркеры этничности в повседневных коммуникациях	90
Процесс конституирования политической нации и социальный капитал в Украине	100
Выводы. Формирование солидарности в условиях полиэтничности Украины	109
Раздел 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЕ (Е. Грицай)	
Часть 1. УКРАИНСКИЙ ПРОЕКТ:	
ПОИСКИ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	112
К постановке проблемы. Нации и национализм в эпоху глобализации	112
Украинский национализм «после независимости»	116
Поиски новой национальной идеологии: как мертвые хватают за ноги живых	121
Национальная идея vs национальные интересы: нация vs гражданское общество	124

Часть 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ПЕРИОДА «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»:	
КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕРОЕВ НАЦИИ	131
К постановке проблемы. Виртуальный характер украинской политики	131
Проект «Оранжевая революция»	134
Проект «Блок Юлии Тимошенко» (БЮТ)	139
Самый успешный политический проект постсоветской Украины:	
В.Янукович / Партия Регионов	142
Система политического манипулирования:	
симулякры науки и политическая реальность.....	152
Раздел 3. ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (Е. Грицай)	
Часть 1. УКРАИНЕЦ И ДРУГОЙ В УКРАИНЕ	160
Концепт Другого и национальная идентичность украинцев	160
Конструирование новой украинской идентичности: стратегия конфликта.....	167
Часть 2. ЗНАЧИМЫЙ ДРУГОЙ	173
К постановке проблемы	173
Идентичность украинцев в контексте европеизации	174
Русская национальная идея	183
Американская мечта	191
Выводы. Принципы построения национальной идентичности.....	199
Заключение: ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛИЗМУ	204
ИСТОЧНИКИ	209
Источники к разделу 1	209
Источники к разделу 2	213
Источники к разделу 3	216
Источники к заключению	217
Сведения об авторах	218

ВВЕДЕНИЕ

«Нации без государств» – так Монсеррат Гибернау определила в своей одноименной книге проблему некоторых европейских регионов. «Государство без нации» – так с известной долей преувеличения можно охарактеризовать ситуацию в сегодняшней Украине. Создание нации, или привнесение в общество скрепляющего идеологического ядра – в данном случае национальной идеологии, – во многом зависит от того, какие идентификационные стратегии предлагаются обществу его элитой и как они «приживаются» в поле общественного и индивидуального сознания. Пока работа по построению новой идентификации не завершена хотя бы настолько, чтобы облегчить, так сказать, эмоциональную и когнитивную разбалансированность и общества в целом, и отдельного ее представителя в частности, сложно говорить о том, что украинцы представляют собой нацию.

Идентификация, в том числе и самоидентификация, означает процесс называния, именованя – поиска имени, которое бы адекватно выражало суть феномена и, в свою очередь, влияло на направление и режим его развития. Посредством именованя себя индивид, как и нация в целом, помещает собственную историю в определенный культурный и историко-политический контексты, именно в этом процессе контекстуального прояснения ее, собственно, и создавая.

В условиях становления новой государственности контекстуальные сдвиги в самопрезентации нации неизбежны. Сама по себе трансформация национального самосознания не является проблемой, она происходит постоянно, бо-

лее или менее активно, более или менее заметно, на протяжении всего существования, пожалуй, всякой нации. Проблемой является болезненность, с которой данная трансформация происходит в Украине с момента получения государством независимости, а также комплексный и глубинный характер изменений в основаниях происходящих социально-политических и культурных процессов.

Недостаточно сказать, что происходящие в Украине трансформации носят социетальный характер. Скорее, Украина столкнулась с преобразованием самой социетальности, ее системообразующих начал. В Украине происходит трансформация не только политической, экономической, идеологической сфер, но такое изменение культуры в целом, которое перестраивает тип взаимоотношений различных сторон жизни, активизируя, возможно, и те, которые наукой нечетко артикулированы, определяются больше филозофски или даже просто метафорически в силу пока еще неопределенности их предметных границ. Эти трансформации, являясь скорее идеологическими конструктами, чем реально происходящими процессами, все же касаются судеб миллионов и, будучи во многом результатом влияния геополитических факторов, в свою очередь возвращают украинскому обществу «удар» от волны геополитических изменений на виртуальных политических границах Украины.

Как Украина и украинцы «держат удар»? Посредством постановки идеи «национального» в качестве общество- и государствосозидающего фактора. Это возрождение национального является результатом как объективных, так и субъективных причин: так называемого этнического парадокса, то есть усиления национализма в современную эпоху – в первом случае, и использования политиками националистических лозунгов в целях манипуляций электоратом – во втором.

Проблема Украины заключается в том, что ее национальный проект формируется исключительно в сфере политики, а не в сфере экономики, с учетом экономической целесообразности – что было бы логично и приемлемо в качестве либеральной позиции в отрицание коммунистического идеологизма. В силу напряженности политической борьбы в Украине и ставки на конфликтные стратегии, проектирование национального развития остается предметом раздора, вместо того чтобы консолидировать нацию. Пока поиск национального проекта будет оставаться преимущественно в политической сфере, Украина обречена двигаться без стратегического плана, блокируя собственное движение его разнонаправленностью. Экономика Украины в этом случае обречена на коллапс, поскольку она значительно менее поворотлива, чем политика, значительно более инерционна, и постоянные смены политического курса ведут к нарастанию хаоса в ней.

Введение

Данная книга – о политизированном конструировании национальной идентичности и «героев» нации, которую еще предстоит построить, о самоидентификационных традициях и предпочтениях украинцев, а также о том, как украинство вписывается в современный глобальный и региональный контексты.

Авторы будут признательны за отзывы и комментарии к книге. Пишите нам по электронному адресу: ntlo@i.ua

**РАЗДЕЛ 1.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИИ:
МАРКИРУЯ ДРУГОГО
(М. Николко)**

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Национальное строительство на территории бывшего Советского Союза достигло максимальных «проектных мощностей». С одной стороны, демократическая политическая культура стала обыденной практикой граждан: ситуация выборов, противостояния ветвей власти, трансляции заседаний парламента – рутинные характеристики телевизионных новостей как в Украине, Латвии, так и в Таджикистане или Молдове, с другой – все острее стоит вопрос о цели совместного существования граждан в новой демократической модели. Конечно, принципы участия, возможность вовлечения в политический процесс у граждан разных стран по-прежнему остаются различными, однако демократическая модель стала проблемой действия, а не проблемой модуса (возможность замены или возвращения к социалистической модели уже не стоит в повестке дня).

Политическая когнитивная картина гражданина любой из рассматриваемых стран характеризуется набором схожих составляющих: известны участники политического процесса (акторы), арены для проявления политической активности (в Украине нет необходимости объяснять гражданам, что значит Банковская, Майдан) выработаны принятые модели поведения (правила игры). Изменение в составе элит наблюдается, однако происходит (в большинстве случаев) по установленным и прозрачным правилам политической игры. Обострилась борьба на символическом поле, пришло время для осознанного строительства устойчивого образа государства (непереходного типа) весомого, как для внутренних, так и для внешних акторов. Разграничение политической структуры по идеологическим признакам, внешнее ее ограничение требуют выявления при-

надлежности и маркирования Другого (в самом широком политическом смысле) в настоящем политическом бытии.

Первая часть исследования посвящена обзору теорий и методов презентации Другого в современных теориях и дискурсивных практиках. Логика представленного материала развивает последовательность от теории интеракции к практике управления и анализа коммуникаций. В работе осуществлен анализ философских и социально-лингвистических текстов, посвященных изучению интеракций и коммуникаций с Другим.

Первая часть исследования состоит из трех подразделов. Первый подраздел «Осмысляя Другого: современная социальная теория» посвящен анализу философских и социальных теорий, обращенных к проблеме Другого. Выделяются ключевые характеристики: отождествление и дифференциация, базовые составляющие процесса построения идентичности [Андерсон Б., 2001]. Отождествление находит свое выражение в определении того, кто такие «Мы», кто наши лидеры, кто наши исторические герои, какие национальные символы нам присущи, какая история у нас была и какое будущее нас ждет. Дифференциация формируется через осмысление, кто нами не является, кто отличен от нас в выборе целей, кто имеет другие ценности и может представлять для нас угрозу. В данной части работы предпринимается попытка изучить процессы дифференциации, которые находят свое проявление в сознательно или спонтанно конструируемых проекциях Другого. Другой выступает как отправная точка построения идеологии, через растождествление Я и Другого выстраивается национальная идеология любого государства. Итак, базовым компонентом исследования мы выделяем образ Другого в процессе дифференциации нового политического «Мы» украинского общества.

Введение концепта Другой как центрального в данной работе обусловлено желанием взглянуть на политические изменения, происходящие в Украине через призму процессов сознательного/рефлексивного и спонтанного производства идентичности. Другой выступает как Присутствие и агент всей активности Я. Особое внимание уделено процессу легитимации Другого. Под легитимацией мы будем понимать процесс встраивания Другого в Мою картину мира, который получает развитие в процессе означивания, выделения самостоятельной смысловой ниши для Другого в моем опыте. Не всегда подобные взаимодействия проходят гладко, часто мы переживаем значительные конфликты из-за того, что Другой действует в границах своих (других) правил, законов и норм поведения, трудно согласующихся с теми, что имеются у нас.

Итак, Другой попадает в мою систему смыслов и отношений через определенные легитимационные процедуры, которые осуществляются в несколько этапов: *распознавание, опыт коммуникации, привычка общения*

с Другим (выработка хабитусов), *рефлексия опыта* коммуникаций с Другим в сознании и *натурализация* Другого, его комфортное встраивание в мою картину мира. Этапы легитимации Другого часто сопровождаются конфликтами, вызванными несовпадениями смыслов.

Второй подраздел «Читая Другого: ре-конструкция текстов» посвящен изучению современных техник качественного анализа текстов о Другом и ранжированию техник по видам текстов. Опираясь на базовый подход дискурс-анализа политических текстов Т. Ван Дейка, мы представляем две модели анализа: метод метафорической ре-конструкции политических текстов русского лингвиста А. Баранова (анализ избирательного рекламного материала 2004 г. в Украине) и структурный анализ повседневных коммуникаций на предмет исследования социальной сплоченности, солидарности и социального капитала группы на примере полиэтничного сообщества Крыма (авторская концепция). Исследование процессов седиментации/ре-ификации в коллективном сознании этносов базируется на данных количественного и качественного анализа масс-медиа и повседневных практик общения в Украине.

В третьем подразделе «Взаимодействуя с Другим: Герой исторического фронта» осуществляется рефлексия процессов формирования политической идентичности через проекцию Другого в научно-публицистических текстах.

Конструирование представлений о единстве нации, осуществляемое в обыденных коммуникациях посредством рассказывания анекдотов на этническую тему, не менее важно, чем декларативная активность национально-политических организаций. В прикладной части раздела используется методика анализа фольклорного материала А. Дандеса. Обосновывается тезис, что этнический анекдот как вариант автостереотипа осуществляет *о-сознание* группы через сравнение и сопоставление с другими группами. В отличие от идеологических текстов, это, скорее, не категорическое «Мы», а рефлексивное «Наши». Посредством дистанцирования группа формирует представление о своих символических границах в глобальном культурном поле, а ирония позволяет сглаживать нарождающиеся внешние и внутренние противоречия.

После распада Советского Союза этапы построения моделей Другого, поиска единиц для консолидации общества и стратификационной внутренней дифференциации происходили через последовательные инициативы власти: пересмотр и переоценку истории на данной территории, подготовку новых теорий, написание новых учебников по истории для средней школы. Это время бурных выступлений политических лидеров [Середа В., 2006], широкой интеллектуальной дискуссии и роста объема научно-публицистической работы украинских политологов и журналистов по дан-

ной тематике. Рваные, порой логически незаконченные попытки подбора и акцентуации Другого приводили к социальным конфликтам и перманентному низкому показателю легитимности институтов власти [Думка громадян України про владу, політиків, політичну та виборчу систему в країні (результати соціологічного дослідження), 2007]. Сегодня Другой в разных образах ярче и четче стал проступать в политических текстах основных политических акторов (Президент, Премьер-министр, лидеры оппозиции), и мы уже можем оценить реакцию украинского общества на инициативы представителей политической элиты в построении образа Другого.

Обращаясь к идее Б. Андерсона о том, что этнос в значительной степени есть воображаемое единство, мы на первый план выдвигаем изучение символов единства, специфических тем и моделей коммуникации, присущих нации.

В этом подразделе представлена глава, обращенная к осознанию Я/Мы как Другого в исторической перспективе. Культурные и политические трансформации в Украине вызывают чрезвычайно интересные феномены, суть которых обозначать, маркировать исторические эпохи. Таким феноменом, на наш взгляд, является появление Трикстера.

Изучение и сопоставление циркуляции разного типа текстов по этнической проблематике в Украине дает интересную картину вовлеченности этнической составляющей во властные проекты создания новой политической нации.

Задачами данной части исследования выступают:

- изучение современных социальных теорий о Другом;
- определение типов производства текстов о Другом;
- выявление процессов легитимации Другого (современные институционализированные процедуры) и спонтанные модели;
- разграничение текстов и моделей коммуникации с Другим;
- обоснование различных техник анализа для изучения разных (по способу производства) текстов.

Особое внимание в работе уделено методам анализа текстов о Другом и исследованию разновидностей дискурс-анализа, его эффективности в изучении текстов. В качестве основного вывода подраздела можно сказать, что в ходе изучения теоретических конструктов и прикладных узусов коммуникации «Я – Другой» мы пришли к распознаванию актуальных моделей политической коммуникации, обращенных к национальному строительству в современной Украине.

ЧАСТЬ 1. ОСМЫСЛЯЯ ДРУГОГО: СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

Философы целою октавою брали ниже:
в карманах их, кроме крепких табачных корешков,
ничего не было. Запасов они не делали никаких
и все, что попадалось, съедали тогда же.

Гоголь Н.В. «Вий»

Анализу новых национальных проектов в Украине посвящено много работ современных социальных исследователей [см. работы: Рябчук М., Ермолаев А., Гнатюк О. и др.], создаются целые научные направления, не смолкают и политические дискуссии по этому вопросу. Обращение к данной проблематике носит колебательный характер, и в последнее время (после 2004 г.) волны интереса к поиску оснований национального политического единства синхронны обострению внутреннего политического противостояния в Украине. Систематизации научных подходов и политических трендов по данному вопросу до настоящего времени было уделено незначительное внимание в украинской политической науке, мы ставим себе целью разобраться в некоторых (далеко не всех) направлениях. В данной части работы мы хотим проследить процесс формирования представлений об украинской государственности в дискурсивных практиках представителей властных институтов и повседневных коммуникациях рядовых граждан.

Осмысляя разновидности практик национального конструирования, распространенных в современном мире, можно выделить первоочередное значение процесса осознания *границности* политической нации. Границей, препятствием и моментом «искривления» значения в коммуникации является некий Другой. В политическом символи-

ческом поле концепт Другой – это отправная точка, краеугольный камень осознания «Я» (в коллективной перспективе «Мы») новых государств. Центрирование исследовательской проблематики именно на процессе п(р)оявления Другого в политических текстах обусловлено ощущением затянувшейся конфликтности в украинском обществе, нехватки, не-достроенности, неполноты образа Я (Мы) и, как следствие, образа Другого.

Первоначальной задачей мы видим необходимость разобраться в теоретических конструктах Другого в социально-гуманитарном знании. Вовлечение Другого (*Alter* – лат., *Other* – англ., *Anderen* – нем., *L'autre* – фр.) как самодостаточного и самоценного предмета исследования в новоевропейскую философию впервые было осуществлено в работах Г.Ф.В. Гегеля [Гегель Г.Ф.В., 1999]. Именно у Гегеля Другой впервые предстает как условие самопостижения и реализации Я как «Свое Иное». Причем тотальность бытия Другого проявляется в его атрибутивности, в его насыщенной необходимости для постижения Я, без Другого Я никогда не сможет надеяться постичь себя. У Гегеля человек противопоставляется Другому, он утверждает по отношению к Другому свое право быть индивидуальностью, что делает Другого не только источником проблем и конфликтов, но и условием гражданского становления Я.

Философское наследие идей Г.Ф.В. Гегеля в XX в. и самостоятельные исследования о Другом в разных направлениях представлены гораздо шире. В экзистенциальной традиции Другой предстает как условие разрыва целостности Я. Так, у М. Хайдеггера Другой предстает в первую очередь как трансцендентальный субъект, и совсем мало уделяется внимания эмпирическому аспекту Другого: «Бытие Другого измеряется его знанием о себе, но никак не моим знанием о нем». В работах Ж.П. Сартра Другой представлен многопланово: «Мне нужен Другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия, Для-себя отсылает к Для-Другого». Другой являет себя на уровне онтологии (Я сталкивается с Другим в мире), на уровне эпистемологии (Другой выступает как ментальная структура и условие познания мира), в сфере морали (Я вырабатывает нормы взаимодействия с Другим) [Попов Б., 2003, с. 58]. Мир с Другим не может восприниматься Я как универсальный и работающий по одним законам. Другой задает двусторонность всем актам, а в онтологической перспективе Другой всегда претендует на владение миром, создавая потребность, нехватку, борьбу. Наличие Другого выступает как трагичная необходимость, центральным образом влияющая на все в Я. Рассуждая о Другом в работе «Бытие и ничто», Сартр пишет: «Другой – тот, кто мной не является и кем не являюсь Я. Между нами *есть* ничто разделения, это ничто не образуется ни у меня, ни у Другого, оно есть первоначальная основа всякого отношения» [Сартр Ж.П., 2000, с. 254].

Как мы можем увидеть, у Сартра *ничто* или отрицательная ткань бытия между Я и Другим задает все возможные модели отношений, текстов и действий. Проходя через *ничто*, находящееся между Я и Другим, действие или текст утрачивают часть значений и обрастают новыми. Однако понятие Другого не сведено только к пропасти *ничто*, оно имеет и собственный смысл: «Существование системы значений и опытов, радикально отличных от моих, фиксировано рамками, на которые указывают различные ряды феноменов. Эти внешние моему опыту рамки наполняются... Другой не является только тем, кого я вижу, но тем, кто видит меня». Из приведенного выше высказывания видно, что Сартр огромное внимание уделяет *различию* как факту Я и Другого и процессу *различения* Я от Другого. Различение как процесс находит свою завершенность в *отличии, растождествлении с Другим*. Специфику исследования о Другом у Ж.П. Сартра можно обозначить как обостренное внимание к конфликтности и непреодолимым различиям с Другим и определенное пренебрежение к демонстрации успешных и эффективных коммуникаций с Другим.

Э. Гуссерль анализирует Другого как *отсутствие*, объект пустых интенций Я. Другой (а не *ничто* между, как в работах Сартра) отрицается Я и, в принципе, «убегает» из картины смыслов, оставляя лишь реальность интенций Я [цитируется по: Сартр Ж.П., 2000, с. 258]. По сути, Гуссерль все активнее уводит нейтрального, но неизбежного Другого в сторону эмоционально окрашенного Чужого. Дальнейшая феноменологическая традиция все ярче подчеркивает разрыв между Я и Другим в критической модели «Я – Чужой». Гуссерль делит мир на свой мир и чужой мир или на близкий мир и далекий мир. Чужесть может быть внутри своего мира по отношению к его внутреннему горизонту или может быть чужесть далекого мира, которая находится за внешним горизонтом [Вальденфельс Б., 2004, с. 28]. Немецкий философ Георг Зиммель опасность, насущную угрозу Чужого, сформулировал в сентенции: «Кто сегодня приходит, а завтра остается». Тем самым Зиммель акцентирует наше опасение угрозы Другого *овладеть* Моим. Немецкая мыслительная традиция о Другом выражена квинтэссенцией политических отношений, представленных в теории Карла Шмитта [Шмитт К., 2000]. Все политические взаимодействия сводятся к отношению друзей и врагов, причем именно последнему типу взаимодействия Шмитт уделяет особое внимание. Политический Враг есть «Другой, Чужой», против которого ведется скрытая (латентная) или открытая война. Интенсивность различия Я и Другого у К. Шмитта приобретает наибольшую остроту.

Тексты современной практической философии используют в большей мере концепт Чужой, который может иметь множественные моральные коннотаты и эпистемологические интерпретации, практически не обращается к концепту Другой ввиду его абстрактности (безликости). Так, в

работах Бернарда Вальденфельса упоминание Другого встречается крайне редко [Вальденфельс Б., 2004], однако Чужой господствует в исследованиях автора. При первой встрече Я с Чужим, Чужой сплавляется с «Врагом», и только последующие взаимодействия могут изменить первоначальную негативную оценку Чужого.

Систематизация представлений о Другом будет неполной, если игнорировать наличие инаковости¹ во мне самом: «Je est un autre» (Римбаух) – Я есть Другим, аграмматическое перекрещение первого и третьего лица указывает на то, что есть не только alter ego, а также другое ego, которое накладывает печать (тавро) на Чужое. Я разделяется на *меня*, *мною*. Чужое – это не просто дефицит смысла бытия, это отсутствие (нехватка) в присутствии.

В конце концов, чуждость обретает высший уровень в радикальной форме. Это касается всего такого, что остается за всяким порядком и предстает перед нами в действиях, которые поднимают вопрос не о конкретной интерпретации, а об возможности «интерпретации» вообще. Это феномены разрыва сознания (на индивидуальном уровне – сон, опьянение, эрос), на социальном – революция, гражданская война или распад государства. Все радикальные проявления Чужести – конверсия, когда жизненные формы сталкиваются друг с другом или отделяются одна от другой. Превращение в Чужого может состоять в том, что Я в Мы-группе переживаю других членов группы как Чужих, или от того, что я сам ощущаю себя Чужим относительно Других. Различие направленности становится ощутимым уже на уровне языковых пониманий и институционализированных языковых игр. Кто говорит на чьем языке? Кто придерживается чьих правил игры? Носитель доминантного языка, который может быть официальным или языком культуры, который (носитель) склонен обвинять Чужого в том, что он не владеет языком или владеет им недостаточно хорошо. Совокупность черт Чужого закрепляется в наборе качеств, а выявление одной черты цепочкой возрождает весь набор и создает целостный образ «Чужого». Так, услышав начальные аккорды популярной песенки, у нас всплывает и ее содержание, и образ певца, то же происходит и с определением Чужого: диагностировав черту «Чужого», у нас возрождаются сложные образы «чуждости». Чуждость – это набор свойств, который таврует беженца или иммигранта. Но связь «Свое – Чужое», которая меняет свое направление (беженец является изгнанником и, соответственно, его родной язык является доминантным в покинутом им мире, да и мы сами легко окажемся на его месте, если отправимся в путешествие) является нестабильной.

Возвращаясь к послыу Г. Зиммеля и К. Шмитта, стоит помнить, что в политической перспективе становления нации всякий Другой (эмигрант, жи-

¹ Инаковость – это, по нашему мнению, наиболее адекватный перевод Otherness (англ.).

тель соседнего государства, с которым обострено противостояние, представитель другого этноса внутри страны) есть постоянная угроза, Другой ассоциируется с врагом, когда его амбивалентность превращается в однозначное негативное оценивание. Свое (принадлежность Я) не требует истолкования такого уровня, в котором Я предстаю перед Собой, а Мы перед Нами как самость. Собственное существование есть смысловая основа для толкования и решения в случае разделения Друга и Врага. Социальные и политические взаимодействия осуществляются в модели постоянного ожидания того, что под маской Другого скрывается Враг. Бытие Врага – это негация своего бытия, которая выражена в модели «Игры с нулевой суммой». Напомним, что прочтение социального или политического конфликта как «игры с нулевой суммой» задает остроту противостоянию, драматичность и непримиримость. Ведь логика подобного конфликта может быть выражена в формуле: «Чем больше бытия у моего врага, тем меньше у меня».

Отношения с Чужим настолько определены целью освоения, что освоение часто определяется как «познание», «изучение» или «освобождение» [Вальденфельс Б., 2004, с. 40]. Желание освоения идет плечом к плечу с определенными формами «центрирования»: эгоцентризмом, который возникает из индивидуального своего, этноцентризмом, который интенсивно отстаивает коллективное, и логоцентризмом, который ставит на «всеобщее».

Персональный опыт и культурный стиль (Я – Мы) вкладываются один в другой, опосредованные процессами седиментации, хабиитуализации и репрезентации Мы в Я.

– Чуждость вне нас отвечает первоначальной сущности в нас, которая исключает полное присутствие себя и полное владение собой.

– Чуждость предстает в разнообразии, которое никогда нельзя полностью рассмотреть.

– Также существуют разные уровни Чужого (обыденная, нормальная сущность; структурная чуждость, радикальная сущность) [Вальденфельс Б., 2004, с. 127–129].

Б. Вальденфельс выделяет повседневную (нормальную) чуждость внутри одного порядка, структурную чуждость (все, что за пределами своего порядка, чужеродность) и радикальную чуждость (за границами какого-либо порядка). Расширение границ порядка обязательно создает фронтиры порядка, открывается «дикий регион», который не вовлечен в культуру и имеет связи с другими культурами.

Французский психолог Ж. Лакан посвятил немало работ исследованию Другого. В попытке разобраться в значении Другого для Я Лакан определяет субъект (Я) как «субъект бессознательного», существование которого возможно лишь в разрывах речи, но не самого Я-говорящего, а Другого. Субъект (Я) начинается в моем Другом (бессознательном). Как таковой Я соот-

носится не с Другим, а с «означающим». Более того, субъект рождается, по словам Лакана, только тогда, когда «означаемый» появляется в поле зрения Другого. В таких усложненных, а подчас и довольно парадоксальных теоретических конструкциях Лакан пытается прояснить свою позицию в отношении психоаналитического субъекта. Выделяя существо лакановских рассуждений по этому поводу, можно сказать, что Я в структурном психоанализе детерминирован речью Другого и, следовательно, без него (Другого) нет и субъекта Я. Собственно говоря, и бессознательное, согласно Лакану, есть не что иное, как «речь Другого». Так, лакановская максима «бессознательное структурируется как язык» дополняется не менее важным для структурного психоанализа теоретическим положением, что «бессознательное про-является в речи Другого».

Феноменологические исследования в философии продвинули знание о Другом на уровень онтологического и эпистемологического знания, социальные теории сконцентрировались на изучении коммуникативных перспектив с Другим.

Социальная теория: Другой как поставщик значений

Осмысление процессов интеракций в XX ст. стало одним из ведущих направлений социальной группы наук. Выделяя значимую составляющую процесса взаимодействия, М. Вебер задает исследовательские границы: артикуляция смыслов внутри общества трактуется как инструмент для общения некоторого «знания о» Другому. Направленность в своих действиях на присутствие Другого позволяет сделать вывод: «осмысление становится тождественным коммуникабельности», то есть процесс в(вы)несения смысла в(из) суждение предстает как наличие базовых коммуникативных навыков [Давыдов Ю., 1999, с. 174]. Смысл выступает как обязательная составляющая контактов индивидов внутри социума, но что следует отметить особенно, так это то, что смысл в коммуникативной перспективе сводится к процессу *понимания*.

Наличие концептуального ряда «смысл – значение – ценность» в работах Вебера демонстрирует нам процесс градации всеобщности смыслов, кратко выраженный в соотношении персональных и социальных систем. Единичному сознанию присущ индивидуальный смысл, которым он наделяет свою деятельность; группе индивидов в их взаимодействии характерно некоторое общее значение; а смысл, одинаково трактуемый большинством членов группы, воспринимается ими как ценность. Соответственно в ценностно-рациональной деятельности Я осуществляется соотношение индивидуального смысла с господствующим порядком ценностей группы.

Проблемы распознавания Другого начинаются с процесса перерождения индивидуального смысла в ценность.

Более или менее сознательно выбирая свои линии поведения, действующие субъекты (Я) соучаствуют в создании общих его правил на данный случай, а не просто следуют неким универсальным, безликим нормам [Ковалев А., 2000, с. 9]. Благодаря усвоению истинных или воображаемых установок Другого в отношении себя человек научается осознавать себя и соответственно действовать «объективно» и тем самым становится полноценным субъектом социального действия.

Работа видного американского социолога Дж. Мида стала новым этапом в осмыслении взаимодействий с Другим (The I and the Me). Важнейшим механизмом интериоризации (социального перехода смысла в ценность) Дж. Мид называет принятие роли (role taking). Индивид выступает в ролях других людей перед самим собой, в каждой воображаемой ситуации как бы разыгрывая определенную роль перед определенной аудиторией. На первой фазе индивид примеряет на себя образы близких людей. На второй – социально-психологические установки людей подвергаются генерализации, появляется «обобщенный Другой» (the generalized Other), представленный в понятиях «народ», «мораль», «Общество», «Бог».

От понятия «обобщенный Другой» Мид переходит к понятию «социального контроля», отождествленного с самоконтролем, тут вступает языковое различие Self (I), индивидуалистическая ипостась социальной личности и Me и коллективная ипостась².

Ощущение «Я» в социальном взаимодействии очень скоро обретает значение «Мы» – группы «Я», схожих в интерпретации основных значений. Коллективное «Мы» в социальных интеракциях на протяжении всей истории человечества выражено гораздо сильнее, чем персональное «Я». Один из основных способов, который может выработать группа для защиты себя от внешней угрозы, – это развитие сильной внутригрупповой солидарности при одновременном создании некоего закулисного образа аудитории. Собственно, модель Ирвина Гофмана может быть представлена в следующей формуле: любое социальное образование можно изучать технически (в категориях эффективности организованной системы деятельности), политически (виды социального контроля над применением власти и использованием санкций), структурно (в категориях горизонтальных и вертикальных статусных подразделений и разновидностей социальных отношений), культурно (с точки зрения моральных ценностей, влияющих на характер деятельности в этом учреждении), драматургически (описание приемов управления впечатлениями, выработанных в данном социальном об-

² Мое, Я (индивидуальное) и Мною (социальное).

разовании, основных проблем управления впечатлениями в нем, критериев идентификации отдельных исполнительных команд, действующих в пределах такого образования, и взаимоотношений между ними) [Гофман И., 2000, с. 284–287].

Изучая структуру социальных контактов, можно выявить ключевой фактор – поддержание какого-то *единого определения ситуации* всеми участниками коммуникации, причем это определение должно быть выражено до конца вопреки множеству потенциальных срывов и потрясений.

Коллективная солидарность «Мы» выражается в ритуализации коллективных действий, приверженности строгому сценарию в социально и политически значимых интеракциях. Ритуал как спектакль обязательно требует наличия зрителей, которые не обладают качествами, что присущи исполнителям (перфомерам³). Аудитория, или наблюдатели, или «ОНИ», всегда предстает неполноценной, достаточно бездушной, чтобы позволить исполнителям «недоговаривать», а часто и обманывать ее с эмоциональным и моральным хладнокровием и чувством превосходства. И. Гофман, уделяя внимание изучению социальных взаимодействий, пишет: «В какой мере участникам команды и их коллегам удастся образовать совершенную социальную общность, которая каждому исполнителю предлагает прочное место и источник моральной поддержки (независимо от его успехов), в той же мере, вероятно, исполнители смогут защитить себя от сомнений и чувства вины и пустить в ход любой вид обмана» [Гофман И., 2000].

В современном мире эта модель театра реализуется в непрекращающихся усилиях получить профессиональный мандат на определенный вид деятельности, на тайное «знание». В политической сфере в области национального строительства в Украине мы наблюдаем соперничающие варианты «истинного знания» о том, что есть украинская «нация», или «государственность», или «демократия по-украински». Желание захватить контроль над политической реальностью реализуется в действиях политиков в борьбе за контроль над доминантной символической картиной «Украина».

Важным этапом в развитии понимания взаимодействия с Другим и оформлением структуры социального действия в современных моделях институтов стала социальная теория Т. Парсонса. Развивая структурно-функциональную теорию в сфере социальных наук, ученый сфокусировал внимание на политической структуре и первоосновах ее существования. Его разработки в области социальной структуры и социального действия позволяют выявить некоторые важные функции структурной позиции Другого в социальных взаимодействиях.

³ Мы сознательно используем кальку английского слова «performer», дабы показать двойственность этой роли, с одной стороны, это слово можно перевести как исполнитель, а с другой – как человек, который является источником неприятностей.

В качестве основного компонента существования социума ученый выдвигает акт *действия*. Действие концептуально выстраивается как универсальная составляющая общения. Отличительными характеристиками действия выступают два взаимодополняющих условия: оно всегда имеет смысл для того, кто его осуществляет, и оно всегда ориентировано на Другого [Парсонс Т., 2000, с. 602–603]. Парсонс продолжает веберийскую традицию позиционирования действия как базового компонента социума, но привносит, существенным образом, новое, расширяющее знание о процессе действия. Действие не рассматривается им с позиций рациональности или аффективности, оно изучается с позиций смыслоположенности, внесенной самим индивидом. Наличие смысла в деятельности и обязательная ее направленность на другого участника (в качестве интерпретатора деятельности может выступать как отдельный индивид, так и группа людей, интеракция может быть распространена во времени и в пространстве) делают такое ее понимание тождественным актам коммуникации.

Таким образом, ученый определяет все процессы, происходящие в обществе, в концептуальном русле коммуникации. Смыслорождающая единица (Я) планирует свое действие в соответствии с тем пониманием ситуации, которое оформилось в сознании. Парсонс говорит об ориентации действия Я [Парсонс Т., 2000, с. 417–418]. Построение смысла действия с позиции, что оно будет воспринято Другим, заставляет Я продумывать возможные общие смысловые ориентиры. Ориентация базируется на уже выделенных нами составляющих: собственном смысле и прогнозировании поведения вступающих во взаимодействия (участников коммуникации). Действие не может быть неориентированным, оно всегда предполагает наличие этих двух составляющих.

Выделяя несколько видов действия, ученый, соответственно, подвергает анализу социальную систему, культурную систему и систему личности, которые в единстве своем представляют бытие общества. Система личности организует внутреннее единство действий отдельного индивида, придавая им индивидуальную значимость и направленность. Социальная система выступает, как «любая система интерактивных отношений, объединяющих множество индивидуальных акторов» [Парсонс Т., 2000, с. 453]. Взаимодействие (интеракция) выступает довлеющей характеристикой в системе личности и социальной системе. Способствует же процессу обмена между системами личности и социумом – *роль*. Позиция роли во взаимодействии чрезвычайно важна, она выступает как адаптор между индивидуальным актом смыслополагания Я и множествами смыслов Другого, выраженных также в действиях. Роли регулируют направленность действия и способствуют его вхождению в систему обобщенных смыслов. В процессе создания ролей участвуют обе системы. Парсонс пишет: «Роль – такой орга-

низованный сектор ориентации актора, который конституирует и определяет его участие в процессе взаимодействия, включает взаимное соотношение ожиданий» [Парсонс Т., 2000, с. 448].

Напомним, что Т. Парсонс видный представитель стурктурализма, получившего свое развитие в 20–50-х гг. XX в. Это связано с систематизацией результатов полевых антропологических исследований первобытных народов. Сопоставление систем жизнедеятельности первобытных племен и развитых государств выявило единую структуру, присущую обоим объектам исследования. Однако полное теоретическое обоснование структурно-функциональный подход в социологии получил в середине 1960-х гг.

Структура представляет собой теоретическую модель [Парсонс Т., 2000, с. 387], которая позволяет выявить наиболее значимые доминанты существования и функционирования общества на всех этапах его развития, начиная от первых этносоциальных организмов и до наших дней. Структура совмещает в себе все три системы (систему Я, социальную систему и систему культуры, последние две разнятся уровнем генерализации). Заданные в структурной лингвистике параметры структуры остаются адекватными и в социологии. Этими характеристиками являются:

- целостность: подчинение элемента целому и независимость последнего;
- трансформация: упорядоченный переход одной подструктуры в другую на основе правил порождения;
- саморегулирование: внутреннее функционирование правил в пределах данной системы [Словарь терминов французского структурализма, 1975, с. 460].

Структура, как обязательный компонент всякой системы, характеризуется рядом свойств и компонентов, их отношений и комбинаций, которые для многих аналитических целей логически и эмпирически могут трактоваться как константные. Внутри структуры есть процессы, призванные поддерживать ее стабильность, но также и структурно-изменяющие процессы – структура содержит в себе возможность для изменения, не приводящего к ее разрушению. Структура задает некоторое количество стандартизированных ситуаций и кодексы поведения. Институционализированные ценности являются важным структурным компонентом социальной системы.

Сопоставление индивидуальной, социальной и культурной систем в исторической перспективе представляет глобальную структуру отношений, имманентную для различных культур и эпох. Конкретные смыслы, наполняющие системы, время от времени изменяются, но структурные отношения остаются прежними. В любом историческом моменте и в различных этнокультурных системах можно выделить разнообразные системы смыслов, но исходные их диспозиции, способы согласования и основные функции остаются без изменений.

Таблица 1

Я	Роль	Генерализированный Другой
Действие		Реакция
Позитивное, согласованное со всеобщей системой смыслов	Есть, высокий и средний социальный статус	Принятие или награда, формирование морального императива для всех граждан
Негативное, осуждаемое системой, но соотносимое с доминирующими смыслами	Есть, низкий социальный статус	Наказание, но в границах моральной системы социума
Фронтир, выходящее за рамки общей системы смыслов	Роль дураков, шутов и пр.	Изгнание, осмеяние, выведение субъекта из класса акторов

Социальная роль – это свод правил и обязанностей, сопряженных с определенным статусом (Дж. Мид). Отдельный интерес представляет изучение фронта и связанных с ним ролей, в фундаментальном труде об изучении Чужого в современном философском дискурсе О. Довгополова выделяет пограничные, фронтальные роли в средневековом европейском обществе [Довгополова О., 2007].

Таблица 1 демонстрирует нам три основных вида действия и их результаты, отображенные в социальной системе. Как видим, первые два действия подходят под роли, принимаются социальной системой, и только последний тип действий демонстрирует инертность системы.

Действие, которое согласуется с системой ценностей и выступает как адекватное ей, принимается всеми актерами и поощряется. Поощрение может быть выражено различными способами. Это и внешне нейтральное принятие обыденных ролей граждан, и громогласное, торжественное чествование актера, который в особо трудных условиях отстоял доминирующие ценности системы (отсюда берет начало культ героев, присущий любой социальной системе). Действие, отходящее от общих запретов, но подчиняющееся системе доминирующих смыслов, наказывается по правилам, разработанным социальной системой. Так, кража имущества может рассматриваться как действие, подходящее для этой градации. Кража игнорирует право частной собственности, но не противоречит собственности как ценности в целом.

Действие, выходящее за границы общих смыслов, несет в себе угрозу для существования социальной системы в целом, так как подвергает сомнению ценности, организующие ее. Индивид действует, руководствуясь смыс-

лами, не имеющими устойчивого ролевого воплощения. Социальная система не принимает неадаптированное ролю действие и классифицирует его как бессмысленное. Именование действия как бессмысленного выводит его автора за границы «разумного», целесообразного действия. Единичные акторы подвергаются массивному давлению, как физическому, так и психологическому. Если единичные действия, не имеющие роли, учащаются, то для комфортного сосуществования индивидуальных систем и социальной системы создается специальная роль, совмещающая смыслы. В ходе исторического развития созданы роли и для подобного типа поведения – сумасшедшие, дураки, шуты (непревзойденный анализ был проведен Мишелем Фуко). Отличительными чертами данного типа поведения являются несерьезность, отсутствие рационального (сознательного) акта действия.

Таким образом, можно сказать, что роли определенным способом классифицируют, адаптируют и *легитимируют* отдельные индивидуальные акты. Роль сопоставляет индивидуальные смыслы Я со смыслами Другого, выраженные в глобальных смыслах социальной системы. В момент соотношения системы действий Я с потребностями социума и формируется социальный статус. Легитимация индивидуального действия осуществляется в момент его соотношения с системой доминирующих смыслов, институализацией Другого. Адаптивность роли позволяет встраивать индивидуальное действие в регламентированную социальную систему.

В культурной системе регуляция действий осуществляется в системе смыслов, обращенных в символы. Символическая наполненность культурной системы задает несколько иной способ легитимации.

Все три системы вступают в постоянное взаимодействие. Связующим звеном, которое образует из трех различных систем единое общество, выступают *экспектации*. Они создают единую структуру, протянувшуюся на многие века и представленную во всех культурных системах.

Совмещение столь разных сфер демонстрирует нашу позицию по отношению к термину «легитимация». Легитимация позиционируется в качестве *обязательной характеристики* (функции), *присущей всем сферам жизнедеятельности Я* (а не только политике или праву). *Функциональность легитимации заключена в доверии к универсальным средствам обмена – ценностям, доминирующим в различных областях человеческой деятельности*. Понятие легитимности может быть использовано в подавляющем большинстве сфер социокультурной реальности. Легитимность выступает атрибутом коммуникаций с Другим, иначе она (коммуникация) не состоится.

Теоретические разработки Т. Парсонса получили своеобразное развитие в теории власти немецкого социального философа Н. Лумана [Луман Н., 2001].

Аккумулировав достижения системной и структурно-функциональной теорий американских ученых, феноменологическую традицию и разработки коммуникативной теории действия, Луман создал самобытное учение о социальных системах, используя как основу семантическую методологию.

Глубоким изменениям подверглась категория социальной философии – система. Система в системно-феноменологической интерпретации Лумана перестает быть некоторым предзаданным, регламентирующим и управляющим каркасом. Социальная система в собственном, независимом от человеческой деятельности бытии предстает как *сеть потоков коммуникаций*. Люди вовлекаются в коммуникации, участвуют в них, некоторым образом де-формируют их, но они (люди), по мнению Лумана, оказываются внешним миром по отношению к системе. Коммуникации в современном мире представляют имманентную структуру, полностью тождественную обществу.

Теоретическое учение Лумана предполагает возможность для изменения системы коммуникаций. В качестве исходных условий изменений выдвигаются тезисы об эволюционных и дифференциальных качествах социальных систем. Смысл бытия социальной системы во времени закодирован в эволюционных изменениях. Происходят процессы, которые характеризуются усложнением коммуникаций, большей вовлеченностью количества акторов и сложностью коммуникационных тем. Сети коммуникаций изменяются в соответствии с новыми требованиями: количество их возрастает, они обрастают иными, более совершенными, правилами.

Одним из наиболее значимых открытий, сделанных Луманом в анализе социальной системы, является следующее положение: если основу социальной системы составляют сети коммуникаций, то можно предположить, что социальная система потенциально *консенсусна* и потенциально *конфликтна*. Ведь в случае удачной коммуникации между акторами установится согласие по поводу предмета общения; если коммуникация завершится неудачно, то следующим этапом отношений будет конфликт.

Дифференциация выступает как предметная смысловая характеристика социума. Усложнение структуры взаимосвязей, выделение новых социальных сфер требуют разветвления сетей коммуникаций и формирования новых различных правил, необходимых для эффективного функционирования вновь образованных.

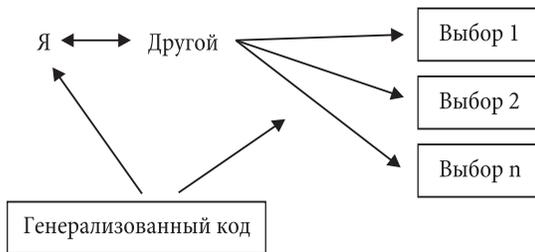
Эволюция социальной системы, появление разрозненных и обособленных социальных институтов потребовали необходимости создания «более широких, более комплексных и дифференцированных общественных систем, которые для предотвращения дальнейшей дифференциации формируют предельно генерализированные и одновременно специализированные средства коммуникации, наделяя каждую общественно значимую частную

систему своим коммуникативным средством» [Луман Н., 2001, с. 9]. Смысл выступает ключевой характеристикой индивидуального человеческого бытия и объективируется в социальную систему, существующую как сеть коммуникаций. В своем превращении (объективации) индивидуальный смысл не столько согласуется с выработанными ролями (как было замечено Парсонсом), сколько с некоторыми особыми смысловыми схематизмами – *коммуникативными средствами*. Последние возникают как результат эволюции и дифференциации социальных отношений и служат для того, чтобы упорядочивать и систематизировать потоки коммуникаций по разным сферам. Теория Парсонса о регламентации социальных отношений получила новый импульс в работах Лумана.

Эти конструкторы (коммуникативные средства) присутствуют во всех жизненно важных социальных сферах: так, в политике основным коммуникативным средством выступает власть, именно на ее основе структурируются все политические взаимоотношения. В науке таким средством является истина, она предопределяет все возможные коммуникации в этой сфере, в этике (как основе межличностных отношений) таким средством является добро, в экономических отношениях – деньги (как опосредованная собственность), в интересующих связях – любовь. Коммуникативное средство, которое в наибольшей степени регламентирует всю социальную жизнь, пронизывает все сферы, – это право. Право осуществляет сведение всех социальных сфер и регламентирует потоки коммуникаций на уровне общества в целом.

Со временем происходит *генерализация* (обобщение) коммуникативных средств в отдельных отраслях. Генерализация коммуникативного средства осуществляется для того, чтобы обобщать опыт предыдущих актов коммуникаций данной сферы для Другого. Происходит одновременно воссоздание истории, наполнение селекции прецедентами, и при этом не уничтожается возможность идентификации кода и коммуникативных тем. Редуцируя знание о коммуникативном средстве к данной конкретной ситуации, генерализированный код предлагает контингент селекций.

Луман предлагает следующую схему коммуникации:

Необходимо дать пояснения к схеме. Я сообщает некоторую информацию Другому, на основании которой последний делает выбор дальнейших действий. Важным моментом является тот факт, что генерализированный код влияет как на подбор темы коммуникации, так и на варианты селекций, предоставляемые Другому и выступающие для него как имеющие смысл.

Анализ легитимирующих коммуникаций дает нам представление об особом значении осознанного понимания происходящего каждым индивидом. Субъект в обыденной жизни не действует как запрограммированный механизм, где каждый вариант выбора равно эмоционально окрашен. Напротив, часто возникают ситуации, в которых, по мнению Другого, выбора у него нет или он не равноценен.

Вернемся к анализу коммуникативного события: Другой получил сообщение и осознает, с учетом полученной информации, возможные варианты своих дальнейших действий. На выбор ответа влияет не только язык и его дифференциации, современное общество формирует дополнительные учреждения, которые должны обеспечивать возможность селекции в полном объеме.

Наиболее подробному анализу в работе «Власть» была подвергнута коммуникативная характеристика влияния. У Лумана власть выступает как разновидность коммуникации (а точнее – генерализирующее средство), присущая сфере политики. Определение коммуникации не сводится только к конкретной (реальной) интеракции. Главная задача коммуникативного акта видится автору в том, чтобы артикулировать социальный смысловой характер. Коммуникация всякий раз содержит в себе потенциальную селективность (вариативность) последующих действий акторов. Важным условием компетентного участия индивида в коммуникации является осознание им селективности. Селективность предполагает наличие вариантов выбора дальнейшего поведения актора: чем больше подобных вариантов, тем больше степень свободы участников коммуникации. Особенно важно отметить два базовых условия осуществления истинной (по правилам) свободной коммуникации – это *компетентность* и *свобода селекций*. Компетентность выступает как осознанность действий актора, наличие достаточного количества знаний о предмете коммуникаций, информированного об условиях, правилах и последствиях коммуникативного акта. Компетентность предполагает, что в дальнейшем актор не откажется от соблюдения последствия коммуникации и выполнения согласованных в результате ее действий.

Свобода селекций зиждется на вариативности выбора реакции Другого на полученную информацию. Чем больше количество вариантов выбора, тем свободнее протекает коммуникация. Однако безграничное число последствий коммуникации сделало бы невозможным эффективное функционирование социальной системы. Для того чтобы ориентировать актора

на свод проблем, характерных именно для этой социальной сферы, были разработаны механизмы, усовершенствующие и организующие потоки коммуникаций, – коммуникативные средства. Компетентность и свобода выбора взаимно обусловлены и необходимы для того, чтобы акт коммуникации был признан правильным.

Теория, предложенная Луманом, трактует феномен власти на основе различия между генерализирующим кодом и процессом коммуникации. Власть, как некоторое качество, не принадлежит ни первой, ни второй инстанции. Власть заложена в возможности управления кодом коммуникации, другими словами, в потенциальном влиянии на селекцию актора [Антоновский А., 2001]. Сам Луман пишет об этом следующее: «Источником всех возможных усилений власти является генерализация символов» [Луман Н., 2001, с. 52].

В сложно дифференцированном обществе генерализированные коды могут проникать в другие, неподвластные им сферы. Так, при изучении сферы политики познающий актор вскрывает генерализирующий эту сферу код власти и при этом использует собственный код (истину) для познания. Этот момент пересечения коммуникативных средств представляет возможность для мифологизации реальности.

Код не имеет под собой начала, он предстает как самоориентированный элемент. Коммуникативные коды – это *смысловые схематизмы, управляющие селекциями той возможности, которая в данном горизонте имеет смысл, актуализируется и в конечном итоге конституирует систему, становясь ее элементом.*

Луман делает вывод, что появление власти в социальных и политических отношениях возможно тогда, когда кто-то пытается *управлять генерализированным кодом*, с его помощью влиять на информацию (тему коммуникации) и дальнейший выбор поведения Другого. Сам генерализированный код рефлексии не поддается, выступает у Лумана как конечное значение, имеющее причину в самом себе.

В совокупности работы Парсонса и Лумана позволили нам выявить условия легитимации Другого в процессе коммуникации и изучить наличие доминирующего кода в каждой значимой социальной сфере.

Мы можем выявить два уровня легитимации Другого: языковой и социальный, каждый из которых также состоит из нескольких подуровней. Так, на социальном уровне мы можем говорить о генерализации и дифференциации как о важнейших характеристиках построения «карты» идентичности Я.

Конфликт с Другим: социальные функции

В русле структурно-функционального подхода был предложен ряд объяснений того, каким образом возможно совместное бытие Я и Другого. Но вскоре были актуализированы вопросы, оставшиеся без ответа в данной теории. Например, один из самых частых упреков, предъявляемых этой теории, состоит в том, что позиционирование доминанты социальной системы в общественном бытии снижает фактор индивидуальной свободы и игнорирует множественные конфликты. Значение личностей в некоторых исторических моментах переоценить трудно, но в границах структурно-функциональной теории этот феномен должного объяснения не имеет. История предоставляет множество фактов, когда социальные системы рушились и воздвигались новые, с существенно иными наборами доминирующих смыслов. Периоды краха систем также не могут быть обоснованы средствами этого подхода.

Роль конфликтов в построении персональной или национальной идентичности чрезвычайно важна. Конфликт задает границы смыслов, выявляет фронтирные территории с «размытыми» символическими системами, вносит порядок во внутренние иерархии смыслов. В современных практиках конструирования наций к конфликтам прибегают достаточно часто и полифункциональность этого типа взаимодействия не может быть ни в коей мере игнорирована нами для постижения политического образа Другого.

Классической работой по изучению конфликта в социуме принято считать книгу Л. Козера «Функции социального конфликта» [Козер Л., 2000]. В качестве двух вдохновляющих теорий для автора, по собственному его признанию, выступили теории конфликта у Г. Зиммеля и теория социальной структуры Т. Парсонса. Критикуя системную теорию, и в частности глобальность структуры у Т. Парсонса, Козер дает новую жизнь исследованиям конфликта. По его утверждению, конфликт невозможно исключить из социальной жизни и помимо деструктивных функций конфликта можно обнаружить достаточно большое количество конструктивных проявлений в ситуации конфликта.

Конфликт располагает к интеграции, упорядочиванию и соподчинению конфликтующих групп, задает границы между группами внутри социальной системы благодаря усилению самопознания групп и их представлений о собственной отдельной специфичности [Козер Л., 2000, с. 39]. Взаимное «отталкивание» групп позволяет сохранять целостность системы и удерживать равновесие между различными ее группами. Именно через конфликтное взаимодействие с Другим вырабатывается осознание собственного значения и ценности единства. Другой может выступать и как пози-

тивный рефрен: с ним можно соперничать, равно как и возмущаться [Козер Л., 2000, с. 55].

Открытая социальная группа характерна проявлением рессантимента, который выражается не в прямом отрицании ценностей соперничающей группы, на которые обращены негативные эмоции. Это скорее злоба, соединенная с завистью: то, что открыто отрицается и осуждается как враждебное и Чужое, на самом деле является предметом тайного вожделения группы. Нехватка бытия для Я и угроза захвата Другим ценности проявляются в остром эмоциональном неприятии, ненависти.

Воплощение враждебности в реальное конфликтное поведение зависит от того, насколько социальное неравенство легитимировано социальной системой, насколько сильны эти традиции и как к ним относятся социальные группы. Прежде чем возникнет конфликт, прежде чем враждебность станет действием, менее привилегированная группа должна осознать то, что она действительно чего-то лишена. Если ее требования изменения статуса будут восприниматься как реальные всеми ее членами, то конфликт будет приобретать характер действия. Конфликт часто возникает как нехватка бытия, дефицит ценностей. Однако если конфликтное поведение заблокировано, то чувства враждебности будут переходить на замещающие объекты или на замещающее удовлетворение, сублимацию желания. Так, карнавал в потестарном обществе есть ритуал, который способствует высвобождению чувств и влечений, которые сурово подавлялись в течение всего года. Изменения социальных статусов и ролей внутри общества на небольшой период времени способствуют замещению удовлетворения.

Наблюдения и эксперименты социальной психологии показали четкую связь между уровнем внешней агрессии и внутригрупповой сплоченностью. Высший уровень агрессии наблюдается у строго организованных, упорядоченных, моноэтнических и монорелигиозных групп. Высокий уровень тоталитарности секты однозначно ведет и к потенциально высокой ее конфликтности. Угроза Другого (здесь можно говорить об эмоционально окрашенном Чужом) – постоянный внешний вызов для группы, который способствует ее сплоченности, замкнутости, высокой фрустрированности, когда агрессивное поведение следует мгновенно за агрессивными высказываниями. Внутренняя сплоченность далеко не обязательно представлена как сильная иерархическая или жестко централизованная структура. Сетевые объединения отличаются слабой централизацией, но могут продемонстрировать мобильность, высокую эффективность и быстроту в принятии решений.

Интересное проявление жесткого агрессивного поведения наблюдается по отношению к «бывшему Нашему», которое часто носит характер открытой ненависти к ренегату. Предательство или конструирование образа измены индивида или группы приводит к наиболее ярким типам конфликт-

ного отрицания. Уважение к врагу в данном контексте невозможно, ибо вражда возникает на основе прежней солидарности. Еретик, ренегат – наиболее непримиримый враг для группы, так как он борется за те же цели, но вкладывает в свое действие иные смыслы. Предатель для группы опасен и потому, что своим действием он изменяет образ Другого. Традиционный враг (Другой) – условие, против которого группа объединяется, ренегат находит в Другом привлекательные черты и размывает маркеры границы «Мы/Они». Сохраняя приверженность основополагающим целям «Мы», он создает угрозу раскола группы на соперничающие фракции в интерпретации основной групповой цели и того, кем являются «Они». Данный конфликт несет серьезную угрозу целостности группы, поэтому и подавляется он обычно очень жестоко.

Современная социальная идентичность представляет скорее паззл, чем однонаправленную концентрацию на Другом. Так, анализируя низкую классовую сплоченность американских рабочих, Козер замечает, что их идентичность «растаскана» по членству во множестве ассоциаций и групп: религиозных, этнических, профессиональных, статусных и прочих. Разные линии конфликта создают причудливый узор узлов и разломов интересов, где невозможно выделить одну главную групповую линию разрыва. Широкая палитра социальной идентичности индивида снижает концентрацию на одной идее, и образ Другого предстает в качестве многообразных повседневных коммуникаций, а не в образе монолитной фигуры [Козер Л., с. 101]. В обратном случае можно сказать, что сильная, сформированная вокруг одной ценности идентичность создает реальную угрозу для социальной целостности множества групп.

Значимым этапом в развитии социального знания явилось оформление феноменологического подхода в рамках социальной теории.

Теория легитимации Другого, предложенная феноменологией, выводит исследуемый нами феномен в плоскость *онтологического обоснования* и выдвигает легитимацию на одну из главных ролей в процессе когнитивной интерпретации социального порядка и существующих мировоззренческих установок. В процессе легитимации осуществляются не только деонтологические предписания, но даже *задаются гносеологические схемы*.

Процесс легитимации мы будем понимать как *разновидность коммуникации, процесса интерпретации основных значений и вовлечения Другого в существующую ценностную систему*.

Легитимация в значительной мере способствует истолкованию правил существования социума, а в прикладном аспекте задает приемлемые типы поведения. Важное приращение знания о процессах легитимации Другого наблюдается в теории П. Бергера и Т. Лукмана:

1. Легитимация Другого осуществляется на когнитивном уровне и может пониматься как набор схем интерпретаций социального порядка.

2. Легитимация является обязательной составляющей социализации и идентификации человека, это атрибутивная функция существования Другого.

3. Легитимация Другого – это процесс, происходящий не только в настоящем времени, между реальными акторами, но действие, которое постоянно встречается в истории социумов, таким образом, легитимация выступает необходимым связующим звеном между поколениями людей.

Однако обо всем по порядку. Ученик Э. Гуссерля А. Шюц эффективно интерпретировал феноменологический подход к социальной теории. Применение феноменологического метода для изучения смыслов, конституирующих повседневную жизнь людей, позволило заполнить пропасть, которая образовалась в результате игнорирования изучения обыденного сознания. Когнитивные установки большинства людей в повседневной жизни стали предметом изучения социологов. Количественные методы анализа, которые доминировали в прикладном социологическом знании, были потеснены новыми феноменологическими способами изучения повседневной жизни акторов. Анализу стали подвергаться не только номинативные, «транспарентные» смыслы, но и глубинные, подспудные переживания Я в социуме. Феноменологические методы анализа социального мира в первую очередь были применены к таким его знаковым системам, как язык и материальные продукты.

Интерпретация индивидуальных смыслов и их отношений с системными ценностями, по мнению ученого, возможна на основе типизации объектов, их идеализации. Под идеализацией Шюц понимает наличие базовой гносеологической уверенности Я в том, что различие перспектив при изучении объектов, которое возникает в результате разницы в биографических ситуациях Я и Другого, несущественно. Иными словами, речь идет об уверенности во взаимозаменяемости познающих субъектов и достижении единого результата их наблюдающей активности⁴.

В своей интерпретации социального бытия Шюц использует и разработки М. Вебера в сфере исследования ценностей [Шпакова Р., 1997, с. 143]. Шюц задает категорию *универсум*, характеризующую набор доминирующих ценностей в социуме, а также формирует знание о *субуниверсумах дискурса*, упорядочивающих отношения Я – Другой с позиций здравого смысла [Шпакова Р., 1997, с. 153]. Оформление нового метода исследования социальных взаимоотношений определило новую интерпретацию легитимационных процедур. Соратники и ученики Шюца продолжили изучение

⁴ Конечно, при условии, что Я и Другой будут находиться в одинаковых условиях познания.

социальных систем, сосредоточив свое внимание на процессах организации и взаимодействия социума.

Новым этапом в изучении легитимационных процессов стала работа ученых Т. Лукмана и П. Бергера «Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания». В качестве основных моментов критики структурно-функциональной теории ученые выдвигают тезис о том, что «логика свойственна не институтам и их внешней функциональности, но способу рефлексии по их поводу» [Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 108]. Исходя из этого глобального тезиса, ученые выстраивают теорию истолкования и интерпретации жизненного мира. Выдвигая в качестве объекта анализа повседневную жизнь людей, Бергер и Лукман акцентируют внимание читателей на перманентном «достраивании» картины мира до некоторой целостности. Реальность предстает обыденному сознанию не только и не столько как данность, но как поле для экспериментов, как полигон для объективации собственных представлений. Объективация индивидуального «Я» осуществляется средствами языка [Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 66]. Язык производит перевод индивидуального опыта в социальный. Во время этого перехода индивидуальный опыт теряет уникальность и становится анонимным, принадлежащим генерализованному Другому. Таким образом, социальный порядок предстает в данной интерпретации как непрерывное производство смыслов [Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 88]. Порядок не является предметным феноменом, он возрождается каждый раз в моментах коммуникации с Другим. Будучи актуализированным, он (порядок) живет некоторое время, а затем снова угасает. Порядок бытия социума не сфокусирован в каком-либо одном месте, он разлит по множеству моментов коммуникаций и проявляется в первую очередь в хабитуализированном поведении.

Хабитуализация выступает как один из основных этапов становления культуры, суть ее заключается в том, что всякое повторяющееся действие Я перерастает в привычку. Привычное поведение в схожих ситуациях существенным образом экономит энергетические затраты, необходимые для его осуществления. Хабитуализация⁵ проявляется в уменьшении количества альтернатив в привычной ситуации. Повторяющиеся действия регламентируются и воспринимаются всеми акторами в одних смысловых конструктах. Хабитуализация лежит в основе институализации, когда осуществляется взаимная типизация опривыченных действий. Таким образом, можно сказать, что зачатки институализации существуют во всех повторяющихся действиях. Степень институализации действия прямо пропорциональна возможности осуществлять контроль за его исполнением. Подобная трак-

⁵ Фрейд в социальном варианте может быть представлен как вариант хабитуализации.

товка институтов в обществе допускает их различные исторические формы, но всегда предоставляет возможность осуществления их верификации.

Если внешне хабитуализация проявляется как институализация, то для индивидуального сознания (Я) этот процесс осуществляется как седиментация, осаждение опыта в сознании [Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 118]. Седиментации собраны в произведениях языка: поэзия, например, представляет один из самых утонченных видов коллективной седиментации. Язык служит инструментом для передачи индивидуальных смыслов и для объяснения институализированных типов поведения. Бергер и Лукман в своей интерпретации действия используют теоретические разработки М. Вебера и Т. Парсонса. Действие рассматривается ими как момент соотнесения Я с объективным смыслом действия. После свершения действия часть Я объективизируется в его результате. Объективация проходит этап институализации с помощью *роли*. Роль имеет то же начало, что и институты: она призвана осуществлять контролирующую и направляющую функцию за деятельностью индивида⁶.

Максимой институализации Другого выступает *реификация*. Реификацией называется явление, когда результаты человеческой деятельности начинают восприниматься как природные, объективные явления. В качестве вида реификации ученые приводят пример, когда социальные институты наделяются онтологическими характеристиками. Реификация любого процесса выступает как последняя ступень объективации. Реальность, созданная человеком, уходит из-под его контроля и обретает собственную логику и причину для своего существования.

Объяснение совместного бытия Я и Другого в социуме, данное Бергером и Лукманом, наделяет процесс легитимации чрезвычайно важными функциями. Легитимация, прежде всего, осуществляется в повседневной жизни, в границах обыденного языка. Потребность в легитимации возникает тогда, когда новым акторам необходимо объяснить существование институтов, ролей и ценностей, присущих данному обществу. В момент создания нового типа общества акторам и так вполне понятно, к чему будут устремлены создаваемые ими те или иные роли, те или иные институты. Но объяснение необходимо для нового поколения или для людей из других социальных систем. Поэтому справедливо определить легитимацию как «смысловую объективацию второго порядка, она создает новые значения и служит для интеграции тех значений, которые уже свойственны различным институциональным процессам» [Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 151]. Легитимация способствует осуществлению одной функции, без которой существование социума как целостности не представляется возможным, – интегративной.

⁶ Значение *роли* было рассмотрено нами ранее.

Интеграция и легитимация осуществляются в двух плоскостях: индивидуальной и общей. В индивидуальной плоскости интеграция выступает как наличие смысла в жизни индивида (экзистенциальное условие существования), в общей – как доминирующий смысл существования общества как целостности. Легитимация не сводится только к деонтологическому принципу, но имеет онтологические резоны. Новому поколению недостаточно информации, которая передается как хабиитуализация привычных ролей и способов поведения, легитимация становится необходимой для описания причин существования тех или иных институтов. В процессе легитимации осуществляется объяснение существования институционального социального порядка на основании присущих ему когнитивных стратегий. Объективирование осуществляется также в придании нормативного характера практическим императивам этого порядка [Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 153].

Самодостаточные системы смыслов оформляются в символические универсумы – системы теоретических традиций, впитавшие различные области значений и включающие институциональный порядок во всей его символизированной ценности.

Символические универсумы обозначают сферы реальности, вводят их градацию и вырабатывают систему ценностей, трансцендентную для всех сфер. Легитимация осуществляется посредством символических совокупностей. Последние объективированы не обыденным языком, а специализированными подтипами языка. Все секторы институционального порядка интегрированы на этом уровне во всеобщую систему отсчета. Любому действию индивида или возникшей потребности можно найти обоснования в глобальном универсуме: начиная от ежедневных нужд и заканчивая экзистенциальными переживаниями. Символический универсум служит для объяснения институционального порядка, он охватывает его полностью и в то же время в своей целостности выходит за пределы порядка. Работа по воссозданию символического универсума продолжается в поколениях людей, ибо он разъясняет существование порядка, созданного человеком, и окружающей действительности, он упорядочивает историю, создает институализированный образ прошлого и проект будущего как общее устремление. Символический универсум задает граничные ценности для общества и формирует общую систему смыслов. Мы вовлекаемся в воспроизводство универсума с помощью институализированных ролей и преодолеваем свои страхи, обретая уверенность в защите универсума. Пребывая внутри универсума, человек не испытывает тревоги за правильность того, что он делает, ведь все его действия согласуются с концептом «здравый смысл», а значит, приносят пользу ему лично и социуму в целом.

Рефлексия по поводу символического универсума выступает как легитимация «в квадрате». Со временем эксперты, которые ответственны за

воспроизведение теоретических констант универсума, все более отдаляются от повседневности и генерируют знание чистой теории и конечного смысла объектов. Этот момент опасен для бытия общества тем, что чрезмерная институционализация приводит к абсолютной формализации и инертности легитимирующих оснований. Эксперты не обращают внимания на то, что прагматические требования остальной массы общества не удовлетворяют предложенные ими конструкты поведения.

Проблемы в комфортном существовании символического универсума возникают тогда, когда открываются альтернативные универсумы Другого. Все большее количество людей остаются не удовлетворенными объяснением порядка существования универсума, со временем формируется новый тип универсума и вырабатываются иные системы смыслов. Альтернативный универсум обретает реальность вместе с верой в его реальность аполлогетов. Группы альтернативного универсума (по определению Бергера – Лукмана – девиантного) начинают угрожать существующему порядку, системе институтов. Общество, отстаивающее бытие универсума, вырабатывает карательные функции, легитимирует необходимость репрессий. Здесь речь идет о социальном конфликте, угрожающем бытию группы, поэтому борьба с ренегатом приобретает особо острый характер. Подобная борьба с ересью усиливает бытие символического универсума, оттачивает легитимационные «приспособления». Более того, возникает такой феномен, который ученые назвали «терапией универсума», создаются механизмы, которые заранее институализируют альтернативные универсумы, не давая им развиваться в оппозиции к господствующему и обрести доверие [Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 184].

В историческом процессе ученые выделяют этапы легитимации. Мифология выступает как «архаическая форма легитимации» [Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 180], где организующим универсум является положение о проникновении священного в мир повседневности. Легитимация осуществляется особой когортой специалистов, следящих за тем, чтобы коммуникация между двумя мирами всегда осуществлялась без проблем. Теологическая эпоха в качестве центральной выносит не тему единства, континуальности миров, но тему их противостояния. Посредничество и прерогатива на осуществление связи между мирами принадлежит сообществу магов. Расслоение происходит и внутри профанного мира, – возникают уровни легитимации: наивно-мистический для масс и логически-утонченный для элиты.

Наука, ставшая центральной темой универсума с середины XVI в., не только завершает расхождение профанного и священного миров, но и удаляет из обыденной жизни легитимирующие основания. В современной социальной системе повседневность не обрела теоретического обоснования, но потеряла мифологические составляющие. Концентрация легитимирую-

щих оснований в сфере науки, отсылка к ее достоверности как к *ratio decidenti*⁷ подменяет предмет священного. Наука обретает все те же характеристики и доверие людей, которыми обладал мир священного на предыдущих этапах.

Столь развернутая теоретическая схема, которая была представлена в работе Бергера – Лукмана, замыкается на концепте идентичности. Построением идентичности человек занят на протяжении всей жизни. Идентичность выступает в феноменологической интерпретации как постоянное наложение образов социума, доминирующих ценностей и упорядоченных отношений на представление о своем «Я» как о некоторой целостности и завершенности. Зачатки идентификации закладываются в самом раннем детстве, когда индивид в своем сознании формирует образ обобщенного Другого. Именно в оппозиции Я – Другой выстраиваются основные идентификационные связи. В процессе жизнедеятельности количество идентификационных связей увеличивается, но основные (заданные нам языком, социальным окружением, национальностью, работой и сферой интересов) изменяются незначительно. Идентичность выступает как ключевой элемент субъективной реальности. Но социологическое знание выработало способы, которые позволят типологизировать идентичности. Основанием для типологизации может служить положение о том, что любая субъективная идентичность всегда в конечном итоге включается в более глобальную интерпретацию реальности, в символический универсум с устоявшимися наборами легитимаций.

Процесс легитимации Другого выступает не только как спецификация социальной системы, но и как необходимое условие для формирования культурной и национальной идентичности, транслируемых через поколения. Легитимирующие коммуникации существуют не только в одновременном бытии множества Я. Реализуясь в горизонтальной плоскости, они пронизывают историю социумов по вертикали, организуя тем самым связь поколений и национально-культурную идентичность.

Языковая легитимация Другого

Как бы ни разнились сегодня методологии и понятийные аппараты коммуникативных теорий, тем не менее все они имеют общее происхождение. В конце XIX – начале XX ст. американский ученый Ч.С. Пирс оформил теоретический конструкт новой науки о системах знаков – семиотики. Большое значение имеет тот факт, что Пирс не ограничился изучением только логических систем или систем языка говорения: семиотика занимается изучением любых знаковых систем. В процессе анализа ученый сформулиро-

⁷ Решающему доводу (латин.).

вал основную позицию всех семиотических систем как отношение предмет – знак – смысл. Предмет, являющийся объектом окружающего мира, кодируется с помощью знака-символа (слово, звук, изображение); обращение к знаку или к предмету вызывает в нашей памяти некий ряд ассоциаций – это и есть смысл.

Изучая системы знаков, созданные человеком, Пирс выделил их общие направленности. Двумя базовыми принципами существования и функционирования любой семиотической системы являются *принцип отношения к объектам* (знак должен соотноситься с предметами, качествами или отношениями окружающего мира) и *принцип коммуникативности* (знаки служат для установления связей между людьми и вступают во взаимодействие друг с другом). Эти два принципа, сформулированные Пирсом, получили свое дальнейшее осмысление в работах лингвистов и философов.

Целесообразно различать семиотику языка и семиотику знака, первая восходит к Соссюру, вторая – к Пирсу и Моррису. В одном случае исследователь сосредоточивается на изолированном знаке, то есть на отношении знака к значению (к смыслу и денотату), к другим знакам, к отправителю и получателю сообщения.

В другом случае исследователь сосредоточивает свое внимание не на отдельном знаке, а на языке как механизме передачи информации, пользуясь определенным набором элементарных знаков. В первом случае знак рассматривается безотносительно к акту коммуникации, во втором же случае знаковость, семиотичность определяется участием в коммуникационном процессе, то есть представляет производное от этого процесса [Успенский Б., 2002, с. 4–6].

В основе множества семиотических систем, наполняющих всю историю человеческого бытия, лежит язык как первосистема. Все остальные семиотические системы (миф, литература, культура, политика, научное знание) являются производными от языка, в них по-разному проявляются те или иные доминирующие функции, но структура заимствована у языка. Язык можно понимать как семиотическую метасистему, структурно тождественную другим производным.

С другой стороны, структура языка и способ осуществления речевой деятельности манифестируют базовую интенцию Другому. В психологической аналитической традиции язык и возможность осуществления речевой деятельности полагаются базовыми характеристиками человека: «Язык в качестве первичной моделирующей системы является универсальным средством структурирования и передачи внутреннего опыта, стержневым феноменом культуры и... основой всех форм познания человеком мира и самого себя» [Калина Н., 1999, с. 150]. Язык выступает как способ объективации содержания психической реальности с помощью знаков определенных

семиотических структур. В то же время язык нельзя понимать как нечто постороннее, внешний механизм для осуществления о-значения мыслей. Слова пронизывают нашу психику, обитают в мыслях и организуют мышление. Позицию языка в функционировании нашей психики трудно сравнить с чем-либо другим, он доминирует и осуществляет управление образами и представлениями. Господство языка осуществляется незаметно, оно растворяется в бесчисленных процессах объективации психического.

Психоаналитическая традиция определяет господствующую позицию языка не только в сфере сознания, но и в сфере бессознательного. Это проявляется в первую очередь в существовании привычных, устоявшихся годами форм языкового выражения. Определенные традиции именования и мыслительные привычки, оставленные в памяти и неизменно возникающие при повторяющихся ситуациях, характеризуют не только отдельного индивида, но и значительные культурные консолидации.

Способность к кодированию образов, представлений, мыслей с помощью определенного набора знаков является базовой характеристикой человека. Эта способность детерминирует всю совокупность культурных феноменов, этических норм и артефактов, произведенных человеком.

Акт вовлечения Другого в мою картину мира демонстрирует попытку обмена смыслами и принятие Другого как носителя собственного смысла. Тем самым смысловая интеракция будет обеспечивать легитимацию или делегитимацию Другого в определенном иерархическом универсуме смыслов Я.

Для того чтобы выделить исходный пункт рассмотрения легитимационных процедур Другого с позиции теории коммуникации, начнем с краткого определения: «Коммуникация – процесс, деятельность, “смысловой контакт”» [Дридзе Т., 2000]. Смысл необходимо присутствует в коммуникативной деятельности, только его наличие в процессе коммуникации и создает возможность осуществления контакта. Принимая аксиоматическую силу и значение данного утверждения, обратимся теперь к условиям, необходимым для осуществления коммуникации. В простейшей коммуникативной ситуации позиционируются два полюса: *Эго* (источник информации) и *Альтер* (Другой, иной, или тот, к кому направлена информация) [Вальденфельс Б., 2002]. Эго производит текст – конфигурацию символов, имеющую значение. Произведенный Эго текст направляется к Альтер.

Но для того, чтобы коммуникация состоялась и была оценена Я и Другим как успешная, необходимо выполнение определенных условий. Существуют необходимые лингвистические характеристики коммуникации [Боллинджер Д., 1987], но в данной работе достаточным видится акцентуация на особенных социокультурных условиях, совокупность которых организует легитимирующую ситуацию на общем уровне.

В ходе коммуникативных актов⁸ происходит обмен информацией и формируются некоторые ментальные смысловые конструкты о предмете коммуникации и о личности коммуникатора. Все эти коммуникативные акты призваны закрепить конвенцию, устанавливаемую коммуникаторами. *Неуспешная легитимационная коммуникация не приведет к конвенции, и, как следствие, – последующие действия акторов не будут взаимно обусловлены.*

В любой легитимирующей ситуации наблюдается единая модель.

Существует претензия Другого на изменение своей роли или статуса. Под статусом понимается некая данность властных полномочий, социальная позиция, сопровождаемая определенным кругом прав и обязанностей. Подробнее проанализируем момент изменения статуса: *в результате легитимирующей коммуникации претендент увеличивает количество личного символического капитала* [Бурдые П., 2001], повышающее его значимость в социуме не только для него самого, но и для всех участвующих в процессе коммуникации. *Символический капитал* – это то количество коммуникативного средства (любовь, деньги, истина, власть), которое находится в собственности индивида.

В любой из легитимирующих коммуникаций наличествует продолжительная по времени процедура испытания или опробования претендента. Процедура может различаться по полноте характеристик (в современном обществе регламентирующие процедуры дифференцированы), но наличие признанных всеми участниками условий изменения статуса необходимо. Для полноты эмоциональной сопричастности значимые процедуры сопровождаются эффектными ритуалами, выработанными культурными нормами поведения.

В результате успешной легитимирующей коммуникации все участники меняют свое поведение на основании того договора, который был заключен в результате коммуникации.

Назовем типы коммуникаций, отвечающие этим условиям, *L-ситуациями*. Проанализировав условия осуществления *L-ситуации*, можно утверждать, что они пронизывают социальное бытие в пространстве и во времени, организуя особый тип взаимодействий.

Делегитимирующие коммуникации, таким образом, способствуют уменьшению символического капитала объекта, на который направлена коммуникация.

Ситуации легитимирующего типа могут служить для подтверждения социального статуса или для ситуации перехода из одного статуса в другой, при этом они не всегда имеют строго оговоренные типы процедурного

⁸ Коммуникативный акт – это минимальная (атомарная) структура, в которой происходит обмен значениями и их интерпретация.

оформления. Подобные *L*-ситуации часто носят латентный (скрытый) характер. Актор актуализирует наличный символический капитал для подтверждения статуса и получает символический «мандат» на реализацию дальнейших своих действий. Оба типа легитимационных коммуникаций (открытые и латентные) призваны способствовать распределению и регламентации социальных ролей в различных сферах жизнедеятельности.

Легитимирующая коммуникация выделяется не только процедурно, но и содержательно. Сущностные характеристики дополняют коммуникативные условия и в совокупности определяют легитимирующую коммуникацию исторического периода. Модусы *L*-ситуации – это *L*-конвенции.

Конкретные исторические типы и процедурно закрепленные условия *L*-ситуации реализуются посредством *L*-конвенций. Последние соотносятся с особенностями культурно-исторических эпох, спецификой отраслей и видов социальных взаимодействий. Примеры *L*-конвенций можно наблюдать в любых отраслях деятельности человека, в качестве объекта их применения не обязательно может выступать человек или группа людей. Существует множество *L*-конвенций относительно символов, текстов или идеальных конструкций. *L*-конвенции являются соглашениями длительного действия, и в значительной степени их важность состоит еще в том, чтобы сообщать устойчивость, целостность и стабильность обществу.

Приведем вариант современной политической *L*-конвенции с минимальным количеством участников:

а) Я и Другой понимают друг друга или, другими словами, имеют одни и те же или схожие смысловые конструкторы (находятся в границах общей культуры);

б) хорошо знакомы с коммуникативным средством, организующим общение (в политическом дискурсе таким средством является власть)⁹;

в) предполагают последствия коммуникации (осведомлены и ответственны за выбранные альтернативы);

г) добровольно вступают в коммуникацию;

д) процедура признается как справедливая, когда все участники контролируют осуществление процесса коммуникации;

е) свободны в коммуникации, но, в первую очередь, руководствуются общей полезностью.

Рассмотрим подробнее приведенные выше условия. Понимание – важнейшая характеристика, присутствующая во всех типах коммуникации. Естественно, она необходима и для легитимационных коммуникаций. Знание коммуникативного средства придает высказыванию нужную определенность и соотносит его с некоторой социальной сферой. Осмысление по-

⁹ Коммуникативное средство – термин, употребляемый нами для разграничения легитимационных процессов в различных социальных сферах.

следствий коммуникации демонстрирует рациональный момент, заложенный в процессе взаимодействия, а также момент ответственности коммуникаторов за принятые решения.

Три последних условия демонстрируют нам собственно условия легитимной коммуникации, сформированные на демократической основе. Свобода проявляется в первую очередь в том, что оба участника равны и не ограничены в производстве высказываний и в их критике. Никто при полноте коммуникации не должен иметь преимуществ при обсуждении предложенных вариантов. Деятельность коммуникаторов серьезна – каждый из них отождествляет высказывания и дальнейшие поступки, что означает наличие устремленности на достижение договоренности. Только выполнение всех вышеприведенных условий и делает коммуникацию легитимной в современном обществе.

Теперь, когда мы вкратце обрисовали коммуникативную составляющую процесса легитимации Другого и проанализировали ее структуру, необходимо подробнее представить массив теоретического знания о коммуникативной деятельности в целях достижения полноты коммуникативных интерпретаций легитимационных процессов.

Предложенная трактовка легитимационных процессов как разновидности коммуникативных действий (*L-конвенций*) обязывает подробнее изучить существующие теории коммуникации. В современном гуманитарном знании коммуникативные теории занимают значительное место. Широко известны лингвистические, семиотические, социально-философские и психологические подходы к изучению природы коммуникации в обществе. Социально-философская направленность работы позволила сфокусировать интерес исследования на ряде коммуникативных теорий XX в. В свете изучения легитимационных процессов актуальной представляется прагматическая лингвистика Дж. Остина.

Структурирование действительности средствами языка

Предметы окружающего мира, природные и культурные феномены начинают свое существование в виде системы с того момента, как только возникает семиотическая метасистема – язык. Язык, как дихотомическая структура вычленения означаемого и означающего, способствует и разделению двух миров, и их объединению. *Означающее* выступает как субстанция, которая доступна восприятию. Это может быть слово, проговоренное или написанное, нарисованный предмет, жест, поза, интонация или мимика. *Означаемое* понимается как смысловое содержание знака, оно пользуется означаемым как посредником для того, чтобы передать свое содержание. *Знак*,

соответственно, выступает как некая целостность означающего и означаемого. Он выступает как результат ассоциации акустического образа и понятия [Словарь терминов французского структурализма, 1975, с. 455]. Термин «смысл», который встречался нам при изучении понимающей социологии М. Вебера, в лингвистических теориях часто совпадает с понятием «значение» – это и есть процесс «связывания» означаемого и означающего в знаке. Процесс порождения и интерпретации смыслов-значений осуществляется благодаря особому виду активности – речевой деятельности. Известный швейцарский лингвист Ф. де Соссюр определял речевую деятельность (langage) как совокупность двух составляющих: язык (langue) и речь (parole).

Язык (langue) выступает как процесс кодификации по определенной системе правил. Отдельный индивид не в состоянии изменить его, ибо по своей сути язык выступает как первоначальная неоспоримая конвенция. Язык, понимаемый как *базовый договор Я – Другой*, характеризуется универсальностью и всеобщностью способов употребления и правил. Происхождение языка, как конвенционального инструмента, выделяет в любом высказывании универсальную составляющую. Универсальная составляющая коренится в соотносительности индивидуального содержания с общими правилами, понятными всем коммуникаторам. На основании конвенционально закрепленных правил образуются понятия и осуществляются операции с понятиями. Индивид должен полностью подчиняться системе правил языка, иначе он не будет включен в коммуникацию. Более того, смеем предположить, что конвенциональность как условие коммуникации присуща мыслительным актам.

Наличие правил при производстве речи позволяет соотнести язык с игрой. «Языковая игра» – термин, часто воспроизводимый в современной лингвистике и философии. Впервые он был употреблен Л. Витгенштейном для того, чтобы продемонстрировать конвенциональность культурных правил описания действительности и выражения смысла с помощью языковых средств. Внутри каждого языка существует система правил, или «языковая игра», которая детерминирует производство речи определенным образом и по особым правилам (грамматикам, по Витгенштейну) [Витгенштейн Л., 1994, с. 88]. «Языковые игры» предзадаются нам в виде абсолютных структур в момент обучения производству обыденной речи. Витгенштейн особо подчеркивает, что логическая форма идеального языка возрождается каждый раз в опыте производства речи.

В них (языковых играх) закодированы основные системы представлений и поведенческие нормы данной языковой группы. Тип «языковой игры» тесно связан с господствующим концептом обоснования устройства Универсума.

Продолжая исследовательскую традицию Витгенштейна, К.-О. Апель выводит процесс формирования конвенций за границы конкретного языка. Метаправила делают возможными конвенции в трансцендентной языковой игре неограниченного коммуникативного сообщества [Апель К.-О., 2001, с. 220]. Апель выстраивает процесс соотнесения индивидуального речевого акта с договорными принципами производства речи. «Я в процессе высказывания совпадает с трансцендентным коммуникативным сообществом, оно в состоянии подтвердить смысловую значимость собственного само-, миропонимания» [Апель К.-О., 2001, с. 195]. Мысль, становящаяся аргументом, выступает как трансцендентная предпосылка для познания и коммуникации. Мыслящий в момент аргументации имплицитно признает предпосылку существования неограниченного критического коммуникативного сообщества (генерализированного Другого).

Вернемся к структуре, предложенной де Соссюром. Вторая составляющая речевой деятельности, по Ф. де Соссюру, – это собственно речь (*parole*). Речь противоположна языку в том, что она не несет в себе универсальности. Барт развивает эту мысль: «индивидуальный акт выбора и актуализации», речь предполагает наличие «комбинаций, при помощи которых говорящий субъект пользуется языковым кодом с целью выражения своей личной мысли» [Барт Р., 1989, с. 117]. Существенной характеристикой речи является комбинаторика, то есть последовательность присоединения знаков в высказывании. Не менее важной составляющей производства речи является наличие особого психического механизма, который объективирует знаковые комбинации и делает их возможными для чужого восприятия.

Соссюровское соотношение «язык/речь» в работах французского структуралиста Р. Барта принимает вид «схема/узус». Термин «схема» понимается Бартом как общие принципы употребления языка. «Узус» толкуется как совокупность устоявшихся типов употреблений, характерных для определенного коллектива или группы индивидов. Единицей речи (*узуса*), по Барту, выступает идиолект – речь отдельного индивида. В литературной лингвистике идиолект обнаруживается при изучении стилистики великого писателя, при расшифровке кодированной речи небольшой профессиональной, этнической или какой-либо другой группы¹⁰.

Осуществляя речевую деятельность в рамках конкретной группы индивидов (Мы), люди приобретают некоторые модели словоупотребления, присущие данной группе. Индивидуальное воспроизводство речи не может отменить универсальную систему правил, но может наполнить ее особым содержанием. Таким образом, чтобы высказывание можно было классифицировать как легитимное, оно, в первую очередь, должно подчиняться универ-

¹⁰ Примером может являться «арго», разговорная речь низов Парижа, распространенная в первой половине XX в.

сальным правилам языка, а уже затем соотноситься со смысловыми конструктами, характерными групповыми узусами. Говоря о Другом, мы выстраиваем речь по генерализированным правилам языка.

Производство текстов о Другом

Постоянное пребывание человека в знакопроизводящей среде приводит к тому, что вырабатываются некоторые особые способы структурирования действительности с помощью определенных инструментов влияния. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что выразиться нейтрально о вещах или процессах практически невозможно. В любом высказывании мы определяем себя и ту группу, которую представляем¹¹. При подборе и формировании предложений для описания реальности мы всегда вольно или невольно демонстрируем свое отношение к предмету коммуникации. Р.М. Блакар [Блакар Р.М., 1960] справедливо утверждает, что формирование социальной власти начинается именно с высказываний обыденного языка. «Возможность структурировать и обуславливать опыт Другого (курсив мой. – М.Н.) лица вне зависимости от того, осуществляется ли это посредством языка или как-то иначе, есть фактическое осуществление власти» [Блакар Р.М., 1960, с. 91]. В акте коммуникации отправитель выбирает из различных типов структурирования информации один, по его мнению, самый точный. Далее мысль, облеченная в звуковую или письменную форму, распределяется во времени (или пространстве, если речь идет о написанном тексте). Озвученная мысль порождает некоторое количество смыслов и ассоциаций у адресата. Его задача – правильно декодировать информацию. Если передача оказалась неуспешной, то нужны другие информационные потоки речи, объясняющие существо проблемы.

В развитом языке и речи в ходе истории оформились три уровня влияния средствами языка:

Первый уровень соответствует отдельному акту коммуникации, в котором отправитель непосредственно аргументирует, исходя из собственных трактовок предмета обсуждения с учетом знания о характере, привычках и иных особенностях получателя.

¹¹ Замечательный пример приводит известный теоретик лингвистики Р.М. Блакар [Блакар Р.М., 1960, с. 90]: в комнату, где проходит вечеринка, заходит группа опоздавших людей. На столе стоит бутылка вина, которая наполнена ровно наполовину. Часть из вновь пришедших воскликнет: «Бутылка наполовину пустая!». Другие скажут: «Бутылка наполовину полная!». Обе группы будут правы, и их высказывания полностью соответствуют существующему положению дел. Однако эти фразы формируют абсолютно различное восприятие происходящего.

Второй уровень – это тот способ концептуализации действительности, который предоставляет система языка. Внутри языка существуют области, которые в ходе истории подверглись значительному развитию, или наоборот, остались без внимания. Поэтому существуют различные возможности языка для описания того или иного типа реальности. Это обстоятельство играет важную роль при формировании смыслов и того ассоциативного ряда, который возникает в результате передачи информации¹².

И третий уровень – это позиция самого языка по отношению к другим языкам. В средние века на территории Западной и Центральной Европы научный и религиозный дискурс осуществлялся средствами латыни. Это позиционировало все высказывания на этом языке как соотносимые с научной или религиозной деятельностью, а человека, знающего этот язык, как обладающего властью знания. В современных многонациональных государствах также наблюдается картина, когда в государственных учреждениях и общественных местах используется для общения государственный язык, а в узком кругу друзей и родственников люди общаются на родном языке. Таким образом, *язык осуществляет функцию специализации видов общения.*

В соответствии с приведенным выше различием языка и речи можно утверждать, что воздействие языка осуществляется на всех этих уровнях. Социальное воздействие языка может быть оценено по результатам, по тому, как изменится дальнейшее поведение участников коммуникации.

Обратимся к изучению коммуникации в границах реального речевого акта. Результатом речевой деятельности говорящего является высказывание. Высказывание редко сводится к отдельным понятиям, в простейшем виде оно состоит из субъекта (существительного) и предиката (прилагательного, глагола). Формальная логика и значительная часть лингвистики осуществляют операции с утвердительными высказываниями. В лингвистике высказывания необходимо связаны с их автором, поэтому стандартное высказывание состоит из двух частей: *акта высказывания и собственно высказывания.* Акт высказывания предшествует самому высказыванию и трактуется как позиция автора: «Я считаю, что...»; после этих слов следует само высказывание: «...завтра будет дождь». Процесс производства высказывания обозначает автора и демонстрирует его позицию по отношению к сообщаемой информации. Наделение авторством информации придает ей дополнительную значимость. Определение источника информации, акцентуация внимания собеседника на акте высказывания смещает ударение с самой констатации (позиция объекта во взаимосвязи с другими объектами)

¹² У северных народов, живущих за полярным кругом, встречается более двадцати слов для обозначения оттенков снега, но весьма ограниченное количество абстрактных понятий.

на источник информации. Типы актов высказываний весьма различны по серьезности и уровню ответственности («я сказал» – определенное и ответственное заявление в противоположность размытому и безличному «говорят»). Принадлежность высказывания авторитетной личности существенно добавляет заинтересованности и привлекает внимание участников коммуникации к содержанию сообщения.

Коммуникации, составляющие существо социального бытия, осуществляются не в виде обмена понятиями, как это зачастую подразумевается, а в виде обмена высказываниями, включающими как акты, так и собственно высказывания. Поэтому следующим шагом в исследовании текстов о Другом будет изучение видов высказываний и правил их осуществления.

Современная структурная лингвистика выделяет три уровня анализа: семантику, синтаксис и прагматику. Синтаксические отношения возникают между знаками, которые фиксируются в способах и правилах образования и преобразования языковых выражений. Семантические отношения возникают как связующее звено между знаками и тем, что они обозначают, фиксируются правилами приписывания значения и смысла языковым выражениям. Прагматические отношения возникают между потребителями знаковой системы и самой знаковой системой.

Прагматика является базовым уровнем лингвистики, и именно эта часть представляет наибольшее значение для изучения осуществления коммуникативных процессов. Дж. Остин, британский философ, представитель аналитического направления в философии и лингвистике, подробно проанализировал типы высказываний в работе «Как совершать действия при помощи слов?» [Остин Дж., 1999].

Остин выделяет два типа высказываний: констативные и перформативные. Констативные высказывания (или *констативы*) несут информацию о порядках объектов и процессов, происходящих в природе и обществе. К ним применимы оценки «истинно» и «ложно». Другой вид высказывания – *перформативы*. В отличие от констативов они служат для того, чтобы осуществлять контакт между индивидами. Поэтому критерии истины и лжи к ним не применимы, они лишь могут быть успешными или неуспешными.

Рассмотрим пример перформативного высказывания: «Голосуй за Иванова И.И!». Данное высказывание нельзя оценить как истинное или ложное, ведь в нем ничего не утверждается или не отрицается об объектах окружающего мира. Но оно будет успешным, если большинство избирателей в момент выборов последуют призыву и совершат то, к чему призывает текст высказывания.

Традицию, заложенную Дж. Остином в лингвистике, продолжил немецкий теоретик Ю. Хабермас применительно к теоретической социологии и социальной философии. Хабермас подразделяет деятельность на два вида:

«Мы либо говорим о том, что имеет или не имеет места, либо говорим что-нибудь кому-нибудь другому, так что этот последний понимает, о чем говорится. Только второй способ употребления языка внутренне или понятийно связан с условиями коммуникации» [Хабермас Ю., 2000, с. 39]. Первый вид высказываний (действий) Хабермас нарекает инструментальным, второй – коммуникативным. В мыслительном акте (при осуществлении инструментальных действий) подразумевается только одно базовое отношение: отношение между мыслью, оформленной в виде предложения, и феноменами окружающего мира. Классическим примером является деятельность ученого, исследующего физические законы. Немецкий ученый подчеркивает, что для онтологического наблюдения нет необходимости подразумевать активность Другого. Истинность или ложность инструментальных суждений оценивается только по достоверности и точности описания физических объектов, процессов или законов. В высказываниях подобного типа слабо обозначено авторство (то есть упускается такая составляющая, как акт высказывания).

Коммуникативный тип высказывания в качестве исходного условия предполагает наличие Другого для произведения действия. Коммуникативное действие и перформативный вид высказывания тождественны, а инструментальное действие Хабермаса идентично констативному виду высказывания Остина. Первые по своему типу прескриптивны (то есть призваны определять дальнейшее поведение участников), вторые – дескриптивны (описывают состояние какого-либо феномена).

Коммуникация, таким образом, осуществляется с помощью перформативных, в терминологии Дж. Остина, высказываний. Ученый выделяет несколько условий, необходимых для того, чтобы коммуникация была признана успешной:

1) необходимо наличие признанной конвенциональной процедуры, которая предполагает употребление определенных слов при определенных условиях;

2) участники должны соответствовать той процедуре, к которой обращаются в данном случае;

3) процедура должна осуществляться всеми участниками корректно и полно;

4) все участники должны понимать процедуру как правильную и справедливую, а свои высказывания – как обязательное руководство к действию для себя и для всех участвующих;

5) действия участников должны соответствовать всем этапам процедуры [Остин Дж., 1999, с. 26].

Все перечисленные выше условия чрезвычайно важны для успешности коммуникации, они принимаются как условия возможности осуществ-

вления коммуникации в социуме. Нарушение одного из условий ведет к тому, что высказывания и действия будут рассогласованы и коммуникацию нельзя будет признать успешной.

Не стоит забывать о введенных в работе ранее условиях *универсальной L-конвенции*, которая наличествует в любом акте коммуникации.

Лингвистические исследования перформативных высказываний, структурирующих социальную действительность, осуществлялись другими учеными. Так, Р. Лакофф свел условия истинности коммуникации к трем пунктам: истинная информация; наличие необходимых элементов, чтобы слушатель понял информацию, и его вера в истинность слов говорящего [цит. по Болинджер Д., 1987]. Голландский ученый Т.А. Ван Дейк в работе «Контекст и познание. Фреймы знания и понимания речевых актов» [Дейк Ван Т., 1989] анализирует условия приписывания значимости информации, которая представляется важной в коммуникационном взаимодействии. Выявляется схожесть каждой конкретной ситуации *L-конвенции* с универсальной латентной структурой языка [Дейк Ван Т., 1989, с. 21]. Ван Дейк говорит об условиях приемлемости для слушающего речевого акта. Процесс прагматического понимания говорящего сводится к следующему анализу: определение специфического типа ситуации (выделяются внешние признаки: место, форма одежды, отличительные знаки говорящего); фрейма¹³ контекста, релевантного в данный момент; свойства и отношения между социальными позициями, функциями и конкретными участниками; конвенциональные установления (правила, процедуры), определяющие возможные последующие действия этих людей. Введение ученым новой социальной характеристики – *фрейма*, позволяет привлечь исторический опыт к анализу реальных актов коммуникации. Фреймы включают латентное ожидание слушающего и маркировку ситуации на основании сопоставления различных источников информации (память, визуальное восприятие, произнесенный текст). Фреймы осуществляют структурирование реальности в восприятии индивидами коммуникативных актов.

В качестве примера рассмотрим такой тип политического высказывания, как присяга Президента Украины. Присяга, несомненно, является перформативом, так как ее результатом будет изменение статуса одного человека, наделение его особой ответственностью и широким кругом полномочий.

¹³ Фрейм – лингвистический термин, но в социально-философской интерпретации обозначающий маркировку ситуации слушающим на основании личного и социального опыта. Предполагает оформление устойчивого образа стандартной ситуации, характерного для данного типа коммуникации.

Присяга выступает как обязательный речевой акт, после произнесения которого новоизбранный президент сможет вступить в должность¹⁴.

Первым условием успешного осуществления перформативного высказывания является наличие особой конвенциональной процедуры и строгого порядка употребления слов. В нашем случае подобная процедура описана в Конституции Украины. В статье 104 пятого раздела действующей Конституции [Конституция Украины, 2006, с. 26] описываются условия, необходимые для приведения к присяге. Наличие этой статьи в Основном Законе страны придает ей особую значимость и легитимирует с помощью своего авторитета. В Конституции заданы условия и текст присяги.

Вторым условием является соответствие участников данной процедуре. В Конституции закреплено, что присяга должна осуществляться на торжественном заседании Верховной Рады (высшего законодательного органа Украины). Верховная Рада представляет украинских граждан как опосредованных участников коммуникации. Приведение к присяге должен осуществлять Председатель Конституционного суда Украины (который выступает как гарант конституционности процедур присяги). К присяге должен быть приведен человек, который набрал наибольшее число голосов на прямых, всеобщих, равных президентских выборах [Конституция Украины, 2006, с. 27]. Только при соблюдении всего вышеперечисленного можно говорить о выполнении условия соответствия.

Каждый из участников процедуры присяги должен строго следовать отведенной ему роли. Например, присяга Президента не состоится, если она будет происходить спустя 30 дней после объявления результатов выборов. Как следствие, Президент не будет назначен. Речь присяги Президента должна строго соответствовать тексту, приведенному в Конституции. Процедура присяги должна проводиться в полном объеме, без изменений.

Каждый из участников должен понимать, что процедура присяги Президента повлечет существенные изменения в жизни всех актуальных участников политической коммуникации и тех, кого они репрезентуют. Всеми участниками она должна восприниматься как справедливая, и поэтому их действия должны быть максимально серьезны. Серьезность всех участников – обязательное условие подобного вида коммуникаций, ибо его несо-

¹⁴ Для наиболее полного анализа приводим текст присяги: «Я, (имя и фамилия), волей народа избранный Президентом Украины, вступая на этот высокий пост, торжественно присягаю на верность Украине. Обязуюсь всеми своими делами отстаивать суверенитет и независимость Украины, заботясь о благе Отчизны и благосостоянии украинского народа, отстаивать права и свободы граждан, соблюдать Конституцию Украины и законы Украины, исполнять свои обязанности в интересах всех соотечественников, повышать авторитет Украины в мире» [Конституция Украины, 2006, с. 27].

блюдение приведет к тому, что кто-либо из участников откажется выполнять принятые в результате коммуникации решения.

Этапы и действия должны соответствовать строго определенной последовательности. Не допускается замена этапов или нарушение последовательности в осуществлении присяги.

Остин делает максимальное ударение на процедурной правильности коммуникативного акта. Наиболее важными условиями коммуникативного акта, которые при необходимости присутствуют в *L-конвенциях*, являются: признание *справедливости процедуры* участниками, *полнота процесса* и *соответствие участников ролям, обязательность дальнейшего согласованного действия*. Эти условия мы выделим в качестве тех, которые определяют коммуникацию как легитимную.

Осечки и злоупотребления в легитимирующих коммуникациях

Применение условий успешного перформативного высказывания к конкретным политическим условиям позволяет нам оценить, насколько большое значение Дж. Остин уделял соблюдению процедуры. Но ни в одном пункте не говорится о содержании или о конкретных приемах успешности высказываний.

Рассмотрим подробнее варианты, когда перформативное высказывание не может считаться свершенным, а значит, не приводит к дальнейшим согласованным действиям. Неуспешность коммуникации может проистекать из непреднамеренных ошибок в совершении процедуры («осечек») и ошибок или ложных высказываний, заранее продуманных участниками («злоупотреблений»). Оба действия ведут к тому, что последствия коммуникации оказываются безрезультатными.

Процедура может пониматься как «осечка», когда она не осуществляется до конца или ее проведению мешают внешние обстоятельства. Этот акт можно понимать как попытку действия. В случае с присягой Президента примером «осечки» может служить внезапный приступ болезни или несчастный случай, произошедший с кем-либо из участников. В класс «осечек» Дж. Остин заносит следующие подклассы нерезультативных действий: не-игра (кто-либо из участников не принимает базовые условия коммуникации), игра не по правилам (участник коммуникации отказывается или игнорирует правила), неудачи (незавершенные коммуникации), выполнение не по правилам и отказ от выполнения, непонимание (когда кто-то из участников не имеет достаточной компетенции, чтобы равноправно участвовать в коммуникации).

Другой разрушает нашу устойчивую семиотическую картину, выделяя и обостряя «осечки» в производстве высказываний.

Классифицировать коммуникативное действие как «злоупотребление» можно тогда, когда речь идет о неискренних поступках или ложных высказываниях. Действие претендует на правильность, оно «камуфлируется» как конвенциональное. Подобное действие можно трактовать как «притворное», лишь претендующее на действие. В результате подобного действия коммуникация осуществляется, но договоренности, полученные в результате, не реализуются. В классе «злоупотребление» Остин выделяет следующие подклассы: неуважение, притворство, незавершенность, вероломство, нарушения, недисциплинированность [Остин Дж., 1999, с. 28]. Регламентация всех этапов особо важных для бытия социума перформативных высказываний способствует именно тому, чтобы избежать ошибок и злоупотреблений. Надзор за правильностью подобных процедур возложен на различные органы, выполняющие роли компетентных блюстителей процедурной правильности и справедливости.

Если адресант (Я) сознательно идет на злоупотребление в высказывании, то Другой воспринимается им как Чужой. В интенции Я заложено формирование ложных высказываний для создания неистинной картины у Другого.

Современное общество выработало особые коммуникативные модели по жизненно важным вопросам, где необходимым условием является соблюдение процедурности перформативных высказываний, что и обеспечивает формальную правильность действий акторов. Коммуникативные модели различаются по сферам, в которых они употребляются, по степени ответственности и серьезности, а также по характеру дальнейших действий участников коммуникации. Систематизация перформативных высказываний-действий позволит нам яснее понять процесс легитимации высказываний, осуществляемый средствами языка. Исследования показали, что наиболее часто употребляются перформативы от первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения активного залога. В приведенном выше примере – тексте присяги Президента Украины, нам встречаются перформативы следующих видов: «присягаю», «клянусь». Попытаемся классифицировать это высказывание с помощью градации, предложенной Дж. Остином.

Перформативы были объединены ученым в пять основных групп:

– *Вердиктивы* произносятся судьей, юристом или арбитром как суждения о каком-либо действии. Характеризуют в большей степени юридическую сферу (но также встречаются в других областях, например в спорте). Вердиктивы употребляются при провозглашении решения по спорным вопросам. Они имеют дело с событиями в прошлом, оценивают то, что уже произошло. Могут выступать как истинные или ложные и одновременно

быть справедливыми или несправедливыми. Мера ответственности, лежащая на участниках такой коммуникации, очень высокая. Большинство подобных перформативов – это приговоры, судебные решения, выводы комиссий, формулируемые посредством «осуждаю», «обвиняю», «оправдываю» и т.п.

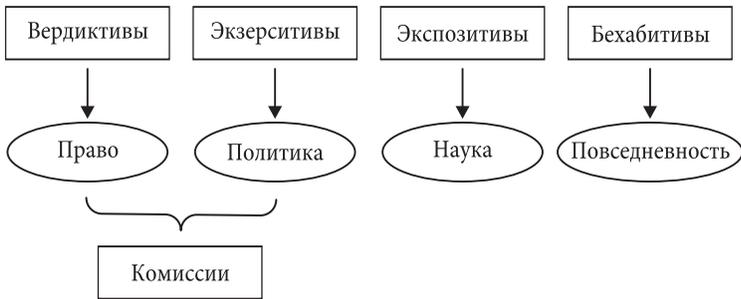
– *Экзерситивы* характеризуют коммуникации внутри политической сферы и властных отношений. Служат для утверждения влияния и проявления власти. Они используются бюрократическим аппаратом как назначения, приказы, принуждения, советы. В отличие от вердиктивов говорят о том, как должно быть, моделируют и предопределяют будущее поведение участников коммуникации. В административно-управленческой сфере чаще других экзерситивов используются приказы, типичные функторы экзерситивов – «назначаю», «отстраняю», «распускаю», «приказываю», «нарекаю», «объявляю», «выбираю» и пр.

– *Комиссивы* используются для производства обязательств или обещаний. С их помощью осуществляется обязывание коммуникаторов к какому-либо определенным действиям. Направлены в будущее и предписывают должное поведение участников. Их функторы – «обещаю», «закрываю сделку», «даю слово», «клянусь». Текст присяги Президента, несомненно, насыщен именно комиссивами. Комиссивы пронизывают все социальные отношения, но особенно значимы в политике и экономике. В них указывается обязательность действий для того, кто произносит комиссив и предупреждение (угроза, надежда) для остальных участников коммуникации. Подобный тип перформативов активно используется в пропагандистских речах, он базируется на обещании автора осуществлять определенные действия.

– *Бехабитивы* имеют дело с установками, стереотипами социального поведения. Встречаются в ежедневном общении и не несут строгой ответственности коммуникаторов. Это похвалы, поздравления, соболезнования и пр., функторы которых – «поздравляю», «сочувствую», «молю», «заклинаю», «проклинаю», «пью за», «одобряю». Относительно этого типа перформативов нет строгих правил по их употреблению, они соотносятся как с прошлым, так и с будущим.

– *Экспозитивы* представляют нас и нашу позицию в споре, дискуссии, полемике. Чаще всего применяются в научных прениях и обсуждениях. Они относятся к настоящему моменту и призваны уточнить статусы, положения и роли участников. Способствуют прояснению причин, доказательств и сообщений посредством функторов: «классифицирую», «подтверждаю», «отрицаю», «отвергаю», «сомневаюсь».

Итак, ученый выделил группы перформативов, которые дают нам возможность выделить охваченные социальные сферы:

Соотнесение способов производства высказывания с определенной сферой социального бытия позволяет регламентировать типы коммуникаций. Перформативы различных видов структурируют восприятие информации особым образом. Способ произнесения высказывания очерчивает сферу его использования и настраивает коммуникаторов на определенный тип восприятия информации. Акт высказывания «клянусь», предшествующий самому содержанию высказывания, задает определенное отношение всех участников коммуникации и настраивает их на восприятие чрезвычайно важной информации. Таким образом, мы можем сказать, что акт высказывания предопределяет (или в значительной степени влияет на) то, какая информация будет сообщена и как она будет воспринята другими коммуникаторами. Акт высказывания адресует всех коммуникаторов к авторитетному адресанту (тому, кто произносит высказывание), сообщая этим самым информации значительный вес.

Философско-лингвистическая теория Дж. Остина наглядно продемонстрировала связь между содержанием высказывания и его формой, выявила наличие некоторых обязательных лингвистических конструкций, которые влияют на тему сообщения и восприятие информации Другим (адресатом). В сложноструктурированном коммуникативном пространстве современности особое внимание уделяется регламентации коммуникативных актов посредством выделенных и обговоренных сообществом специалистов процедур. Правильность процедуры обуславливает восприятие коммуникации как законной и, как следствие, обращает всех участников к правовым принципам социального бытия. Правовая регламентация касается тех коммуникативных актов, которые являются важными для всех типов взаимоотношений. Чем более важен предполагаемый результат коммуникативного действия и чем больше акторов вступают в коммуникацию, тем значительнее внимание к соблюдению всех процедур.

ЧАСТЬ 2. ЧИТАЯ ДРУГОГО: РЕ-КОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТОВ

И х а р е в . И как я подумаю, что при этом
еще нужны познания, основанные на остроте
глаз, внимательное изучение крапа...
У т е ш и т е л ь н ы й . Да ведь это очень облегчено
теперь. Теперь накапливанье и отметины
вышли вовсе из употребления;
стараятся изучить ключ.
Гоголь Н.В. «Игроки»

Представив вкратце в первой части некоторые положения социальной теории, феноменологии и структурной лингвистики, можно сделать следующий вывод: в самой способности нашего мышления кодировать реальность с помощью знаков заложено стремление к упорядочиванию этой реальности и встраиванию Другого, также производство действий и текстов всегда предполагает присутствие Другого. В коммуникативной составляющей нашего бытия Другой является как интенция всякого действия или речи. Чтобы обнаружить реальность для Другого посредством собственной речи, мы непременно моделируем язык. Моделирование осуществляется с помощью определенных правил, которые явились результатом соглашения многих групп и поколений людей. Эти правила кодирования являются для нас незыблемыми, иначе будет нарушена сама процедура обмена значениями. *Конвенциональность общих правил языка выступает как базовая ступень коммуникации с Другим.* Процесс легитимации (согласования) центральных правил языка осуществлялся на протяжении многих веков упорядочивания генерализированного Другого. Оформившаяся система правил языка яв-

ляется для индивида глобальной совокупностью доминирующих смыслов. Осуществляя употребление языка по общим правилам, мы как бы соглашаемся с универсальными положениями языка и принимаем господствующие методы анализа и систематизации мирового порядка. Этот процесс можно назвать *универсальной легитимацией генерализованного Другого*. Тотальные правила употребления языка регламентируются различными дисциплинами, которые увеличивают набор правил частной спецификой. Производство речи осуществляется в соотношении с тотальными правилами языка и правилами частных дискурсов и дисциплин.

Современные социальные исследования используют большой арсенал методов для изучения политических текстов. Наряду с количественной методологией (социологические опросы, контент-анализ газетных материалов, например), ученые все чаще обращаются к качественному анализу. Расширение использования качественных методов обусловлено тем, что сфера политики часто преподносит уникальные случаи, систематизация которых сильно затруднена.

Описывая границы качественной методологии, ученые испытывают множество трудностей¹⁵. Так, П. Бергер, описывая качественные модели анализа семиологии (семиотики), замечает: «Я не уверен относительно того, чем же является семиология: предметом, подходом, философией или культом (not sure whether semiology is a subject, a movement, a philosophy, or a cult-like religion)». Энтони Гидденс использует для описания свода качественных методов принцип «натурализма», понимая его скорее как позитивизм конкретных прикладных исследований [цит. по: Potter W., 1996].

В данном подразделе мы хотим представить различные техники качественного анализа текстов (печатных публикаций в прессе, анекдотов, спонтанных текстов, структурированных интервью), в которых проявляется Другой. Продолжая исследования коммуникативных аспектов с Другим и о Другом, мы сосредоточим свое внимание на изучении социально-политических актуальных дискурсов о Другом.

Слово «дискурс» пришло в философию из структурно-семиотических исследований литературы. Некоторые лингвисты (Э. Биюссанс) вводят дискурс как переходный момент между тотальным или абсолютным языком и индивидуальной речью (в системе Соссюра). Дискурс выступает здесь как устоявшиеся комбинации языка, посредством которых происходит встреча речи и языка [цит. по: «Словарь терминов французского структурализма», 1975, с. 453].

¹⁵ См., например: «The field of qualitative research is far from a unified set of principles promulgated by networked groups of scholars», «but those groups has a lot of contradictions». Denzin and Lincoln, 1994.

Описывая устройство социальной сферы в границах базовых дискурсивных подходов, можно сказать, что социальная сфера представлена множеством пересекающихся дискурсов. Прагматический подход определяет дискурс как сложное коммуникативное действие, включающее помимо языковых еще и экстралингвистические факторы, такие как установки, позиции, ценности, мнения авторов и адресатов текста. Используя конструктивистский подход как основной в данном исследовании, мы можем констатировать, что дискурс позиционируется как ключевой объект для анализа Другого. В рамках этого подхода дискурс определяется как система правил, регулирующая производство понятийных систем и, как следствие, осуществление практической деятельности. Дискурс – это способ понимания и представления реальности, способ производства социальных идентичностей. Поттер понимает дискурс как активное, интернациональное, стратегическое и коммуникативное действие («active, intentional, strategic communication action») [Potter W., 1996].

Исходя из того факта, что в человеческой жизни речевая деятельность занимает особо важное место, анализ спецификации и построения дискурсов является важным этапом в постижении социального бытия. Центр дискурса составляет некоторая тема, которая актуализируется в разных текстах, различными авторами. У дискурса может быть основатель – ученый, который первым обозначил рамки темы, но не может быть автора: авторство предполагает полномочное владение текстом, а одним из важных и неустрашимых компонентов дискурса выступает его непрерывность и транзитивность [Фуко М., 1996].

Во времени оформляется практика дискурса: правила образования и существования, сосуществования и взаимодействия с другими типами дискурсов. Очертив границы, дискурс предъявляет определенные требования к новым текстам, к их тематике, способу построения, объектам цитирования. Так, дискурс выступает как разновидность интеллектуальной игры, имеющей собственные правила. Фуко особо подчеркивал, что дискурс несет в себе признаки власти, ибо подчиняет и регламентирует определенным образом новые создаваемые тексты. Также дискурс выстраивает некую иерархию информации по данной теме и обуславливает наше восприятие текстов из прошлого. Оплетая невидимой сетью социальное бытие людей, дискурсы в значительной мере предопределяют наши реакции на те или иные события и формируют поведение.

Изучая позицию Другого в дискурсе, можно сказать, что она закодирована внутри совокупности текстов. Положение Другого выходит наружу в тот момент, когда дискурс оформляется в дисциплину, институализируется обществом. Институализация предполагает осознание обществом значимости данного дискурса для своего нормального существования, возведение

его в ранг социально одобренных и регламентированных феноменов. Иначе говоря, институционализация дискурса в дисциплину совпадает с легитимацией его акторами. Дисциплина, далее, вводит жесткий принцип контроля над производством дискурса и делает видимыми правила его формирования. Соответственно, выделяются запретные ниши, освещение которых непозволительно правилами дисциплины. Так дискурсы обретают власть, рефлексивную открытость и одновременно границу. В виде практических проявлений власти дискурсов может выступать ритуал или некоторая закрепленная последовательность действий, которая квалифицирует коммуникаторов, определяет их роли и поведение [Фуко М., 1996, с. 66–71].

Вовлечение отношений власти (контроль за Другим) в многомерность человеческого бытия не выделяет ее источников, но делает «как бы размытой по всему социальному простору, сосредоточиваясь в каких-либо точках в особенно концентрированном виде» [Дейк Ван Т., 1989, с. 7]. Легитимация, сопровождающая отношения власти, также характеризует не только отношения права и политики, но *пронизывает все социальное бытие*¹⁶. Открытые и латентные образы Другого можно проследить в текстовой продукции, сопровождающей процесс национального строительства в Украине.

Базовой задачей исследования на данном этапе мы ставим систематизацию текстов о Другом. Выделим несколько видов текстов, играющих значимую роль в национальном строительстве:

- творчество поэтов и писателей (грамматическое и культурное оформление языка);
- предания, сказания, легенды, этнические анекдоты (фольклор);
- актуальные идеологические тексты (воззвания, меморандумы, соглашения, речи политических лидеров и тексты программных документов политических партий, тексты масс-медиа).

Часто все виды выделенных текстов изучаются в границах литературоведения, лингвистики, этнографии и в меньшей степени с позиций политической коммуникации. Введение данной градации текстов обусловлено уровнями легитимации Другого, которые были сформулированы П. Бергером и Т. Лукманом в уже упоминавшейся работе. Легитимация осуществляется на разных теоретических уровнях.

На начальном уровне имеются только зачатки легитимации, когда систему человеческого опыта только начинают передавать последующим поколениям. На этом уровне важно изучение существующего словарного запаса рода (если речь идет о потестарных культурах), востребованность и воспроизводимость тех или иных слов, наличие или отсутствие абстракт-

¹⁶ См. подробнее: Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

ных понятий, относящихся к различным социальным сферам, этимологии слов. Языковая объективация выступает как самоочевидная легитимация.

На втором уровне легитимации появляются прототеоретические обоснования существования порядка вещей. Существуют объяснительные схемы, но они максимально прагматичны и деонтологичны. Это уровень фольклора, где интерпретация осуществляется с помощью сказок, пословиц, песен, легенд и преданий. Моральные максимы здесь зашифрованы в простейших сюжетных схемах: должное поведение – награда, недолжное поведение – наказание.

Третий уровень легитимации институционального порядка осуществляется с помощью специальных действий – ритуалов. Ритуалы организуют бытие индивида и подразделяют его по сферам. За осуществлением ритуалов следят эксперты. В дальнейшем процесс легитимации сам институализируется и становится единицей самостоятельной (относительно легитимизируемых институтов).

На четвертом уровне легитимации осуществляется оформление символического универсума.

Предметом исследования при дискурс-анализе выступают высказывания, способ структурирования которых обладает значимостью для определенного коллектива. Иными словами, анализируются тексты, которые содержат разделяемые неким коллективом убеждения, порождают либо усиливают их и предполагают ту или иную позицию в дискурсном поле. Корпус текстов при этом рассматривается не сам по себе, а как одна из частей признанного социального института, который «определяет для данной социальной, экономической, географической или лингвистической сферы условия действия актов высказывания» [Т. Ван Дейк, 1985, с. 234]. Дискурс-анализ имеет целью привести к позиционному единству рассеянное множество высказываний, причем такая перегруппировка осуществляется на основании не формального критерия, а отношения к месту акта высказывания, что позволяет выявить так называемую дискурсную формацию. Так, например, объектом анализа выступают не политические листовки как таковые, но совокупность листовок, указывающая на исторически очерченную идентичность в процессе высказывания. Чаще всего дискурсная формация охватывает не какой-то один жанр, а объединяет несколько жанров (листовки, манифесты, газетные статьи).

На наш взгляд, наиболее последовательной является методика дискурс-анализа, предложенная Т. Ван Дейком в монографии «Дискурс элиты и расизм» [Т. Ван Дейк, 1985]. Описанная там техника дискурс-анализа новостных публикаций (news articles) британских газет по сути универсальна и подходит для анализа любых медиа-текстов, в том числе политических. Во-первых, политические тексты, подобно новостным публикациям, могут

быть полностью разложены на отдельные составляющие, приемы формирования, отвечающие их прагматическим задачам. Во-вторых, они имеют общие с новостными публикациями жанровые особенности (логическая, семантическая, риторическая упорядоченность). В-третьих, такие тексты, как и новостные публикации, обладают определенной интенцией и оказывают столь же серьезное влияние на формирование у населения социальных и политических знаний и представлений о мире. Таким образом, принципиальные для дискурс-анализа характеристики новостной публикации присущи и политическим медиа-текстам.

Ван Дейк выделяет два направления дискурс-анализа медиа-текста: микро- и макроанализ. Исследование на микроуровне представляет, по сути, изучение семантических элементов текста, которые ученый называет микроструктурами статьи, и предполагает анализ значений слов и предложений, отношений и взаимосвязей между предложениями, а также стилистического и риторического образования значений. Ван Дейк убежден, что на формирование у читателей ментальных моделей (т.е. субъективных интерпретаций событий) влияет, скорее, не общая тема публикации, а используемые журналистами формулировки.

Один из важных фокусов исследования семантики текста – формы сопряжения отдельных его частей. Локальная взаимосвязанность элементов текста (например, утверждения с релевантными фактами) может достигаться за счет согласования времени, условий, причин, обстоятельств. Вместе с тем Ван Дейк указывает на присутствие в текстах таких составляющих, которые рассчитаны на наличие у читателей некоего предварительного знания. Выявление осознаваемых журналистами, но не актуализируемых читателями «утраченных связей» между концептами и утверждениями, т.е. зависимости восприятия информации от имеющихся знаний о мире и убеждений, – также необходимый компонент локального семантического анализа.

Однако связь между элементами текста может быть не только референтной, но и функциональной, устанавливаемой с помощью функций спецификации, парафраза, контраста, примера. Как отмечает Ван Дейк, утверждения в новостных публикациях часто связаны отношением спецификации: более конкретные утверждения следуют за более общими, обеспечивая их дальнейшую детализацию.

Помимо отношений между предложениями, тексту также присуще семантическое единство, целостность. Этот тип взаимосвязанности обеспечивается так называемыми темами. Темы, или семантические макроутверждения, посредством особых макроправил (селекция, абстракция и операция анализа) концептуально суммируют текст, формируют его структуру и упрощают восприятие заключенной в нем информации. В новостных публикациях вершину макроструктуры обычно составляют название и пер-

вый параграф материала. В целом медиа-текст может быть представлен как последовательность утверждений, раскрывающих содержание его основных тем.

К числу ключевых для семантического анализа новостей относится также понятие подоплеки (подразумеваемого, или контекста). Как уже упоминалось, информация в медиа-тексте никогда не бывает выражена полностью – она всегда преподносится с расчетом на базовые представления о мире, имеющиеся у читателей. Между тем, по заключению Ван Дейка, анализ «несказанного» иногда дает больше, нежели изучение того, что реально написано. Медиа-текст является своего рода идеологическим айсбергом, у которого видна лишь вершина.

К числу объектов дискурс-анализа относится и стиль как результат выбора между альтернативными вариантами синтаксической структуры. Стилистические формы подачи материала имеют свою социальную и идеологическую подоплеку и указывают на отношение репортера к тому или иному новостному событию и его действующим лицам, а также на особенности социальной и коммуникативной ситуации. Помимо выражения негативных или позитивных установок автора, использование определенных слов свидетельствует о специфике культурного измерения повседневного языка новостей.

Итак, на различных уровнях анализа (общей и локальной семантики, схемы новостей, стиля) мы находим проявления дискурсных конфигураций, которые выражают идеологическую позицию автора статьи в отношении определенного события.

Сюда можно отнести и создание рекламного образа, и изобретение рекламного слогана (девиза), и разработку логотипа, и макетирование рекламного модуля для печатных изданий или наружной рекламы, и написание текстов для прямой почтовой рассылки и телефонного обзвона, и производство (съемку, монтаж, озвучивание) рекламного ролика, и создание информационных поводов для прессы (организация выставок, презентаций, массовых шествий, пикетов, конкурсов и т.п.).

Виды дискурс-анализа политических текстов

Актуальность использования дискурс-анализа при изучении политических медиа-текстов продиктована потребностью в постижении механизмов образования значений в подобных текстах, в выявлении их структуры, скрытых смыслов, приемов, используемых авторами для убеждения политической аудитории, т.е. в более глубоком качественном исследовании, нежели позволяет традиционный контент-анализ [Алутян А.Г., 1999, с. 5]. Вместе с тем применение данной методики еще не получило широкого рас-

пространения, что, по-видимому, объясняется недостаточной проработанностью соответствующих процедур, а также недостаточным знакомством отечественного научного сообщества с опытом дискурс-анализа. Обобщенному представлению результатов наиболее перспективных, с точки зрения автора, направлений дискурс-анализа и посвящен настоящий обзор.

Наиболее интересными видятся три подхода к анализу дискурса. Первый представлен прежде всего трудами Дж. Синклера и М. Коултарда и их коллег из Бирмингемского университета, предложивших методику изучения вербальных интеракций. Второй подход, рассчитанный на анализ повседневного общения, можно найти в работах Х. Сакса, И. Щеглова, Г. Джефферсона и других специалистов в области социологии повседневной жизни. У истоков третьего стоят лингвисты, социологи и литературные критики из Университета Восточной Англии (Р. Ходж, Г. Кресс, Р. Фулер), разработавшие технику «критической лингвистики», которая позволяет анализировать отражение и воспроизводство в языке социальной организации власти. Общим для всех подходов является внимание к организации дискурса на уровне идеологии/нравственного наставления, к форме подачи и структуре текста, к его значениям и интерпретации [Thompson, 1987, p. 99].

Второй подход делает упор на внутреннюю организацию элементов текста, и тогда дискурс предстает в качестве связного текста; диалога; группы высказываний, связанных между собой по смыслу; единицы, по размеру превосходящей фразу; высказывания в глобальном смысле, т.е. того, что является предметом исследования «грамматики текста», изучающей последовательность отдельных высказываний. Подобный подход эффективен при описании методики проведения дискурс-анализа, выявлении единиц такого анализа и «распознании» самого дискурса.

Поиск единицы анализа дискурса вообще является одной из наиболее сложных проблем, встающих при разработке методики дискурс-анализа. Требуется найти такое сообщение, которое могло бы быть охарактеризовано как многозначное, т.е. пригодное для истолкования в различных семантических системах и обладающее высокой информативностью. Напомним, что в рамках классической теории коммуникации под сообщением понимается комплекс знаковых средств, построенных на базе одного или более кодов с целью передачи определенных смыслов и поддающихся интерпретации и интерпретируемых на основе этих же или других кодов. Код же, согласно определению У. Эко, есть «система коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков с сериями семиотических блоков (смыслов) и устанавливающих структуру обеих систем: каждый из них устанавливается правилами комбинаторики, определяющими порядок, в котором элементы (знаки) синтагматически выстроены» [цит. по: Назаров М.М., 2002, с. 35].

Для того чтобы описать сообщения, способные породить процесс массовой коммуникации, необходимо объяснить конфигурацию содержащейся в них интриги, т.е. выявить границы и характеристики сообщения. Интрига, представленная сообщением, являет собой совокупность упорядоченных «фактов», выраженных словами, фразами, предложениями, последовательность которых создает эффект открытости, недосказанности, необходимости дальнейшей работы по смыслообразованию, разрешению поставленных вопросов. Поэтому единицей дискурс-анализа может служить только такое высказывание, которое содержит в себе интригу, вне зависимости от того, выражено ли оно последовательностью слов или предложений.

Другими словами, требуется «разобрать по частям» когнитивные представления журналистов в процессе производства ими новостей и читателей во время восприятия текста публикации. Ван Дейк выделяет две задействованные здесь ментальные структуры: 1) собственно значение текста, присутствующее в памяти как текст-представление, и 2) уникальное, личное представление об описанном в тексте событии самих носителей языка.

Это знание-представление в памяти читателя Ван Дейк называет ситуационной (событийной) моделью. «Переваривая», осмысляя описанное в тексте событие, мы строим его ментальную модель. Данная модель не только отражает информацию, передаваемую через текст, но и содержит много дополнительной информации, не включенной в него, поскольку считается, что она уже известна читателям, или поскольку она кажется журналисту несущественной. Часть этой информации возникает из так называемых культурно-очерченных сценариев и конвенциональных знаний.

Кроме того, как отмечает Ван Дейк, люди имеют специфическую ментальную (контекстуальную) модель существующего коммуникативного контекста, которая охватывает информацию о целях дискурса, его коммуникативных актах и особенностях аудитории. Эта контекстуальная модель связывает дискурс с социальной ситуацией и структурами. Модели событий в памяти характеризуют не только знания, но также мнения, представления о событии и его участниках. Много оценочных подоплек текста может быть объяснено посредством внимательного «отслеживания» в описании ментальных моделей журналиста. Наличие у публикации «уклона» обычно объясняется ментальной моделью журналиста, его мнением и специфической идеологической установкой на событие.

Совершенно очевидно, что детальный когнитивный анализ позволяет связать социальные и политические знания автора текста с дискурсом, а микроструктуры дискурсного действия и коммуникации – с социальными макроструктурами групп (журналистов, демонстрантов, беженцев) и институтов (газет, правительства, судов). В данной теоретической сетке, существенно превосходящей по своей сложности традиционные исследова-

ния «эффектов», мы можем, таким образом, объяснить, почему определенная публикация способна легитимировать и воспроизвести некую социальную ситуацию, скажем, антииммиграционную идеологию и расизм в британском обществе.

Итак, целесообразность использования при исследовании политических медиа-текстов дискурс-анализа не вызывает сомнений. Традиционный контент-анализ при всех его достоинствах оставляет нерешенным вопрос о механизмах и формах воздействия подобных текстов на аудиторию. Вместе с тем методика дискурс-анализа еще недостаточно проработана. Среди встающих в этой связи проблем одной из самых сложных является выбор единицы анализа. Наиболее плодотворной в данном отношении представляется концепция Т. Ван Дейка, который считает, что единицами дискурс-анализа должны выступать макроструктуры текста, отражающие его общий смысл.

Специфика дискурс-анализа в отличие от других видов исследования состоит в том, что текст анализируется как сложное образование и требует отдельного исследования фонетических, графических, морфологических, синтаксических, микро- и макросемантических, стилистических, гиперструктурных, риторических, прагматических, интеракционистских и других структур и стратегий. Каждый из этих уровней имеет собственные характеристики, которые могут быть интерпретированы на других уровнях как в русле традиционной лингвистики, так и вне ее рамок.

Ниже представлен вид анализа в границах дискурсивной теории. Модель анализа политических текстов была разработана русским ученым А. Барановым [Баранов А., 1994; 2000].

Метафорическое моделирование рекламных текстов президентских выборов 2004 г.

(активность штаба В. Ющенко и В. Януковича)

Исследование теории концептуальной метафоры и описание ее моделей в различных видах дискурса – одно из интенсивно развивающихся направлений современной когнитивной лингвистики, углубляющее знание по анализу реальности с помощью языка. Ученые отошли от взгляда на метафору как на «сокращенное сравнение», один из способов «украшения». Современная когнитивистика рассматривает метафору как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира.

Метафорическая модель – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, которая создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

При характеристике метафорической модели обычно можно определить ее типовые сценарии, векторы ее развития, продуктивность и частотность, выявить потенциал рассматриваемой модели, то есть типовые особенности воздействия на адресата, а также «тяготение» модели к определенным сферам общения, речевым жанрам, социальным ситуациям.

При когнитивном анализе метафорических моделей минимизируются особенности традиционного структурного подхода, в том числе ограничения, связанные с уровнями языка: в рамках единой системы рассматриваются собственно лексические единицы, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы (половицы, поговорки, афоризмы и т.п.).

Целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития политического дискурса и помогает определить степень влияния изменений социально-экономического характера на функционирование языка.

Возможны различные подходы к систематизации метафорических моделей: за основу для классификации можно взять основные фреймы понятийного поля. Так, в понятийном поле «Политика» выделяются следующие фреймы: субъекты политической деятельности (люди), политические организации (партии и т.п.), политические институты (парламент, правительство, муниципальные органы власти), политическая деятельность, отношения между субъектами политической деятельности и т.п.

Так, субъекты политической деятельности в метафорическом моделировании (в политической речи) могут быть показаны как, например, представители животного мира, как спортсмены, как часть живого организма и т.п.

В настоящем исследовании рассматриваются метафорические модели, которые связаны с концептуальным полем «Выборы».

Материалом для исследования послужили тексты, связанные с выборами президента Украины в 2004 г. Тексты анализируются как совокупность политических текстов одного жанра (листовки, брошюры, лозунги и т.п.), тематически сконцентрированных вокруг определенного политического события.

Для данной ситуации (политического события) характерны тематическое единство (выборы президента), общность основных действующих лиц (В. Ющенко, В. Янукович), локализованность во времени и пространстве

(Украина, 2004 г.), общая событийная канва (выдвижение кандидатов, предвыборная агитация, голосование, подведение итогов и др.).

Для исследования сферы источника метафорического моделирования были взяты метафоры, которые чаще всего применялись в данном политическом дискурсе. Метафоры, которые относятся к сфере спорта-игры, борьбы, криминала и мира животных.

«Спорт, игра»

Президентские выборы постоянно метафорически представляются как спортивные состязания: чаще всего это соревнования на скорость преодоления определенной дистанции (гонка, марафон, забег).

Сделаем так, и это будет еще один украинский Олимп (Я. Ключкова).

Я не хочу, чтобы наши пенсии... были козырем в какой бы то ни было игре (В. Янукович).

Как показывают приведенные примеры, в дискурсе политических выборов активно используются самые разнообразные фреймы из концептуальной сферы «Спорт, игра»: перед началом выборов, как и перед началом спортивных состязаний, специалисты называют фаворитов, во время кампании обнаруживаются лидеры и аутсайдеры, а после соревнований выявляются победители и побежденные. Спортивные состязания, как и выборы, проходят по определенным правилам, а участники, их нарушающие, могут быть наказаны или полностью дисквалифицированы судьями.

«Борьба, война»

Выборы – это важный день для политиков. В этот день, как и в день решающей битвы, одних ожидает триумф, а других – полное поражение. Именно поэтому избирательные кампании регулярно метафорически моделируются как тщательно спланированные боевые действия.

Втягивание в военные авантюры через вступление в НАТО (В. Янукович).

Раздел Украины по границам (В. Янукович).

Благодаря использованию антигосударственных лозунгов, они стремятся расколоть страну пополам и завтра будут рвать ее руками (В. Янукович).

Война социологических опросов (В. Янукович).

... Власть не хочет сдаваться и цепляется за старое (В. Ющенко).

Пирамида коррупции и взятки будет разрушена на всех уровнях (В. Ющенко).

Рассмотренные примеры свидетельствуют, что в дискурсе политических выборов применяются самые разнообразные фреймы из концептуальной сферы «Борьба, война»: перед началом выборов, как и перед войной, создаются арсеналы, в политических штабах готовятся стратегические планы и разрабатывается тактика будущих схваток за голоса избирателей, во время предвыборной кампании используются разведка и маскировка, применяются диверсии и атаки и т.п.

Такие метафоры позволяют увидеть, какие лингвистические средства и модели применяются в политической борьбе.

В сознании наших политиков другие кандидаты – это не партнеры, которые предлагают другой путь к процветанию родной страны, а бандиты, коррупционеры, которых необходимо убрать с дороги.

«Болезнь»

Здесь политические и экономические структуры государства (и страна в целом) метафорически представляются как страдающий от болезни человек, и традиционно подчеркиваются все реально существующие и даже мнимые недостатки: идущие «во власть» политики (и поддерживающие их «команды») стремятся показать, до чего довели страну их оппоненты.

Знают про... коррупцию, парализовавшую политику и экономику (В. Юценко).

Такие метафоры создаются прежде всего для того, чтобы воздействовать на эмоциональную сферу (сочувствие, жалость) избирателей к собственной стране.

Медицинская метафора закономерно способствует формированию прагматических смыслов, связанных с заботой, уходом, бережным отношением, и вместе с тем предопределяет отношение к стране и обществу как к пациенту, который уже не может и не должен в полной мере отвечать за свои действия. Подобное словоупотребление позволяет образно обозначить причины бедственного положения страны, вызывает наглядное представление об истоках недостатков и обостряет негативное отношение к их виновникам.

«Мир животных»

Также используются в политической речи зооморфные метафоры, где участники избирательной кампании изображаются как представители животного мира.

Виктор Федорович относится к такой редкой породе... которые идут до конца (Р. Богатырева).

Кучка богачей, сидящая у кормушки власти (В. Ющенко).

Для современной зооморфной политической метафоры характерны концептуальные векторы небольшой агрессивности.

«Криминал»

При анализе этой группы образов оказывается, что политические лидеры постоянно метафорически (то есть без каких-либо юридических оснований) представляются как уголовники, грабители, криминальные кланы, жулье, шулеры и бандиты. Соответственно рядовые избиратели образно представляются как жертвы преступников.

За годы правления Кучмы криминальные кланы установили полный контроль над экономикой... (В. Ющенко).

Воровству бюджетных средств и разграблению государственного имущества будет положен конец (В. Ющенко).

Криминальная метафора пронизана векторами тревожности, опасности, агрессивности, резкого противопоставления «своих» и «чужих», что, видимо, отвечает потребностям современной политической речи. Можно предположить, одна из причин активизации данной модели – реальное обострение криминальной обстановки, что отражается в народном сознании и находит выражение в речи. Активное использование в речи «криминальной» метафоры, несомненно, влияет на общественную оценку ситуации в стране, внушает мысль о том, что общество действительно пронизано криминальными связями и отношениями, что в Украине преступление – это норма. Эта модель практически всегда несет негативную оценку действительности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в политическом дискурсе современных выборов получили развитие метафорические модели с векторами агрессивности и соперничества (борьба, криминал, преступный мир и др.). Еще одна группа векторов современной политической метафоры – это неискренность политиков, наличие каких-то тайных сценариев в политической жизни страны (игровая и спортивная метафора). Можно сделать выводы, что общество (в том числе политики и их имиджмейкеры) еще не поняло, что свобода слова не исключает нравственной ответственности за сказанное слово, что, щедро поливая грязью политических оппонентов, невозможно сохранить чистыми собственные руки, что подобная грязь обладает свойствами бумеранга.

Метафорическое моделирование применяется как способ познания действительности. Метафоры играют особую роль в принятии политических решений, так как они помогают вырабатывать альтернативы, из которых в дальнейшем осуществляется выбор.

Использование метафор в политике – признак кризисного мышления, т.е. мышления в сложной проблемной ситуации, разрешение которой требует от человека включения всех его когнитивных способностей.

Для доказательства кризисной природы метафорического мышления в политике можно провести политико-семантический анализ политического дискурса, применив формулы вычисления метафорической силы политического дискурса на основании так называемого метафорического коэффициента (c).

Метафорический коэффициент есть сумма значений метафорической частотности (f), интенсивности (i) и содержания (d):

$$c = f + i + d.$$

Показателем частотности (f) является употребление метафоры на каждые 100 слов.

Интенсивность (i) вычисляется по формуле

$$I = \frac{1w + 2n + 3s}{t},$$

где w – количество «стертых» метафор, реализующих стандартные метафорические переносы значения; n – обычные метафоры; s – новые, креативные метафоры; t – общее количество метафор.

Коэффициенты 1, 2 и 3 позволяют учесть «степень» метафоричности.

Сила воздействия метафоры зависит не только от ее новизны, но и от типа самой метафорической модели. Ясно, например, что «военные» метафорические модели или модели «болезни» более конфликтны, нежели «строительные» или «транспортные». Для отражения конфликтности введена переменная содержания (d), которая вычисляется по формуле:

$$d = \frac{1p + 2n + 3po + 4d + 5sp + 6m}{t},$$

где p — «стертые» метафоры;

n – метафоры природы;

po – политические и интеллектуальные метафоры;

d – метафоры, относящиеся к смерти и стихийным бедствиям;

sp – спортивные и игровые метафоры;

m – метафоры болезни;

t – общее количество метафор.

Для политико-семантического анализа политического дискурса были взяты публикации (газеты Украинской народной партии – УНП, «Народное

слово» и «Наш Крым») за сентябрь 2004 г., т.е. до первого тура голосования, и за декабрь 2004 г., т.е. перед третьим туром голосования.

1-й пример (сентябрь 2004 г.)

на 3854 – 282 метафоры

$f = 100$ сл.

224 – 3854

$$f = \frac{224 \times 100}{3854} = 5,81$$

$w = 38, n = 22, s = 27, t = 87$

$$i = \frac{1 \times 38 + 2 \times 22 + 3 \times 27}{87} = 1,87$$

$$d = \frac{1 \times 47 + 2 \times 12 + 3 \times 10 + 4 \times 9 + 5 \times 18 + 68}{104} = 2,644$$

$$c = 7,32 + 1,91 + 2,64 = 11,87$$

$$d = \frac{1 \times 29 + 2 \times 16 + 3 \times 5 + 4 \times 6 + 5 \times 25 + 6 \times 6}{87} = 3$$

$$c = 5,81 + 1,87 + 3 = 10,68$$

2-й пример (декабрь 2004 г.)

на 3854 – 282 метафоры

$f = 100$ сл.

282 – 3854

$$f = \frac{282 \times 100}{3854} = 7,32$$

$w = 39, n = 35, s = 30, t = 104$

$$i = \frac{1 \times 39 + 2 \times 35 + 3 \times 30}{104} = 1,91$$

Можно обнаружить прямую зависимость между социально-экономическим положением страны и частотой употребления метафор в ее политическом дискурсе. Чем сложнее была ситуация в государстве (во время первого, второго и особенно во время третьего тура голосования), чем ближе к третьему туру голосования, тем чаще в политическом дискурсе использовались метафоры, причем, как правило, живые метафоры пессимистического или агрессивного содержания. Во время экономических кризисов метафорический коэффициент увеличивается, тем самым свидетельствуя о «социальном стрессе». В связи с этим политическую метафору можно считать показателем социальной напряженности.

Диаграмма № 1. Показатель интенсивности метафорического дискурса (сентябрь и декабрь 2004 г.)

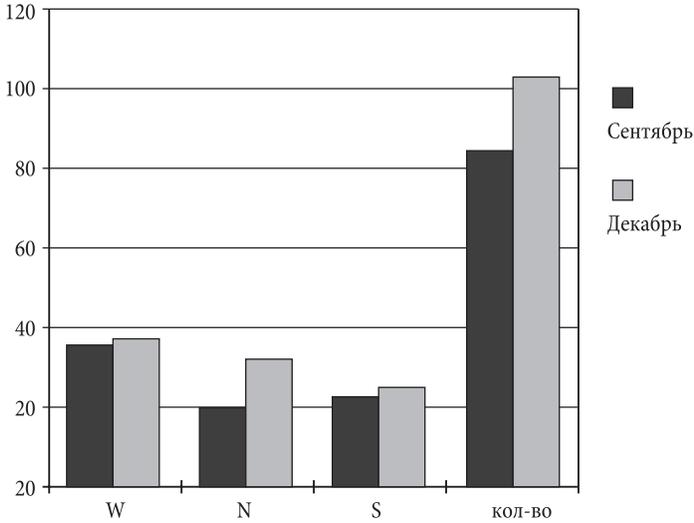

Диаграмма № 2. Отражение конфликтности в метафорическом дискурсе (сентябрь и декабрь 2004 г.)

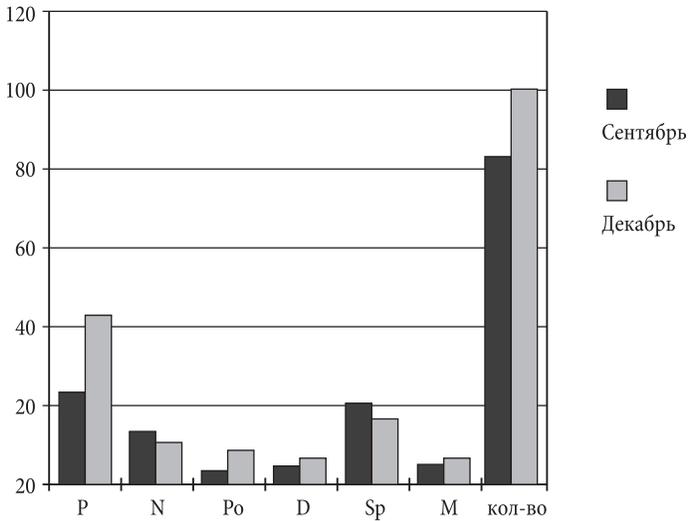
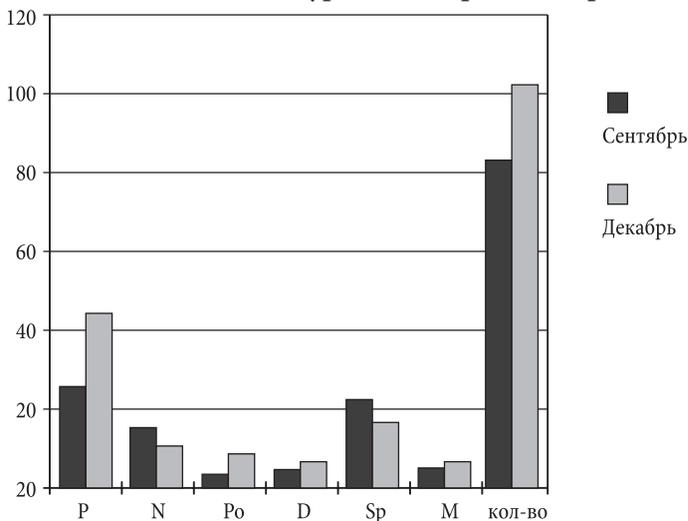

Диаграмма № 3. Рост частоты применения метафорических выражений в политическом дискурсе (сентябрь и декабрь 2004 г.)

Исследование доказывает, что повышение количества метафор в политическом дискурсе – признак кризисной политической и экономической ситуации, имеет как теоретическое, так и практическое значение. Его результаты можно использовать для фиксации приближения кризисных состояний путем лингвистического мониторинга политического дискурса.

Приведенный метафорический анализ был проведен в конце 2004 – начале 2005 г. для изучения стратегий макротекстов штабов основных кандидатов на президентский пост в Украине.

Применение дискурсивных методик для анализа структурированных интервью

Маркирование политических изменений, выявление и изучение образа «Другого» в медиа-текстах – важный момент в выработке знания о социальных процессах. Однако не менее значимо исследование повседневных коммуникаций средствами заявленного ранее дискурса-анализа.

Прагматизация теории социального капитала была осуществлена нами посредством выделения и описания системы маркеров. Маркеры представлены в виде двух основных групп понятий: материальной составляющей и эмоциональной составляющей социального капитала. Важным момен-

том новизны теории социального капитала по сравнению с другими теориями рационального выбора является значительный интерес к эмоциональному климату, доверию, выделению его в самостоятельный блок показателей. Ниже приводится список значений маркеров в данном исследовании.

Таблица 2

Материальная составляющая социального капитала группы	<i>Ф-связи</i> (функциональные связи) – персональные и коллективные связи акторов в семье, с друзьями, на работе
	<i>Ресурсы</i> – финансы, помощь добровольных помощников, активность родителей и учеников
	<i>Кредиты</i> – материальные (финансовая помощь и консультирование) и духовные (понимание, поддержка), базируются на доверии
	<i>Риски</i> – условия срыва проекта
	<i>Финансовый капитал</i> – персональный вклад каждого актора и коллективный группы
	<i>Корпоративность</i> – принципы принятия решений в группе и единство
	<i>Информация</i> – доступ и оперативность обработки информации акторами
Эмотивная составляющая социального капитала группы	<i>Импульсы к действию</i> – ситуация начала проекта
	<i>Доверие</i> – эмоциональный климат внутри группы и при внешнем воздействии
	<i>Статусы</i> – уважение отдельных акторов
	<i>Нормы и традиции</i> – системы реакций акторов на схожие ситуации. В конкретных изучаемых случаях – предпосылки ожиданий властных инструкций
	<i>Замкнутость группы</i> – частота встреч, создание функционально закрепленной группы с распределением полномочий
	<i>Личность лидера</i> – персональные волевые и коммуникативные качества руководителя

Прагматизация теории социального капитала и дискурс-анализ

Кратко представим модель социальных инициатив граждан, на базе которой были опробованы данные теоретические разработки. Исследование проводилось в ряде крымских школ, в которых была проведена модернизация при основной инициативе родителей учеников (2007). В каждом школь-

ном проекте было представлено три стороны: родительский актив, райгосадминистрация и международная организация. Основная доля работы (выбор объекта для переоборудования в школе, поиск подрядчиков, трудовой вклад, сбор и контроль за тратой денег, отчет перед финансовыми донорами и пр.) ложилась на плечи родительского актива. Посильную помощь в проекте осуществляли ученики и учителя, однако основная трудовая и организационная активность осуществлялась родителями.

Школа является тем социальным институтом, который впоследствии создает чрезвычайно прочные социальные связи среди учеников. По мнению Коулмана, она «сама по себе создает форму социального капитала – наименьшую ячейку организации» [Коулман, 2000]. Поэтому изучение увеличения социального капитала локальной группы через совместную активность на базе школьного сообщества представляется весьма продуктивной и пролонгированной акцией. Коулман особо подчеркивает, что специфика социального капитала состоит в том, что он оказывает «влияние на создание человеческого капитала в последующих поколениях».

Перед нами была поставлена задача: проанализировать различные случаи работы родительских активов (как новых социальных организаций) и выявить условия эффективной или неэффективной их работы. Другими словами, нам предстояло выяснить, происходит ли седиментация, осаждение опыта коммуникаций с Другим(и) в сознании людей. Тут мы и обратились к разработкам Коулмана в качестве теоретической базы.

Сбор первоначальной информации осуществлялся с помощью интервью с участниками проектов. Полученные в ходе исследования интервью были проинтерпретированы в рамках дискурс-анализа. Предметом исследования при дискурс-анализе выступают высказывания, способ структурирования которых обладает значимостью для определенного сообщества людей. Иными словами, в данном исследовании были проанализированы тексты, которые содержат высказывания, разделяемые определенной общностью людей, порождают либо усиливают их и предполагают ту или иную позицию в дискурсном поле совместной деятельности по проекту. Дискурс-анализ имеет целью привести к позиционному единству рассеянное множество высказываний, причем такая перегруппировка осуществляется на основании не формального критерия, а отношения к месту акта высказывания, что позволяет выявить дискурсивную формацию. Так, например, объектом анализа выступает не единичный, обособленный текст, а группа текстов по одной проблематике. В нашем случае по результатам работы одного проекта были собраны интервью участников и наблюдателей.

Подобный подход базируется на том, что чаще всего дискурсивный анализ спонтанных текстов охватывает не какой-то один жанр (интервью), а

объединяет несколько направлений (например, нами активно также использовался метод наблюдения).

Стоит еще раз заявить методологическую позицию исследования: мы исходим из посылки, что любые тексты, подобно новостным публикациям, могут быть полностью разложены на отдельные составляющие, приемы формирования, отвечающие их прагматическим задачам. Во-вторых, они имеют общие с новостными публикациями жанровые особенности (логическая, семантическая, риторическая упорядоченность). В-третьих, всякие тексты, как и новостные публикации, обладают определенной интенцией (перформативны в терминологии Дж. Остина) и оказывают серьезное влияние на формирование у населения социальных и политических знаний и представлений о мире.

Напомним, что Ван Дейк выделяет два направления дискурс-анализа текста: микро- и макроанализ. Исследование на микроуровне представляет, по сути, изучение семантических элементов текста.

Для изучения спонтанных текстов (в отличие от продуманных и «отшлифованных» журналистских статей) мы обратились именно к исследованию микроструктуры текста, анализу интервью на присутствие в текстах таких составляющих, которые рассчитаны на наличие некоего предварительного знания. Важным условием верификации полученного в ходе интервью знания была триангуляция методов. Сопоставление разных методов сбора информации гарантировало снижение исследовательского субъективизма и предпозитивности. «Утраченные связи», само собой разумеющиеся порядки событий информантов, для постороннего исследователя могли быть утеряны, поэтому особое внимание мы уделяли технике наблюдения. Однако связь между элементами текста может быть не только референтной, но и функциональной, устанавливаемой с помощью функций спецификации, парафразы, контраста, примера. Представленные варианты текста не имеют классической структуры, описанной Ван Дейком, где за главным топиком (смысловым блоком) следуют подчиненные высказывания. Обрывочность интервью выделяет цепи смыслов, которые иногда прерываются самим информантом, иногда активной позицией интервьюера.

Как уже упоминалось, информация в тексте никогда не бывает выражена полностью – она всегда преподносится с расчетом на базовые представления о мире, имеющиеся у потребителей информации. Между тем, по заключению Ван Дейка, анализ «несказанного» иногда дает больше, нежели изучение того, что реально написано. Поэтому для усиления методологических техник интервьюерами активно использовалось наблюдение в качестве дополнительного, но не менее значимого метода для выявления подоплеки.

Примером измерения социального капитала на основе дискурс-анализа интервью [Т. Ван Дейк, 1989, с. 228–268] одного из членов группы может служить следующая таблица.

Таблица 3

Маркер	Оценка	Вербальная реакция
Импульс к действию	Низкая	<i>Ремонт спортивного зала, зал вышел из строя, угроза несчастных случаев, спортивные мероприятия зимой были в классах, в основной период был не задействован. В течение нескольких лет не проводились занятия в спортзале. Пол прогнил. Директор предложил – мы поддержали</i>
Ф-связи	Средняя	<i>Родители – молодцы, собрали около 7000, большая сумма, на них мы покупаем строительные материалы, оплачиваем работу специалистов. Оказывают помощь в работе сами родители. Родители приходят, помогают, что-то делают, основная нагрузка на директора и председателя. Другие не поминаются</i>
Информация	Низкая	<i>Смету не разрабатывал, больше все по закупкам</i>
Доверие	Низкая	<i>Были также люди, которые сначала пришли, а потом вышли из родительского комитета. Его выбрали в родительский комитет, а он сказал, что я не верю в это, «это все брехня, треп». Был такой член родительского комитета. Один сам попросился, что меня уберите. Это нормально, такое в жизни бывает. Даже сейчас, когда проект реализован, у всех взгляд разный... а вы делаете, получается...</i>
Ресурсы	Низкая	<i>Один родитель выделил КАМАЗ, и мы с первого транша привезли пиломатериал. Другой родитель выделил КАМАЗ на второй транш пиломатериалов (100 долларов туда-обратно, между прочим, стоит машина)</i>
Статусы	Средняя	<i>Управление закупками, общее руководство проектом – директор</i>
Кредиты	Средняя	<i>Неформальных встреч не было. И так, мы все друг друга знаем, но по проекту не собирались. Здороваемся в деревне, в лицо, по имени знаем, не то, что в городе</i>

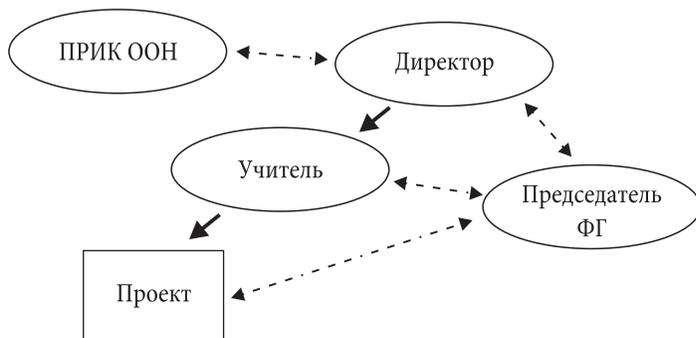
Риски	Высокая	<i>Проект рассчитан до сентября месяца, но цены растут очень быстро, если мы запланировали материалы по одной цене, то сейчас они сильно выросли. Для реализации проекта у нас не хватает 2000, но на сегодняшний день при согласовании с райгосадминистрацией, районо, ПРИК (Программа Развития и Интеграции Крыма) ООН, когда они приехали и посмотрели, и выделил 7000 гривен на пол</i>
Нормы и традиции		В ходе реализации проекта не установились
Замкнутость СР	Низкая	<i>Споры больше всего вызывал сам проект, десять раз переписывали проект, не меньше, все строительные материалы надо было обосновать и мы сидели над ними очень много, бумажные дела заняли год! Может мы где-то недоработали... Встречались очень часто, все родительским комитетом. Вначале собирались в месяц по два раза, потом по мере необходимости, т.к. все вопросы обсуждали совместно</i>
Финансовый капитал	Средняя	Персональный – средний, функционально в проекте – регуляция покупок
Личность лидера	Низкая	Не продемонстрировал
Ожидания	Средняя	<i>В другом проекте возможно бы я принял участие, если с ПРИК ООН. Если еще пройдет проект, мы будем рады. У нас еще не решенные проблемы, дальше будем составлять документацию</i>
Толерантность	Средняя	<i>Полезность проекта: общение и между детьми, и потом будут говорить «ну, привет, я тебя знаю», упрощают коммуникацию</i>
Корпоративность	Очень низкая	<i>Последний раз собирались ФГ (функциональные группы) более месяца назад, работы в зале не ведутся</i>

Примечание. Курсивом выделена прямая речь респондента.

Оценка наличия того или иного маркера проводилась интервьюером исходя из вербальной и невербальной реакции респондента. Другими словами, интервьюеры выступали одновременно и экспертами в данном исследовании.

На основании сопоставления табличных данных всех акторов родительского актива и внешних наблюдателей оформляется сводная диаграмма социального капитала и модель коммуникативного поля.

Коммуникативное поле

Модель коммуникативного поля отражает частоту коммуникаций между акторами и информирует о замкнутости или, наоборот, открытости группы.

Сопоставление различных аналитических техник и наложение опытного материала позволило нам обобщить результаты в единую матрицу измерения социального капитала малой группы.

Таблица 4

МАРКЕР	ПОКАЗАТЕЛИ
Модель принятия решения	Номенклатурная
	Коллективная
Административные ожидания основных акторов	Ориентация на управление «сверху»
	Самостоятельная инициатива группы
Срок разработки сметы	1–3 месяца
	более 3 месяцев
Связи внутри коллектива	Слабые
	Сильные
Вера в успех проекта	Высокая
	Низкая
Эффективность использование трудовых и материальных ресурсов	Эффективно
	Неэффективно

Коллективные и персональные выгоды участников проекта	Высокие
	Низкие
Коммуникации акторов внутри проекта и вовне	Сильные
	Слабые

Представленная таблица является пробной моделью для анализа эффективной работы малых социальных групп.

На основе проведенного исследования по четырем проектам было сделано 16 таблиц и сводных коммуникативных полей. Рассматривая позитивные направления в активности международных организаций и сельских сообществ в подходах увеличения социального капитала территориальной громады, следует отметить, что наше исследование показало, что активные коммуникации в границах проекта всех участников (напомним, что формировались межэтнические группы) способствуют ситуационной совместной активности, однако седиментации полученного опыта не наблюдалось. Как только цель проекта достигалась, групповая солидарность растворялась. Спустя полгода после завершения проектов в исследуемых группах были утрачены все связи. Стоит также отметить, что формирование региональной (локальной) солидарности – процесс длительный, и предполагается продолжать исследования в данном направлении.

Анализ актуальных политических текстов демонстрирует нам широкое разнообразие исследовательских практик качественной методологии. Представленный выше прикладной материал призван, скорее, отразить связь между видом текста и определенной техникой анализа. Мы не ставили себе целью заполнить спектр всех текстов, востребованных в процессе конструирования нации. В кратком обзоре мы попытались дать теоретическое обоснование концепта Другой, проследить обращение социальных теорий к данной проблематике и оформить разрозненные исследовательские модели дискурсов в связи со спецификой производства текстов.

ЧАСТЬ 3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ДРУГИМ: ГЕРОЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ФРОНТИРА

Удивляет меня чрезвычайно медленность депутатов.
Какие бы причины могли их остановить.
Неужели Франция? Да, это самая
неблагоприятствующая держава. Ходил справляться
на почту, не прибыли ли испанские депутаты.
Но почтмейстер чрезвычайно глуп, ничего не знает:
нет, говорит, здесь нет никаких испанских
депутатов, а письма если угодно написать,
то мы примем по установленному курсу.
Черт возьми! что письмо? Письмо вздор.
Письма пишут аптекари...
Гоголь Н.В. «Записки сумасшедшего»

В данной части работы мы поставили себе целью проследить динамику культурных и политических изменений в Украине, отраженных в повседневных коммуникациях. Динамика политических и культурных изменений обращает наше исследование к временным характеристикам Другого. Смена исторических эпох «востребует» переходные фигуры, абсолютно нетождественные ни предыдущей эпохе, ни последующей, приходящей на смену. Но прежде нам необходимо разобраться с базовыми терминами для этой части исследования. Термин «история», по мнению Б. Успенского [Успенский Б., 2002, с. 10], может иметь по меньшей мере два смысла: под «историей» может пониматься либо *res gestae*, то есть совокупность происшедших событий, либо *historia rerum gestarum*, то есть повествование о происшедшем, своего рода нарративный текст. История *rerum gestarum* по природе своей семиотична, поскольку она предполагает определенную сематизацию дей-

ствительности – превращение не-знака в знак, не-истории в историю. Такого рода семиозис предполагает, в свою очередь, два необходимых условия:

1. Расположение тех или иных событий (относящихся к прошлому) во временной последовательности, то есть введение фактора времени.

2. Установление причинно-следственных отношений между ними, то есть введение фактора причинности.

Дискурсы о прошлом и будущем – наиболее желанные объекты для умозрительных экспериментов политических теоретиков и практиков в Украине. История Украины предстает в виде двух самостоятельных дискурсов: советская и до-советская (сейчас все чаще возникают дискурсы об анти-советской Украине). До-советская Украина предстает как прошлое, которое для наших современников никогда не было настоящим. По меткому замечанию Б. Вальденфельса, этот вариант истории предстает в форме определенной *gerprise* (введения в современный национальный дискурс), которая воссоздает определенный *prise*, не исчерпывая его, и потому всегда порождает некоторый *surprise*. С советской историей Украины дело обстоит несколько иначе – адепты советского строя до сих пор сильны (даже представлены фракцией коммунистов в украинском Парламенте), старшее поколение украинцев активно обращается к коммунистическим идеям, однако сейчас все активнее звучат речи об анти-советской истории Украины.

Дискурсы советский и анти-советский закреплены даже в разных языках, на которых они ведутся. Дискурс о советском прошлом Украины реализуется в большинстве своем на русском языке, анти-советский дискурс разворачивается исключительно на украинском языке. Коммуникация между носителями разных исторических дискурсов получает дополнительное затруднение и выводит Адресата в область Чужого. Недоступность Чужого в связи с языковыми различиями можно определить тремя способами: во-первых, Чужое есть тем, что происходит за пределами своей плоскости, во-вторых, тем, что принадлежит Другому, и в-третьих, тем, что имеет чужой вид, есть чужеродным. Таким образом, речь идет об аспектах места, владения и вида. Чужое связано с формой «Где-то».

Таким образом, можно утверждать, что современный украинский национализм активно использует дифференциацию Своего и Чужого, которая осуществляется на разных шкалах определений:

– в языковом пространстве выделяется три оттенка значений: место, принадлежность, род¹⁷;

– определение места Чужого осуществляется на первом этапе дифференциации через простое разграничение (ограничение и выделение) Чу-

¹⁷ Изучение нации в этой дефиниции будет включать следующие структурные элементы: территория, тип работы (сфера занятости) и собственность, история, язык и культура.

жого, того, что оказывается за пределами Своего и уклоняется от Нашего «схватывания».

Националистическое освоение Чужого начинается через центрирование на Своем (эгоцентризм и этноцентризм, этническое «Мы – чувство» конституируется на противостоянии с другой этнической группой).

Свое, Целое, Нормальное противостоит в идеологии Чужому. Анализируя традицию европейского национализма, Б. Вальденфельс отмечает, что Европоцентризм живет ожиданием того, что Свое благодаря Чужому постепенно выявится целым и всеобщим. В качестве Чужого, выведенного за границы рационального поведения, выступает «мировой терроризм». Еще в 1970-х гг. революционер и мыслитель Ги Дебор написал: «Эта столь совершенная демократия формирует для себя непостижимого врага – терроризм. В самом деле, она желает, чтобы о ней судили не столько по ее результатам, сколько по ее врагам. История терроризма пишется государством, и, следовательно, имеет назидательную функцию».

В работе Ги Дебора «Общество спектакля» идеология копирует основные характеристики спектакля: «Спектакль – это идеология *par excellence*, так как она выражает и проявляет в своей полноте сущность любой идеологической системы: обеднение, подчинение и отрицание действительной жизни» [Дебор Г., 2000, с. 112].

Становление демократической культуры на постсоветском пространстве идет неравномерно. Можно выделить регионы, где демократические институты и либеральные ценности гармонично влились в повседневные коммуникации и стали частью хабитуса обывателей (страны Балтии). В других регионах деформация политических отношений идет гораздо медленнее и фреймы восприятия политики до сих пор имеют ярко выраженные черты советского наследия. Здесь активно востребованы и реализуются модели отчуждения, дистанцирования граждан от политики. Господствующие фреймы восприятия проявляются в предпочтении патерналистского типа отношений, в недоверии к оппозиционным политикам, в желании сохранить стабильность и, как следствие, в боязни политических перемен. Паттерн стабильности чрезвычайно выгоден властвующей элите и всячески ею поддерживается¹⁸.

Однако изменения, происходящие в экономической сфере, проникновение западной массовой культуры в общество латентно ре-формируют типы социальных, культурных, хозяйственных отношений, влияя и на восприятие политики. Растет автономия индивидов в хозяйственной сфере и

¹⁸ Ярким примером подобного типа отношений могут стать президентские выборы 2004 г. в Украине. Штаб кандидата от власти В.Ф. Януковича построил всю предвыборную кампанию вокруг основного сообщения (message) – «стабильность общества – наивысшее достижение и базовая ценность Украины».

уменьшается количество апелляций к государству для решения социальных проблем. Несмотря на некоторые колебания, уровень легитимности государственных институтов и политической элиты остается достаточно низким. Это характерно для стран, в которых связь «политическая элита (лидер) – государство» достаточно слабая. В странах, где большинство граждан отождествляют государство и лидера (авторитарная модель), легитимность выше и идет «пакетом» с хозяйственно-экономической деятельностью, политической активностью и стабильностью.

Современную политическую культуру ряда стран (в первую очередь нас интересуют страны исследуемого региона: Украина и Беларусь) можно определить как «Со-стояние Между» или самонеопределенное бытие с Другими. В понимании Другого я не столько апеллирую к конкретным межличностным коммуникациям, сколько к темпорально-пространственным характеристикам. В данной части работы Другой позиционируется как внутренний динамический фактор, соотносимый с состоянием перехода от одной эпохи к другой, и, уже, состояние между «интересами эпохи» (в терминологии М. Вебера).

К тому же подчеркивается особая географическая перспектива между разными цивилизационными центрами. Иначе говоря, страны Восточного Пограничья находятся в двойной перспективе:

темпоральной – между разными историческими эпохами (авторитаризм/демократия) и

пространственной – между культурой Запада и Востока (ЕС и Россия). Неопределенность украинской политической нации в культурном поле задает состояние разнонаправленности и синтеза ценностей.

Данность «Со-стояния Между» востребует и героев определенного типа. На наш взгляд, казусность современных культурных, социальных и политических отношений не только в Украине, но и на постсоветском пространстве в целом самым ярким образом воплощает в себе фигура Трикстера.

Значение фигуры Трикстера в мифологиях сводится к пародийному спутнику (дублеру) культурного героя, неудачливому, потешному врагу или неумелому подражателю-сопернику. В английском языке это слово имеет несколько значений, происходящих от *trick* – хитрость, обман; шутка, шалость; глупый поступок; фокус, трюк; соответственно *trickster* – обманщик; хитрец, ловкач [Трикстер, 2000].

Классическим трудом по исследованию образа Трикстера и его значения в символическом ряду мифа является книга П. Радина «Трикстер: изучение мифов американских индейцев». Работа основана на антропологических наблюдениях за жизнью коренных американцев и является «краеугольным камнем» в исследованиях образа Трикстера.

Понять образ Трикстера достаточно просто через сопоставление Трикстер – Герой. Мифический герой целостен, он видит цель своей деятельности и не отступает от сформированных им самим норм. Трикстер демонстрирует противоположное поведение: абсурдность, непоследовательность и незнание собственной цели. Часто выступает объектом комических сюжетов (герой может выступать только как субъект комической активности). Герой и Трикстер образуют дихотомию: мудрость – глупость, норма – хаос, ценность – абсурд. Следует отметить, что Трикстер един с Героем в происхождении: часто он имеет божественные корни (однако предстает изгоем), это позволяет укомплектовать его образ одновременно демоническими и комическими чертами плута-озорника.

Очень важной поведенческой характеристикой Трикстера выступает склонность к воровству. Воровство во всех культурах имеет ярко негативную окраску и порицается базовыми нормами поведения. Отношение к акту воровства, совершенного Трикстером, иное – принадлежность к сонму богов задает сакральность любой его деятельности, а абсурдность кражи и неумение воспользоваться ее результатами придает особый смысл совершенному. Трикстер не получает выгоды от кражи из-за собственной неразумности, но Герой (антипод Трикстера) умело пользуется ее результатами. Гермес (провозвестник, покровитель путешественников и воров) и Прометей (укравший огонь у богов, передавший его людям и обреченный на вечные муки) выступают как варианты актуализации Трикстера в греческой мифологии.

Особо стоит задержаться на внешности Трикстера. Его фигура, одежда, поведение и реакции призваны дополнить целостность образа. Трикстер напрямую часто описывается как урод, имеющий непропорциональные части тела, хаотичную жестикуляцию, путаницу в одежде и поведении. Он может не осознавать границы своего тела, нанося урон себе. Телесность Трикстера сама по себе анекдотична. В фигуре Трикстера всегда видны те части тела, которые спрятаны у героя: он имеет несоразмерный и не подчиняющийся ему половой член, его задница может служить ртом или в какой-то момент быть воспринята им как нечто отдельное от его тела и может быть наказана за непослушание. Отсутствие четких границ тела, нерелексивность поведения подчеркивают древность образа и сильную связь Трикстера с Хаосом.

Крупнейший психоаналитик XX в. К.Г. Юнг подробно исследовал фигуру Трикстера в мировой культуре [Юнг К.Г., 1996]. «Следы» этого культурного персонажа встречаются повсеместно: в ритуальных переворотах потестарных образований (обряд инчвала) [Куббель Л.Е., 1989, с. 102], в мифологических системах и даже в культуре европейского Средневековья.

Мифологические системы многих культур содержат сюжеты творения, где созидание мира сопряжено с обманом, хитростью, воровством. Акт сози-

дания Порядка формирует дальнейшие нормы поведения, но сам находится за их границами. Правила поведения еще не активны, а механизмы для их установления задействуются различные. Тут и появляется фигура Трикстера. Позже, когда порядок установлен в определенные периоды времени (процесс инициации молодого поколения, сезонные праздники) или особые события (смерть вождя, начало войны), дихотомия Хаос – Порядок реактуализируется в обрядах перехода.

Черты Трикстера присутствуют в европейском Средневековье в характеристиках Меркурия, которые задаются ему алхимиками. Тип поведения его изобилует коварными выходками, розыгрышами, способностью мгновенно менять облик. Алхимики отождествляли Трикстера с ртутью (Меркурий) и акцентировали его двойственную, наполовину животную, наполовину божественную, природу. Еще очень интересной характеристикой Меркурия выступает подверженность всякого рода мучениям. Юнг делает акцент на этом сходстве, фиксируя этим приближенность Меркурия-Трикстера к образу Спасителя. Искушение, страдание, перевоплощение – вот однопорядковые характеристики, тождественные для обоих культурных персонажей.

По мнению Юнга, столь частое появление Трикстера в различных культурах свидетельствует о некоей общей психологеме коллективного бессознательного, древней архетипической психологической структуре. Частично Юнг видит в образе Трикстера образ себя (индивида, группы) на более раннем уровне развития.

В архетипической системе фигура Трикстера соответствует архетипу Тени. Тень антагонистична по отношению к личному сознанию, она динамична, постоянно вытесняется в бессознательное. Грань исчезающего уровня сознания, но и утверждающая границу индивидуального и рационального. Трикстер динамичен. Он не добр и не зол, он на границе ценностей, или, точнее, своим опытом он формирует эти границы. Активность Трикстера – это цикл с выявляющейся динамикой поведения от абсурда к разумности. Тьма и Зло в конце цикла не исчезают (не превращаются в дым), но теряют энергию.

Но, несмотря на присущие ему качества постоянно негативного героя, в результате свойственной ему глупости Трикстер создает то, на что другой, даже затратив огромные усилия, оказывается не способным. Он продуктивен, а не рефлексивен! Рефлексия в образе позитивного героя приходит позже.

Нам представляется, что Трикстер – это образ меняющейся «самости», это «Я» в моменты изменений, взросления, смены политической культуры и, шире, – в момент культурного перехода. Появление фигуры Трикстера в истории сигнализирует о начале (завершении?) культурных трансформаций и исторических разграничений культурных эпох.

Нельзя сказать, что исследованию фигуры Трикстера в современной политике и культуре уделено много внимания. Классические работы (Раксин П., Юнг К.Г.) сформировали «канон» исследования, который в современном мире остается в границах антропологии и психологии. Политических исследований, посвященных этому персонажу, мы не встречали. А между тем время пост-советской и прото-демократической культуры «требует» героя переходного периода. Фаза перехода, которая актуализировала образ Трикстера, связана не столько с трансформациями институций (они прошли несколько ранее), сколько с изменениями политических представлений населения. Значительная часть людей уже приняла новые модели поведения, следует им и в повседневности, и в экономических или социальных взаимодействиях. Но до сих пор у поколения, которое сейчас наиболее активно, действуют сильные коннотации с нормами и ценностями советской культуры¹⁹. Можно констатировать, что украинская политическая идентичность характеризуется комплементарностью, прерывчатостью и наложением ценностей.

Перед нами типичный образ современного Трикстера. В 2003–2007 гг., в какой уголок постсоветского пространства вас ни занесла бы судьба, везде с одинаковой радостью во время застолья ставят песни Верки Сердючки. Столь широкую популярность на постсоветском пространстве этого персонажа трудно объяснить, если подходить к изучению его популярности с позиций традиционных качеств, распространенных в шоу-бизнесе:

- паттернов привлекательности женской/мужской,
- наличия/отсутствия таланта,
- демонстрации определенного пафосно-героического или лирического образа.

Пародия, шарж, кич на шоу-бизнес и, гораздо шире, на всю нашу жизнь – вот составляющие успеха этого персонажа. Анти-сексуальность как вызов культу тела, доминирующему в популярной культуре.

С одной стороны, образ поющей проводницы Веры – это пародия на весь современный шоу-бизнес, тиражирующий стереотипы сексуальности и моды, который в обыденных коммуникациях все чаще стали называть «поющие трусы»²⁰. Весь образ нашего анти-героя – это паззл из кусочков со-

Ил. с www.fidel.ru

¹⁹ «Рожденные в СССР» – слова одной из песен группы ДДТ также подчеркивают эту связь.

²⁰ В первую очередь бросается в глаза минимальное количество одежды на певцах, а потом уже какие-то вокальные или артистические данные.

ветского прошлого и переходного настоящего. Однако что дает нам основания считать, что именно в образе Верки Сердючки ре-актуализировался образ Трикстера? Исходная посылка для этого утверждения – наличие у персонажа множественных семиотических складок.

Во-первых, позиция изменчивости заложена в том, что актер Андрей Данилко исполняет роль женщины. Переодевание присуще Трикстеру, более того, как «женщина» Верка Сердючка не является молодой, красивой и сексапильной, поэтому не отвечает базовым стандартам женской привлекательности, настойчиво тиражируемым масс-медиа. Более того, в проводнице Верке мы также видим гипертрофированную женскую фигуру – несуразно большой бюст, вопиющий своей искусственностью. Гей-культура также не воспринимает Сердючку как носителя своих ценностей, поэтому смыслом всей активности персонажа является пародия. Еще один сигнал отыскать Трикстера в эстрадном пародисте – это язык песен и реприз. Суржик, смесь русского и украинского языков, демонстрирует культурную неопределенность и маргинальность персонажа. Костюм нашего героя (героини) представляет собой особую семиотическую складку, которая имеет коннотаты и с советской эпохой (хлопчатобумажные колготки, обувь, модная в начале 1990-х гг.), и с современностью (норковая шуба, яркие, излишне «кричащие», роскошные платья). Профессия нашего антигероя – это проводница и суперзвезда. Особая роль в докомплектации образа – это мама Верки. Мама – новый спутник в образе Верки, однако ее роль вполне соответствует «девичьему» образу далеко не молодой проводницы-суперзвезды.

Актер А. Данилко в образе проводницы-звезды персонифицировал идею изменения аттитюдов (предпочтений) людей, рожденных и обретших самостоятельность в советскую эпоху, но живущих и приспособляющихся к другим условиям.

Может показаться, что в данном исследовании есть некоторое искусственное наложение культурного и политического полей. Признаемся, мы акцентируем внимание на данной перверсии Трикстера, исходя из позиций синкретичности современной культуры, где технологии шоу-бизнеса проникают в политику, а политика неизменно влияет и на содержание и форму культурных отношений. Конечно, Трикстер в образе Верки Сердючки не может выступать как собственно политический символ, но вполне уместно рассматривать его шире, чем просто явление поп-культуры. Это знаковая фигура, символизирующая изменения. Л. Козер, отражая связь между политикой и культурой, замечает: «Современная массовая культура служит средством освобождения от фрустрации, открывая возможности замещающего выражения строго табуированных импульсов враждебности» [Козер Л., 2000, с. 66].

На постсоветском пространстве проводятся исследования символов переходной культуры. В статье российской исследовательницы З.В. Сикевич [Сикевич З., 1999] приводятся наиболее распространенные образы прошлого и настоящего, господствующие в сознании россиян. Сущность метода свободных ассоциаций, который использовала исследовательница, состоял в том, что респонденты должны были написать по пять слов, которые соответствуют прошлому и настоящему. По данным опроса, различия между символикой прошлого и настоящего очевидны. Ключевым знаком прошлого стала «партия» (более 30% опрошенных отметили этот символ прошлого), на первом месте символов новой эпохи находится «свобода», однако только каждый пятый отметил эту характеристику. Первые четыре характеристики настоящего в процентном соотношении мало чем отличаются друг от друга, что позволяет говорить о неопределенности образа современности (свобода – 18,2%, безработица – 17,8%, война в Чечне – 16,8%, демократия – 16,4%). В некоторой степени это обусловлено тем, что рефлексия настоящего всегда сложнее, чем уже завершеного этапа. Из 20 самых распространенных ответов по символам прошлого и настоящего можно выделить, что из понятий прошлого негативные оценочные характеристики имеют 4, в современности – 9. В то же время заметна доминанта идеологии в прошлом и слабое ее присутствие в современности (соответственно 10 упоминаний и 5). Подробный анализ обоих символических рядов позволил автору сделать вывод, что прошлое через ассоциации предопределено главенствующим понятием «партия», имеет четкие персонифицированные образы (Ленин, Брежнев), современность более анонимна (нет упоминаний лидеров) и сильно эмоционально нагружена (часто упоминаются оценки, метафоры и новоязы) [Сикевич З., 1999, с. 88–89]. Незаконченность образа современной эпохи и доминанта негативов свидетельствуют об ощущении опасности перехода. Складчатость, мозаичность осколков советской идеологии вплетена в узор либерально-демократических идеологов в ризоме социально-политических представлений индивидов. Хаотичность представлений, наложение множества значений в базовых когнитивных установках интерпретаций особенно характерны для украинского общества.

Удивительно и блистательно во всех смыслах этого слова было появление Верки Сердючки на ежегодном конкурсе «Евровидения» в 2007 г. В первую очередь, набрав наибольшее количество голосов в открытом телефонном голосовании по Украине (при этом, вызвав немало отрицательных высказываний со стороны националистических политических сил), Верка выступила с песней «Lasha Tumba», которая многими была «услышана» как «Russia Good-bye». Интересно, что Андрей Данилко позже неоднократно заявлял, что песня никоим образом не носила антирусский характер, однако сразу же после объявления результатов конкурса несколько ведущих рус-

ских продюсеров объявили, что российский рынок шоу-бизнеса отныне закрыт для Верки. Трикстер в очередной раз нанес сам себе рану. Знаковым нам представляется и второе место, которое заняла Верка на «Евровидении». Побеждает Герой, Трикстер остается в тени, так и произошло, когда победила сербская певица, а Верка Сердючка заняла второе место.

Накануне внеочередных парламентских выборов 2007 г. украинскими специалистами в области политических коммуникаций был разработан политический шоу-проект «Блок Верки Сердючки». Однако Андрей Данилко отказался от участия в избирательной гонке, хотя некоторые аналитики предполагали, что блок сможет преодолеть 3%-й барьер, а значит, попасть в Парламент. На фоне глобальной девальвации политического доверия даже такой абсурдный политический проект мог сработать²¹.

Проводница-звезда Верка Сердючка персонифицирует образ Трикстера и выступает ярким маркером окончания культурной трансформации. Актуализация Трикстера – это взгляд назад, прощание с прошлым, не nostalgia, просто спокойное принятие новых культурных ценностей. И. Голубович в статье «Смеяться над своим уделом» отмечает, что особым, почти божественным умением человека является умение Альтер-Эго по отношению к самому себе [Голубович И., 2003, с. 1], для нашего исследования характерна подобная позиция во временной перспективе: мы становимся другими по отношению к тем мы, что были в прошлом. Образ Трикстера сигнализирует о приятии в массовом сознании идеи завершения культурной эпохи. Как после большого потрясения человеку необходимо время для того, чтобы отпустить прошлое и жить дальше, так и сообществам необходимо время для осознания своей инаковости в контексте новых глобальных вызовов.

Следует также обратить внимание, что культурная активация образа Трикстера означает, что возникла историческая пограничная ситуация. Образ Трикстера становится актуален в период «взросления» группы, Я/Мы актуализируется как Другой/Другие для Я/Мы в исторической ретроспективе (характер группы может быть различен: от небольшой общности до группы народностей) и точке отказа следовать моделям поведения прошлого в бытовых схемах. Воспользовавшись интеллектуальной схемой, заданной в начале работы, можно сказать, что произошла *седиментация*, принятие понимания того, что Я/Мы сегодня – это Другой по отношению к нашему прошлому, что свидетельствует о том, что в политическом и, шире, культурном сознании людей зондируется и готовится «почва» для новых семиозисов.

²¹ Число граждан, проголосовавших «против всех» на внеочередных выборах в Парламент Украины в 2007 г., почти достигло 3%-го барьера (2,9%), необходимого для прохождения в Верховную Раду.

Маркеры этничности в повседневных коммуникациях

Просматривая литературу по этнической проблематике, я обратила внимание на данные исследования Локшиной и Лукашевского [Локшина Т., Лукашевский С., дата доступа 10.10.2006]. В их совместной работе этнические анекдоты отнесены к проявлению межэтнического напряжения и являются одним из маркеров «языка вражды» масс-медиа. Во всех ли случаях этнические анекдоты способствуют разжиганию национальной вражды? Меняется ли значение анекдота, рассказанного в многонациональной кампании, этнически единой группе или на страницах прессы? В данном разделе исследования ставится цель выявить значение этнических анекдотов (ethnic slurs, ethnic jokes) для внутреннего национального единства группы, определить интенсивность циркуляции этого вида анекдотов в межнациональных коммуникациях.

Последние годы не наблюдается появление новых русско-украинских анекдотов, однако позиция Украины в рейтинге недоверия россиян укрепилась²². Однако на внутринациональном уровне нами были зафиксированы новые этнические анекдоты. Так, Другой проявляется в ближнем общении, не опосредованном масс-медиа. Усиление этнической напряженности в Крыму в течение 2006–2007 гг. отразилось в появлении серии анекдотов о крымских татарах. Своей аудиторией они имеют в основном русскую среду. Приведем пример: «Каждый татарин должен: построить дом, родить сына и купить маршрутку»²³. Второй анекдот, появившийся в это же время и активно распространяющийся в славянской среде, звучит более агрессивно: «Русский и крымский татарин оказались на необитаемом острове, нашли бутылку, а в ней джинн. Джинн предложил каждому загадать по одному желанию. Первым желание загадал татарин: “Хочу, чтобы в Крыму не осталось ни одного русского и чтобы Крым был обнесен огромной каменной стеной!” Джинн исполнил желание. Пришло время русского. Он спрашивает джинна: “Точно ни одного русского не осталось? Ну, тогда все это цементом заливай!”».

О чем свидетельствует появление этих анекдотов? Сами рассказчики (русские в обоих случаях) указывали на то, что никогда бы не рассказали эти анекдоты в группе людей, в которой бы находились крымские татары. И так, как разобраться в значении этнических анекдотов для этноса в маркировании Другого?

²² В 2004 г. украинцы впервые вошли в рейтинг народов, к которым россияне испытывают недоверие (7 место), и уже в 2008 г. украинцы заняли третье место в этом списке, уступив только грузинам и американцам.

²³ Анекдот базируется на определенной этнической сегрегации бизнеса в Крыму.

Прежде чем перейти к изучению значения этнических анекдотов в межэтнических коммуникациях, необходимо вкратце изложить основные теории, изучающие юмор и его производные. Существует два основных направления. С античных времен доминировал эстетический дискурс, в котором природа комического рассматривалась через призму «прекрасное/безобразное», соответственно, смех порождается нарушением гармонии (Бергсон А., Лук А.). Фольклорные исследования часто остаются в границах описательного и эстетического дискурса.

Второе направление имеет сильные психоаналитические и этнологические корни. Отправным моментом была публикация в 1905 г. работы З. Фрейда [Фрейд З., 1991]. Фрейд видит происхождение юмора в бессознательном, ибо он (юмор) использует те же приемы, что и сновидение: сгущение, экономию, бессмыслицу. Сгущение перерастает в гиперболу или ситуацию *qui pro quo*, где одинаковые или схожие по звучанию, но разные по смыслу слова взаимозаменяются, когда в форму известной фразы частично вставляется измененное содержание и т.д. Экономия в остроумии выступает как минимализация используемых слов и употребляется в виде метафоры (комичным становится сюжет, когда из фразы изымается «как», «подобно»). Явная бессмыслица выступает как алогичность, деление не по одному основанию и пр. Остроумие, как и сновидение, говорит о наиболее важном, где бессмыслица хранит в себе истину [Фрейд З., 1991, с. 277].

Следующее важное замечание, сделанное Фрейдом, состоит в том, что смех и юмор являются следствием сублимации конфликта: проблема видоизменяется, хотя способами юмора решить ее нельзя, острота конфликта ослабевает, так как проблема подвергается анализу с иных позиций. Участники дистанцируются от острого вопроса, напряженность снижается и, как следствие, наступает релаксация: агрессор удовлетворен и испытывает облегчение.

Позже идеи З. Фрейда получили развитие в трудах К.Г. Юнга, К. Лоренца, А. Дандеса и др. Происхождение смеха как социального явления связано с ранними формами совместной жизни людей. Необходимо сразу же сказать, что смех и его производные – явления человеческие (даже когда мы смеемся над животными, мы переносим на них повадки людей). К. Лоренц, сопоставляя мимику агрессии и смеха, делает вывод, что смех происходит от агрессии. Смех – это измененный угрожающий жест, триумфальный крик животного, он содержит в себе значительную долю агрессии по отношению к предмету осмеяния. Но смех как проявление агрессии несет несколько иную информацию: если триумфальный крик, угрожающий жест или оскал предшествуют бою и демонстрируют готовность вступить в схватку, то, как правило, смех агрессора не ведет к дальнейшему нападению его на жертву. Более того, почти всегда конфликт разрешается мирным путем.

В ситуации юмора агрессия, ему присущая, не тождественна агрессивности, которая реализуется в поведении. Агрессия выступает как акт, связанный с воображаемым отношением, будучи проговоренной, она снимается [Лоренц К., с. 135]. Предмет юмора, источник агрессии, воспринимается участниками коммуникации как зло, противоречие между сущим и должным, но зло ограниченное, преодолимое, подвластное, подконтрольное и в какой-то мере зависимое от участников коммуникации.

Сублимирующая функция юмора осуществляется через коммуникацию. В современной теории юмора именно коммуникативные подходы получили наибольшее распространение [Якобсон Р., 1975]. Высказывание позиционирует *отправителя* (того, кто произносит высказывание), *адресата* (получателя, того, к кому оно обращено) и *референта* (предмет коммуникации). Юмор как разновидность коммуникации выстраивает две идентификационные связи. Одна образуется между отправителем и адресатом: коммуникация возможна только тогда, когда оба они находятся в одном семиотическом поле, т.е. предмет юмора им знаком. Оба (отправитель и адресат) имеют сложившиеся представления о нем. Коммуникация не будет успешной, когда, к примеру, адресат не продемонстрирует ответной (ожидаемой) реакции. Отправитель в своем ожидании того, что адресат поймет предмет юмора, отождествляет себя с ним, он предполагает, что адресат имеет ту же информацию, дает ту же оценку предмету, что и он. Демонстрируя ответную реакцию, адресат подтверждает ожидания отправителя, укрепляя идентификационную связь.

Вторая идентификационная связь: отправитель – референт, адресат – референт. Имеется клише, устоявшийся образ предмета, который через призму ценностей соотносится с уже имеющимся собственным представлением о предмете или явлении у адресата и отправителя. Юмор ставит отправителя и адресата выше предмета шуток, сообщая отправителю статус эксперта. Более того, юмор вызывает чувство ликования у адресата, связанное с тем, что адресат осознал нечто значительное в себе самом. Юмор является разновидностью языковой игры, где и отправитель, и адресат следуют определенным правилам, определяющим свойства предмета и соответствующий способ его интерпретации.

Специализируя предмет исследования на этнических шутках, анекдотах, следует выявить их особенность в разновидностях анекдотов. В коммуникативной ситуации рассказывания этнического анекдота ре-актуализируются стереотипы вне зависимости от того, является это внутренней или внешней историей. Упрощенные образы – схемы восприятия других (часто соседних) этнических групп, обращены к предрассудкам и часто основываются на мифах. Стереотипы существуют продолжительное время и всегда эмоционально окрашены. Выделяют *автостереотипы* – представления и харак-

теристики членов своей этнической группы, и *гетеростереотипы* – образы представителей других этносов.

Не имеет смысла выяснять, насколько правдивы (соответствуют ли чертам национального характера) стереотипы [Дандес А., 2005, с. 137], ибо их действенность не обеспечена объективностью (фактическим соответствием), а только эмоциональными характеристиками, в первую очередь – верой. Рациональные характеристики юмора всегда уступают место по значимости эмоциональному единству, которое создается между рассказчиком и слушающими.

Распознавая Другого – гетеростереотипы

Другая (или другие) этническая группа в подобной межкультурной коммуникации представляется как сущностно иной, как внешний Другой. Диалектика структурирования социальных отношений конструирует образ непостижимого (абсурдного) Другого. Сталкиваясь с загадочным Другим, субъект (или группа субъектов) должен постигнуть, что его вопрос к Другому есть вопрос *бытия* самого Другого. Другой (соседняя этническая группа) выступает как соперник, чье бытие проблемно. Бытие Другого может рассматриваться как источник проблем, и тогда недостижимость Другого в его конкретном наличии – препятствие, не позволяющее субъекту проникнуть к Другому, прямо указывает на то, что этот Другой сам себе проблематичен, он структурирован вокруг некой «неудобоваримой преграды».

Важная характеристика, которая входит в наше бытие вместе с Другим, – это то, что мир нельзя постигнуть как единое целое. Однако само это бессилие непосредственно обладает онтологическим статусом: оно свидетельствует о том, что глобального общества не существует, что оно помечено *радикальной невозможностью* [Рорти Р., 1996, с. 180]. Слияние, как полная ликвидация Другого, онтологически неосуществима.

Спектр восприятия этнической группой Другого очень широк: от мягкой иронии особенностей других этносов до открытого проявления ксенофобии. Это противопоставление неизбежно – оно позволяет четко понять границы этноса, выявить особенности в интерпретациях значимых жизненных феноменов. Через высмеивание недостатков Другого происходит усиление коллективной идентификации: «Мы – нация умная, сильная, ведущая (прогрессивная, или наоборот, традиционная)».

Такой подход трактует этнические анекдоты как разновидность латентных национальных конфликтов в глобализирующемся мире. В контексте этого замечания вспоминается серия сравнительно-соревновательных анекдотов. Представители разных этносов получают одинаковое задание,

но варианты решения предлагают совершенно различные. Выбор вариантов обусловлен примитивными паттернами восприятия нации.

В глобальной перспективе соревновательные анекдоты апеллируют к следующим оппозициям: политическое противостояние (идеология), экономическое противостояние (разные потребности), культурные различия (мотивы и цели деятельности, способы удовлетворения потребностей). Другой несет наиболее яркие черты стереотипизации нации: американцы – любовь к деньгам, французы – «трепетное отношение» к женщинам, японцы – сочетание ума и высоких технологий. Доминантные черты гипертрофированы и практически доведены до абсурда.

Какую позицию занимает герой, представляющий *нашу* нацию? Общим условием всегда является следующее: несмотря на, а в большей степени *благодаря*, своим «негативным характеристикам» «Наш» герой удачлив и остроумен. Он демонстрирует даже некоторый вид патриотизма через актуализацию автостереотипа. Рассмотрим следующий анекдот:

В одном купе едут хохол²⁴ и негр. Собрались обедать. Хохол достает «маленький шматочек» сала. Негр спрашивает: Это что? – Сало. – А чьё? – Свиный! Негр достает огромный кусок замечательного сала (*чем больше «вкусных» прилагательных использует рассказчик, тем лучше*). Хохол спрашивает: Это что? – Сало. – А чьё? – Бегемота! Поели. На десерт хохол достает арбуз. Негр заявляет: А я знаю, это – арбуз! – Не-а, это крыжовник!

Является ли здесь украинец сосредоточием только негативных характеристик? Обманывать – нехорошо, но... можно. Хитрец, Трикстер через обман добывает себе победу в остроумии. Автостереотипизация украинца происходит через маркеры: «сало» (национальное богатство), «бережливый» (вопрос негра подспудно предполагал просьбу угостить его). С позиций стандартной логики – украинец демонстрирует жадность, хитрость, склонность к обману, однако словесное состязание украинец выиграл!

Несомненно, анекдот вербализирует бытие Другого посредством смеховой коммуникации и осуществляет противопоставление наций. Однако посредством нарушения причинно-следственной связи, господствующей в серьезных коммуникациях, представления о правильности действий в анекдотах размываются. Этнический анекдот можно рассматривать как вариант сублимации агрессии, вызванный наличием Другого, но не менее значима его интегративная и маркирующая функция для внутреннего единства группы.

Традиции сохраняют стереотипы из поколения в поколение. Большинство этностереотипов обусловлено не длительностью общения, но посло-

²⁴ При рассказе самим представителем этноса используется термин «украинец».

вицами, поговорками, песнями, которые «на слуху» на протяжении всей жизни. Две группы способны породить разнообразные и взаимосвязанные стереотипы. На примере группы А (этногруппы) мы видим возможные варианты осознания своей позиции и варианты представления о другой группе (В) [Дандес А., 2005]:

$A \rightarrow A$

$A \rightarrow B$

$A \rightarrow Ab$

$A \rightarrow Ba$

Как осуществляется стереотипизация «Мы» во внутригрупповых коммуникациях, мы рассмотрим в следующей главе.

Бережливый или скупой? – Внутригрупповая идентификация

Этническое единство группы может проявляться по-разному. В культурном аспекте консолидация осуществляется в совместном праздновании памятных дат и праздников, изучении преданий и легенд, посредством распространения особенностей местной кухни, в политической сфере – это создание национальных общественных движений и партий, религиозный аспект также может служить мощным аккумулятором национальной идентичности. Все большее значение приобретают национальные социетальные институты, распространение культурных, языковых, хабитуальных особенностей этноса.

Социетальные структуры общества (наличие собственного ТВ-канала или эфирного времени на общенациональном канале, радиопрограмм на родном языке, детских садов, школ или классов, где преподавание ведется на языке этноса, этнических НГО (негосударственные организации), организаций местного самоуправления) институализирует существование нации. Особо следует отметить наличие и функционирование церквей, вписанность национальных и религиозных праздников в сетку общегосударственных торжеств. В качестве высшей формальной позиции выступает закреплённость в тексте Конституции государства роли наций в процессе государственного строительства.

Чрезвычайно важную функцию в способе осознания национальной идентичности играет язык, он выступает способом, техникой воображения национального единства. Осознание национального единства группы реализуется в практике повседневного общения: через обыденные интеракции, коллективные мероприятия и спонтанные коммуникации. Внутриэтнические коммуникации несут яркий оттенок совместной истории, распространенных преданий, легенд, пословиц и поговорок.

Исходя из того деления текстов, которое было предложено нами ранее, мы вновь вернемся к символическим взаимоотношениям с Другим в процессе воображаемой (или реальной) коммуникации. В данной части работы мы хотим уделить особое внимание этническим анекдотам как разновидности повседневной коммуникации с Другим.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале главы о значении этнических анекдотов в культуре, следует отметить, что анекдот, представленный в прессе, обладает совсем иным качеством, чем устный, обретает иной уровень символического капитала (Э. Гидденс), чем в ситуации рассказа внутри узкой группы людей. Доверительность исчезает, текст приобретает статус рассказанного официальным органом (газета обращена ко мнению многих людей). Легитимация текста анекдота идет уже не на личном уровне доверия к рассказчику, анекдот теперь является одним из разделов мега-текста газеты, соответственно, символический капитал газеты распространяется и на него. Публичность и массовость издания меняют технику осуществления анекдота (написанный текст вместо рассказа) и значение его для публики. Значение анекдота в прессе – легитимированный обществом текст. Соответственно, с авторами исследования можно согласиться, что появление этнических анекдотов в прессе (отмечен значительный рост этноанекдотов в региональной прессе России) [Локшина Т., Лукашевский С.] ведет к обострению этнической проблематики.

Фольклорные коммуникации иногда обращаются к тому же материалу, что и идеологические тексты, используя имена национальных героев. Но в значительной мере используют яркие имена универсальных носителей нации: Мойша, Абрам, Сара – в еврейских анекдотах; кума, Петро – в украинских. Часто на первый план выходят исключительно национальные маркеры – украинец (для внешних – хохол), русский (москаль – в соревновательной серии с украинцем), еврей, чукча, француз... Приоритетное позиционирование национальной идентичности в смеховых коммуникациях выявляет амбивалентность этого вида текстов²⁵.

Теоретики фольклорных коммуникаций сталкивались с немалыми проблемами при изучении значения этнического юмора для группы. Широко распространена версия, в которой этнические анекдоты осуществляют противопоставление наций. Нация увеличивает свой символический капитал за счет принижения, высмеивания других наций. Причем эта тенденция проявляется во всех регионах, на всех континентах одинаково. Французы смеются над скупостью немцев, русские над глупостью чукчей, в североамериканском фольклоре объектом насмешек выступают мексиканцы. Аме-

²⁵ Особым материалом для анализа выступают расистские анекдоты, распространенные в США, структурно (да и содержательно) они идентичны этноанекдотам, но выделяются в особую группу.

риканский исследователь А. Зижервельд выявляет несколько универсальных особенностей этнических шуток:

- 1) они выражают глупость этнической группы;
- 2) ее скудость;
- 3) чрезмерную сексуальную активность или, наоборот, импотентность нации.

Эти особенности соответственно дискредитируют символическое значение нации в интеллектуальном, моральном и отчасти физическом плане [анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола].

Какую роль играют анекдоты про нацию, рассказанные самими ее носителями? Розенберг и Шапиро [цит. по: Архипова А.] предложили идею, что таким образом проявляется патологическая нелюбовь к себе, к своей этногруппе. Это своего рода критика, предьявляемая нации ее носителями за слабую ассимилированность в доминантную культуру. Такой подход подчеркивает наличие конфликта внутри нации.

Важное значение для данного исследования имеют не столько анекдоты о соседях, сколько об этнических группах, проживающих на территории многонационального государства. В США существуют анекдоты о поляках, во всех уголках земного шара (Северная и Южная Америка, Евразия, Африка) хорошо известны анекдоты о евреях.

В обоих вариантах анекдотов (об этносах-соседях и о меньшинствах, входящих в нацию), по нашему мнению, в иронической форме подчеркивается *особенность* нации.

Одесса. Стоянка такси. В одну из автомашин заглядывает еврей:

– Скажите, сколько стоит доехать до Дерибасовской?

Таксист: – Пять рублей.

– А если я поеду с Мойшей?

– А мне без разницы - с Мойшей или без Мойши. Все равно пять рублей.

Еврей оборачивается и кричит человеку, стоящему неподалеку:

– Говорил я Вам, Мойша, что Вы ничего не стоите!

Возможность смеяться над собой – удел сильных, оформленных групп, а широкое распространение этнических анекдотов свидетельствует о развитой национальной идентичности [Дандес А., 2005, с. 55]. Группа дистанцирует себя от других этносов. Через воображаемые смеховые ситуации этнос продуцирует неофициальный (в отличие от идеологии) дискурс о своем единстве и осознает особенности. В анекдоте не проявляется императивное «Мы» как в меморандумах, воззваниях и прочих идеологических продуктах, здесь скорее доминирует позиция «Наши». Происходит осознание особенностей этноса и в то же время некое дистанцирование. Анекдот рефлек-

сивен, он оперирует сравнением и иронией, чего никак не может позволить себе идеологический текст.

Усиливают эту позицию следующие наблюдения – замечено, что носителями и распространителями анекдотов про африканцев являются сами африканцы. Еврейский анекдот – хорошо известный феномен иудейской культуры, а в некоторых диаспорах умение рассказывать анекдоты про евреев есть почти оформленный культ, и знатоки и рассказчики благодаря своему таланту вполне активно продвигаются по социальной лестнице.

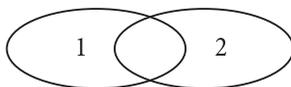
Обратимся к изучению структуры анекдота:

- Сара, вы обладаете даром привлекать мужчин!
- Даром? Даром я мужчин не привлекаю.

Анекдот по своей форме двухчастен. В приведенном примере первое высказывание передает нам информацию двоякого содержания. Compliment обращен к девушке (гендерный аспект), еврейке по национальности (Сара – один из простейших именных маркеров еврейских анекдотов, особый «еврейский акцент», слегка грассирующее «р» добавляет остроты анекдоту).

Ответ Сары (второе высказывание) – это разбиение первой части текста. Дар – полисемантическое понятие, раскрывающееся как «дар – богатство-обладание способностью» (актуально вспомнить часто употребляемую метафору «красота-дар») и «дар – дарить – безвозмездно – бесплатно». Итоговый (комплексный) смысл анекдота состоит в двойной позиционности (нация + гендер). Сара, как представительница еврейского народа, прежде всего остального ставит выгоду (ничего не бесплатно!). Второй момент – речь произнесенная или прописанная, всегда была прерогативой мужской активности. Глубинный подтекст мужского дискурса о женщинах часто содержит обвинения в измене (продажности).

В работе «Об анекдоте как о типе текста» [Кожина А., 2002, с. 163] автор утверждает, что механизм противопоставления скриптов можно представить уравнением, лежащим в основе решения задачи: «Уравнение имеет определенную структуру, в нем есть постоянные – в данном случае это человеческие качества или способы поведения, а также переменные – именованные представители определенных национальностей». Уравнение имеет определенную структуру, в анекдоте всегда мы видим резкое, мгновенное сопоставление двух позиционностей: первая часть последовательна, основательна и догматически обоснованна. Вторая часть есть смысловое «разбивание» первой:

Первичная идеологема расслаивается, путем опрокидывания внедряются совершенно иные смысловые структуры [Делез Ж., 2000, с. 116–122]. Таким образом, анекдот коннотирует более, чем с одной реальностью. Образуется *смысловая складка*, которая порождает новый, самостоятельный смысл.

Коммуникативные ситуации обуславливают и формируют восприятие индивидов, как самих себя, так и группы в целом. Юмор (анекдот, в частности) – это разновидность коммуникации, соответственно она имеет ту же структуру, что и любой коммуникативный акт. Рассматривая модель Р. Якобсона, мы можем выделить те функции, которые в юмористической коммуникации приобретают первоочередное значение. Так, из всех функций [Якобсон Р., 1975] значимыми становятся поэтическая, эмотивная и фатическая функции.

Особенное внимание следует уделить телесности анекдота: тело говорит жестами рассказчика, его повадками или интонацией. Так, серия еврейских анекдотов часто предполагает «картавость» рассказчика, где «Сара» произносится как «Сага», «Абрам» как «Аабгаам» и т.д. Не только форма сообщения-анекдота, но также и содержание часто обыгрывают телесность. Слово «хохол» в большинстве случаев вызывало ассоциации с шароварами, вышиванкой, салом, слово «русский» в большинстве случаев у респондентов ассоциировалось с водкой, «японец» – кимоно, узкие глаза. Нередки упоминания и определенных маркерных этнических характеристик: пейсы у еврея, «хохол та вуса» – у украинца. Тело Другого заявляет об инаковости в первую очередь, далее следует еда и в заключение, только при длительном межэтническом общении, становятся ясны стереотипизированные модели поведения. Однако вернемся к функциям анекдота.

Поэтическая функция делает акцент на форме сообщения, здесь важны краткость (юмор, так же как и сновидение, активно использует принцип экономии [Фрейд З., 1991]), яркость и замещение. Эмотивная функция подчеркивает значимость предмета обсуждения для говорящего. Этнические анекдоты рассказываются в особой обстановке, в которой рассказчик предполагает, что всеми адресатами информация будет интерпретирована в «правильном» смысле. Фатическая функция заключается в поддержании контакта с адресатами.

При обращении анекдотов в коммуникативных средах особое внимание уделяется технологии рассказа: кто, кому, как, где, используя какие понятия. «Украинец» и «хохол» (один из главных героев серии славянских анек-

дотов) меняются местами в зависимости от того, рассказывается анекдот в группе украинцев или в иной этногруппе. Смеховые коммуникации создают не только информационное единство, но и эмоциональное. Очень важно, как, кем и при каких обстоятельствах рассказан анекдот. С. Шишков в работе «Абсурдный анекдот в культуре» подчеркивает: «Анекдот всегда является историей, рассказываемой конфиденциально, принципиальным условием выступает определенного рода понимание между людьми... Рассказывание анекдота предполагает снятие дистанции между людьми» [Шишков С., 2003, с. 139–147].

Устная характеристика анекдота дает много возможностей для интерпретаций рассказчику. Каждый раз в ином изложении анекдот со-творяется, тем самым креационизм рассказчика и слушающего здесь выступает как важный феномен познания мира. Эпистемология анекдота состоит в совместном переоткрывании реальности.

Этнический анекдот как вариант автостереотипа осуществляет *о-сознание* группы через сравнение и сопоставление с другими группами, это скорее не категорическое «Мы», чем рефлексивное «Наши». Посредством дистанцирования группа формирует представление о своих символических границах в глобальном культурном поле, а ирония позволяет сглаживать существующие внешние и внутренние противоречия. Маркирование единства нации, осуществляемое в обыденных коммуникациях посредством рассказывания анекдотов на этническую тему, не менее важно, чем декларативная активность национально-политических организаций.

Процесс конституирования политической нации и социальный капитал в Украине

Активность политической элиты и интеллектуалов в сфере демократического государственного строительства сталкивается с множеством трудностей. Первая трудность – какую демократическую модель выбрать? Разность в моделях демократии за более чем двухсотлетнюю историю модерна позволяет выделять несколько базовых моделей: либеральную (неолиберальную), консервативную и социал-демократическую модели, каждая из которых имеет собственную историю и специфические воплощения в странах и на континентах. Национальная и цивилизационная специфика существенным образом деформирует образ(ец) демократии.

Вторая немаловажная трудность – как отвечать на вызовы глобализации и соотношение новых моделей интенсификации в сфере коммуникаций, бизнеса, социальности с традиционным национальным единством страны.

И, наконец, центральный вопрос, который тревожит умы многих интеллектуалов сегодня: есть ли нация? Другими словами, можно ли вычленить совокупность людей, отличающихся от других стереотипами, моделями поведения и более объективными характеристиками. Модернистский подход в строительстве государства базируется на вере в объективное существование нации как совокупности базовых констант: кровь (этническое родство), земля (традиционное владение территорией) и вера (религиозное единство). Однако утверждать о целостности каждой из трех базовых составляющих на современном этапе очень сложно.

Во-первых, этапы ассимиляции, миграции этносов и полиэтническая мозаика современных государств не позволяют выделять этнос как целостность в привязке к земле. Территория так часто меняла государственную идентичность, что проследить и выявить коренной народ, проживавший на тех или иных пространствах, не столько сложно, сколько бесперспективно. Факты перво-принадлежности земли могут дать прямо противоположные результаты (к примеру, если фокусировать свое внимание на принадлежности ряда крымских колоний генуэзцам и т.д.). Отцы-основатели американской нации ликвидировали эту привязку самым решительным образом. Нация – государственная, основные идентификационные связи выстраиваются к институтам и ценностям демократии.

Во-вторых, большая проблема коренится в понимании этноса как монолитной группы. Наиболее близким нам примером может служить внутренняя немонолитность такого внешне консолидированного этноса, как крымские татары. Внутри этноса до сих пор не утратила значения сегрегация на южнобережных, горных и степных татар. Хотя при внешних вызовах этнос предстает как монолитный. В этом аспекте знаменательным является соотношение диаспоры и нации. Диаспора может маркировать себя как носителя истинных ценностей, но тем не менее этнос, имеющий государственный статус, будет воспринимать ее как отдельную группу. Интересные политические движения происходят в современной России.

Воссоздавая имперскую идеологическую доктрину на новой модернизационной базе, Российская Федерация четко действует по схеме выделения внутренних и внешних периферий. Значительная часть российских интеллектуалов осуждает подобные тенденции, однако нельзя не признать, что на уровне обыденных коммуникаций уровень гордости за принадлежность к нации вырос. Встает вопрос, к какой именно нации: русских (этнический признак) или россиян (гражданство)? В данном контексте становится понятен тезис о внутренних и внешних перифериях России. Мультикультурные принципы работают слабо, а идеи доминантной нации вызвали мощную волну ксенофобских настроений.

Аспект веры входит в прямое противоречие с любой демократической моделью. Демократия позиционирует себя в первую очередь как светское государство. Попытка создать религию государственного образца (поместная церковь) наталкивается на сопротивление как в среде верующих данной конфессии, так и в среде представителей других конфессий (в связи с неравным финансированием), и в среде атеистов.

Говоря о национальном строительстве, нельзя игнорировать тот огромный эмоциональный импульс, который охватывает все группы населения и их политических представителей в дебатах о принципах конструирования нации. Попытки удалить аффективность из сферы обсуждения национального вопроса всегда являются безуспешными. В свою очередь выявить и примирить различные (порой прямо противоположные) политические пристрастия, оказывается, очень трудно. Эмоции и страсти сопровождают политический процесс национализма любой страны. Рефлексия процесса национального строительства пытается скрыть эмоциональные всплески за сухими цитатами из статистики и публицистики, однако фактор эмоционального накала и движения воле индивидуальных и коллективных акторов игнорировать (пускать на самотек) опасно.

Отправной точкой для пересмотра оснований национального строительства, заложенных в XVIII в., является произведение Э. Геллнера «Нации и национализм» [Геллнер Э., 1996]. Сопоставляя возникновение национализма и становления индустриальной эры, ученый делает особый акцент на моменте слияния культуры и государства. Именно подобный союз способствует возникновению национализма. В традиционном социальном строе (базирующемся на низкой культуре), который далек от оформленности национальной идеологии, языки обрядов, кухни, церкви, посева и мастерской образуют автономные образования [Геллнер Э., 1996, с. 39]. Развитая («высокая» по определению автора) культура характеризуется единым языком, а не множеством диалектов, возможностью социальной мобильности (в том числе и в профессиональной сфере) и развитыми коммуникативно-управленческими сетями. Высокая культура является необходимым условием для возникновения и распространения национальных идей. Дисциплинарии власти выходят на иной уровень по сравнению с традиционной культурой. Лишняя индивидов множества лакунных идентификаций (родовых, сословных, территориальных, религиозных, диалектных, профессиональных), новые дисциплинарии представляют неравновесную по значимости, но сильную, концентрированную идею национального строительства²⁶.

²⁶ Прекрасной иллюстрацией справедливости идей и одновременно чувства юмора Геллнера является пассаж о выдуманной нации руританцев [Геллнер Э. 1991 г. С. 132–140].

Вера в силу нации сводит себе в качестве своеобразного спектра религиозную веру, гео- и этноидентичности.

Национальная идея, рожденная в эпоху становления индустриального общества, черпает свои основания *не в объективной реальности нации, а наоборот, создает нацию*. Геллнер пишет: «Мертвые языки могут быть возрождены, традиции изобретены, мифическая чистота восстановлена» [3, с. 126]. Тем самым ученый сознательно отказывается от примордиалистской концепции государства-нации и его объективного основания в характеристике «народ». Продолжает эту идею и доводит ее до логической завершенности Б. Андерсон [Андерсон Б., 2001]. Виртуальная конструкция сообщества (community) создает ощущение нехватки, отсутствия и дискомфорта существования. Анти-бытийственность (нехватка) нации порождает мощное движение за право реализации бытия новой легитимированной общности.

Историческая реконструкция весьма вольно интерпретирует факты в зависимости от господствующей вариации национальной идеи. Кому же принадлежит первостепенная роль в поиске национальной идеи? По мнению Геллнера и Андерсона, в первую очередь выделяются работники умственного труда: историки, философы, учителя.

С этой позиции примечательно было наблюдать за бурными страстями, которые окружают поиск украинской национальной идеи. Польская исследовательница Оля Гнатюк [Гнатюк О., 2005] подробно проиллюстрировала этапы развития и различные веяния в сфере поиска национальной идеи в новой истории Украины. Политологи, философы, эссеисты, поэты, имеющие различную степень влияния на политическую власть, все излагали свое видение «концепции Украины». Интересно, что генеалогия этого процесса сильно обусловлена политическими веяниями и пристрастиями и не была никоим образом резюмирована ни теоретиками, ни практиками национального строительства. Широкого хождения «в народ» ни одна из приведенных идей не получила²⁷.

Но каков путь от умозрительных конструктов горстки интеллектуалов до формирования новой сильной идентичности, способной объединить нацию? В первую очередь, через язык и сеть социетальных коммуникаций. Детские сады, школы, университеты, церкви, больницы и суды – организационные структуры, которые последовательно осуществляют политическую и культурную социализацию индивида. Канадский ученый В. Кимличка [Кимличка В., 2001] свидетельствует, что изменение национальной идентификации возможно в течение одного поколения (30 лет), если социетальные институты перешли на официальный язык.

²⁷ Исключением может считаться идея М. Рябчука о «двух Украинах», получившая широкое освещение в периодической печати.

Интересным представляется самобытный мультикультурализм Канады. Вплоть до 60-х гг. XX в. на территории Квебека сферы здравоохранения и образования находились под приоритетным влиянием католической церкви. Как только указанные сферы отошли в светское управление, коммуникации внутри них стали осуществляться на английском языке, а церкви стали пустеть – обнаружилась реальная угроза утраты французского языка, и, как следствие, специфической идентичности квебекуа. Активно стали возникать франкоязычные политические движения за независимость, деятельность которых во многом увенчалась успехом в 1980-х гг. Модель, предложенная Канадой, демонстрирует новую либеральную модель децентрализации и усиления независимости региона при первоначальной англоязычной доминанте.

Другим проектом, который с трудом можно назвать либеральным, является ближневосточная конструкция, – в современном геополитическом раскладе Израиль выделяется своей спецификой. Государство Израиль является результатом рефлексии ряда интеллектуалов над политическими событиями эпохи Просвещения и национально-освободительных течений XIX в. Это, пожалуй, самый позитивистский проект современности. Конструктивизм Израиля проявляется в конвенциональном геополитическом принципе возникновения государства в современном его виде в 1949 г. и предварительной дистанцированной коммуникативной конструктивности еврейских интеллектуалов всего мира. Другими словами, идея возвращения на землю обетованную (сионизм), возникшая раньше, чем появилась реальная возможность для таких практик, плюс воля лидеров стран-победительниц Второй мировой войны оформила новую государственную модель. В большинстве случаев других государств процесс нациостроительства может рассматриваться как процесс эмансипации нации из действующего государственного устройства, здесь же мы видим реализацию *a posteriori*.

Монополия этноса на национальное строительство всегда была центральной позицией в руководстве Израиля. Даже классические национальные государства XVIII в. не могли претендовать на подобную тотальность этноса в осуществлении государственности. Израиль по этническому составу является, пожалуй, самым гомогенным государством в мире. Вера, кровь, земля, а позднее и новый язык (иврит стал общим разговорным и письменным языком для евреев, выходцев из различных частей мира, только в XX в.) объединены были в своеобразном культурно-политическом проекте под названием «сионизм».

Современное израильское общество и диаспоры евреев по всему миру разделены на два лагеря: тех, кто поддерживают сионистские настроения, и их противников. Звучит довольно странно, но среди евреев немало антисионистов. Канадский ученый Я. Рабкин последовательно раскрывает причины

этого конфликта и критикует (будучи сам антиссионистом) узкую державность движения. Претензия на территориальную монополию, дистанцирование от исламской культуры Востока приводят, по мнению автора, к обостренным формам ближневосточного конфликта. «Проект Израиль» и сионизм – это более духовное, чем державное течение, которое не должно лежать в основе государственного строительства. Изоляционизм Израиля на Ближнем Востоке связан с культурными, экономическими, религиозными и политическими причинами. Политика Израиля (как правило, жесткого сионистского толка) нарочито подчеркивает свою особенность. Один из характерных показателей данной позиции в культурном плане проявляется в том, что жители Израиля прекрасно знают европейские языки, но почти утратили знание языков ближайших соседей. Это не способствует упрощению коммуникации между израильянами и их соседями.

Опыт Израиля, как позитивный, так и негативный, должен учитываться идеологами новых национализмов. Политика изоляционизма (особенности-избранности) обусловлена, скорее, не этническими, но религиозными (мессианскими) претензиями. Современные глобальные перспективы сотрудничества предполагают, что коммуникативная успешность нового государства в локусе региона будет низкой, если нация формируется «от противного» (через противопоставление соседям).

Более близкой и по времени, и по месторасположению представляется польская модель. Здислав Краснодембски [Краснодембски З., 2005] анализирует идеологический конструкт, доминирующий в Польше с ранних девяностых годов по настоящее время. В нациостроительстве польские реформаторы были гораздо более последовательны и единодушны, чем украинские. И тем не менее посттранзитное состояние современной Польши, счастливо завершившей переход от социалистической модели к демократической, не менее проблемно, чем любой из стран постсоветского пространства. По мнению автора, заблуждение демократов Польши проявлялось в господстве веры в то, «что уже все давно решено и нужно только воплотить в жизнь готовую схему либерализма» [Краснодембски З., 2005, с. 229]. Перенимая модель либеральной демократии американского варианта, польские интеллектуалы сформировали вариант «периферийной идентичности». Деструктивной эту идентичность можно назвать в силу того, что она построена на принципе подражательства, а как известно, копия не может быть лучше оригинала.

Не вызывает сомнения, что постмодернистская модель в виде конструктивистского подхода сегодня востребована в большей степени для построения нации, чем идея примордиализма, базирующаяся на утверждении объективного существования этноса-нации. С 2004 г. национальное строительство в Украине вышло на стадию обостренного поиска общего семиозиса.

Осознавая свою цель в консолидации украинского общества, Президент Ющенко опробовал несколько различных моделей: «западная – либеральная» в политической сфере (в попытке представить европейский выбор Украины, как единственно верный), проект «поместная церковь» – в сфере религиозной духовности, сейчас наиболее значимым проектом является проект «голодомор – геноцид украинского народа». Интерес к этой конструкции состоит во временной удаленности ее от текущих проблем Украины и в четкости образов «жертвы» и «палача». «Украинский народ – жертва» – сильный, но негативный коннотат. Данный семиотический конструкт базируется на четком маркировании образа врага. Эта позиция может усилить и без того сильные разбегающиеся модели смыслов в Украине. Для Западной Украины голодомор не был так актуален по последствиям (напомним, это еще не была территория Советского Союза), но сегодня эта тема интересна как вариант пересмотра советской истории. Для Восточной Украины – это страшная реальность прошлого, но есть стойкое нежелание пересматривать историю, чтобы не ухудшить отношения с Россией.

Удивительно, но в момент построения новых национальных смысловых блоков не появляются анекдоты, обращенные к этнической тематике. Возможно, объяснение этому лежит в изменении модели речевых практик, усилении влияния электронных СМИ, которые занимают все более значительную нишу в процессе обмена информацией. Но также можно сказать, что национальные конструкты политической элиты не находят поддержки на уровне повседневности. В поисках «отсутствующего Другого» национальное строительство пребывает в затянувшейся стагнации.

Практика совместной межэтнической деятельности по улучшению локуса – это есть попытка уменьшения культурной дистанции с Другим через пракис, конкретную деятельность, направленную на улучшение среды обитания. Возможно ли в новообразовавшемся полиэтническом сообществе выработать навык (устойчивую модель поведения) доверия к Другому? Нам представляется это возможным через совместную активность, а не диалоги о толерантности [Довгополова О., 2007].

Прежде чем мы подведем итоги первого раздела исследования, следует ответить на основной вопрос этой части исследования: возможно ли осуществлять управляемую активность по выработке социального капитала межэтнических сообществ?

При ответе на вопрос стоит учитывать следующие факторы. Проблема состоит также в следующем: политические партии, действующие эгоистично в борьбе за электорат, разрушают совместную межэтническую активность в поле хозяйственной сферы (и выработанный социальный капитал) конфронтационной демагогией и проведением маркеров по политико-этническому принципу. Сегодня нет партии в Крыму, которая

бы продемонстрировала равное представительство в своих рядах этнических групп, как ни странно, именно такой объединяющей силой несколько лет назад была пропрезидентская партия (ЗаЕдУ).

Также в силу вступают глобальные тренды: всепроникающая сила масс-медиа (трансляция национальных украинских каналов в крымских селах затруднена, все, кто имеют возможность поставить спутниковую антенну, выбирают российские каналы (в силу вступают слабая конкурентоспособность украинских каналов, отсутствие контрактов на спутниковое вещание)). Таким образом, новостийный ряд в Крыму поступает из русских каналов, и в личных беседах респонденты сообщали о происходящем в России, как о происходящем «у нас». «Повестка дня», включающая события в Крыму, выстраивается русскими каналами. Э. Гидденс подчеркивает, что нации и национальные силы остались по-прежнему крайне влиятельными, но дефицит демократии возникает из-за растущей пропасти между национальными силами и глобальными тенденциями, которые влияют на жизнь граждан [Гидденс Е., 2004, с. 60].

2004-й год многими учеными назван украинским политическим модерном, когда значительные группы населения в Украине поверили в возможность влияния широких масс на процесс принятия политического решения. Поверили и осуществили. Примордиальность политики стала не только очевидной, но и рукотворной для миллионов украинцев в сентябре – декабре 2004 г. Обращение к субстанциальности политического обернулось жестоким возвращением к постмодернистскому состоянию в 2005–2007 гг. Перевыборы 2007 г. завершают коловрат на точке торжествующих симуляций политического. Активность основных игроков политических состязаний накануне перевыборов (партий, представленных в парламенте, президента, кабинета министров, губернаторов) свидетельствует о брутальной бутафорности политического. Политика стала игрой брендов, что подтверждает появление таких блоков, как «Блок Верки Сердючки», «Блок Кучма». Более того, политическое поведение граждан свидетельствует о равнодушном принятии этой бутафорности и растущем отчуждении от политических процессов [«Духи» Конституции», 2007]. Политика вновь стала экранной, далекой от реальной жизни.

В конце 2007 г., несмотря на ряд внешних высоких признаний²⁸, легитимность украинской политики в глубинном доверии институтам остается чрезвычайно низкой. 20 сентября 2007 г. центр Разумкова оприлюднил некоторые данные последних социологических исследований. Исследователям особенно интересно пронаблюдать динамику доверия основным политическим институтам в сравнении с 2005 г. На вопрос «Как Вы считаете, события

²⁸ Например, по мнению экспертной службы Freedom House, в 2006 г. Украина вошла в число демократических стран.

в Украине развиваются в правильном направлении?» в феврале 2005 г. ответили позитивно 50,7% респондентов, в сентябре 2007 г. – только 15,2%. Вопросы о поддержке ветвей власти также демонстрируют девальвацию народного доверия более чем в три раза [Думка громадян України про владу, політиків, політичну та виборчу систему в країні», 2007], а доверие к Верховной Раде снизилось с 28% в феврале 2005 г. до 5,3% в сентябре 2007 г., то есть более чем в пять раз! «Наша политика» в представлении людей опять стала «политикой Другого(их)».

Стоит ли сегодня искать основы солидарности гражданского общества Украины в политических институтах, партиях и движениях? В данном разделе предлагается взглянуть на процесс формирования солидарности малых этнорелигиозных групп не через призму политических процессов, а через призму социальных инициатив граждан.

Оформление тесной связи труда и солидарности наиболее наглядно было осуществлено в работах М. Вебера, в конце XX в. к этой проблеме обратились Р. Патнэм, Ф. Фукуяма и А. Селигмен [Фукуяма Ф., 2001; Селигмен А., 2002].

Базовой теорией исследования для измерения социальной солидарности малых групп в Крыму стала теория социального капитала в интерпретации Дж. Коулмана [Coleman, 2000]. Первоначальным условием развития этого теоретического направления является использование экономических принципов рационального поведения в анализе социальных систем. Для этого подхода характерно изучение акторов как лиц, принимающих самостоятельные решения и действующих независимо, руководствуясь собственными интересами. Стоит отдельно определить, что в ходе нашего исследования мы изучали индивидуальных и коллективных акторов. Связь внутри коллективных акторов создает социальный капитал и увеличивает общую полезность непропорционально больше, чем действия индивидуальных акторов.

Главная цель акторов, согласно теории социального капитала, состоит в максимизации выгоды и формировании стратегии последовательности действий, увеличивающих полезность. Важным условием адекватного применения теории является положение, что каждый актор контролирует определенную часть ресурсов и заинтересован в увеличении контроля над более широким кругом ресурсов и событий. Таким образом, можно сказать, что социальный капитал – это объем ресурсов, доступный актору, социальные связи и доверие, испытываемое к нему.

Социальный капитал определяется своими функциями, в основании которых лежат принципы экономии затрат и совмещения разных социальных структур. Иными словами, актор, обладающий большим социальным капиталом, «вхож» в разные социальные структуры и посредством на-

лаженных связей в разных структурах экономит затраты ресурсов (время, деньги и пр.). Специфика этого вида капитала состоит в том, что он проявляется только во взаимоотношениях акторов. Как и другие типы капиталов, социальный капитал продуктивен.

Важным условием коллективного действия в теории социального капитала выступает взаимопомощь и взаимная выгода. Когда группа обращается за помощью к другим институтам или акторам, она (группа) принимает некоторое обязательство, выгодное другой стороне, участвующей в заключении договора. Своей просьбой (обращением) группа вносит вклад в «фонд обязательств социального капитала», которым можно будет воспользоваться кредиторам в случае необходимости. Актор-кредитор, решающий, доверять группе или нет, делает это исходя из затрат и выгод, которые он будет нести и получит в перспективе.

Выводы. Формирование солидарности в условиях полиэтничности Украины

Условием формирования солидарности является наличие доверия между акторами. В политическом аспекте доверие реализуется как легитимность институтов государства, однако чуть выше мы констатировали утрату доверия и растущую отчужденность политики. В социальной перспективе можно говорить о социальном доверии и выработке совместных новых идентичностей групп граждан. Особенно проблема социального доверия актуальна в мультиэтнических, многоконфессиональных обществах. Взаимное доверие людей локуса фундирует солидарность, которую, в свою очередь, мы можем представить как совместное пролонгированное действие на основе (устного или письменного) коллективного договора. По мнению Р. Рорти [Рорти Р., 1996], солидарность является «мы-интенцией», условием признания в Другом общего с нами. Если перейти с философского и политического уровня на уровень социальных взаимодействий, то можно констатировать, что социальная солидарность граждан имеет своей целью упорядочивание локуса (формирование комфортных условий проживания), а «мы-интенция» позволяет расширять круг взаимодействий, вовлекая представителей разных групп в процесс совместной активности по преодолению конкретных бытовых и социальных проблем.

Следует отметить, что преодоление барьеров для расширения межгрупповой солидарности возможно не только через их (барьеров) уничтожение, а через выстраивание *новых* работающих моделей солидарности. Данное замечание чрезвычайно важно для полиэтничных обществ, крымские реалии демонстрируют нам постоянные столкновения этнических идентичностей и слабое осознание совместного локального регионализма. Казалось

бы, региональная идентичность Крыма ярко выражена в географическом, историческом и культурном аспектах, однако отсутствует взаимное признание этнических групп, которые вправе именоваться «крымчанами». Иначе говоря, крымские татары идентифицируют себя и как «крымских татар», и как «жителей Крыма, крымчан», отказывая в последнем представителям других этносов (за исключением караимов, крымчаков и греков). Такая же картина наблюдается и в результатах опросов других этносов.

Предложенная выше модель трудовой локальной социальной солидарности не решает полностью проблему взаимного признания, но способствует переносу вопроса солидарности из плоскости политического в плоскость социального. Новая (*социальная, локальная*) солидарность не отменяет предыдущие, она заполняет пустующую нишу социальной занятости, совместной ответственности, создавая новую идентичность внутри региона.

Наличие социального конфликта с Другим является важным условием оформления национальной государственной идентичности. Другой выступает как отчуждаемый в оформлении внутренней модели социальных групповых отношений, реализуется в фигуре Трикстера, который знаменует прощание с прошлой эпохой и начало новой, возникает как внешний Чужой, Враг, претендующий на что-то значимое в Моем существовании (конструирование внешних угроз и рефлексивная стадия). Другой проявляется в коммуникативных действиях и текстах, сопровождающих этапы национального строительства. Причем часто Другой выступает как рефрен (предмет коммуникации) и одновременно как адресат (получатель сообщения). В таких сообщениях осуществляется легитимация или встраивание Другого в Мою устоявшуюся картину мира. Через последовательность коммуникаций Другой сбалансированно занимает определенную социальную нишу для выполнения отведенной в обществе роли. Конфликтность Другого потенциально высока и носит волновой характер, его угроза будет существовать всегда на протяжении существования группы.

При всей необходимости присутствия Другого в процессе формирования политической нации, есть основания считать, что интенсивное развитие полиэтнических групп, усиление коммуникативных полей социальной составляющей гражданского общества будут способствовать обретению солидарности в общеукраинском масштабе.

**РАЗДЕЛ 2.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
КОНСТРУИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЕ
(Е. Грицай)**

ЧАСТЬ 1. УКРАИНСКИЙ ПРОЕКТ: ПОИСКИ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

К постановке проблемы.

Нации и национализм в эпоху глобализации

Самоопределение постсоветских наций происходит в условиях глобализации, в ситуации отмирания наций в их классическом виде. Современный мир тяготеет к регионализации, которая имеет два полюса – регионы как межгосударственные союзы и регионы как подчиненные внутригосударственные территориальные объединения, выступающие в качестве относительно самостоятельных политических акторов. Лозунг построения национальных государств при тенденциях к регионализации вполне приемлем в качестве промежуточного, но, будучи представленным в качестве стратегического приоритета, на определенном этапе превращается в сдерживающий развитие фактор. Национальное строительство сегодня не может быть таким же, каким было несколько столетий назад – в условиях экономики свободной конкуренции, и даже столетие назад – в условиях прогрессирующей монополизации и предела мирового рынка.

К моменту распада социалистического лагеря роль и даже частично суть наций изменились кардинально, и снятие противостояния двух мировых систем катализировало процесс перерождения. В то же время в формировании национальных идей и приоритетов на постсоциалистическом пространстве «в работе» оказались традиционные категории национализма. Таким образом, постсоветские страны «опоздали» с национальным строительством объективно, во-первых, и, во-вторых, стали самоопределяться в категориях, которые сегодня можно считать устаревшими.

Запоздалость в формировании постсоветских наций выражается, прежде всего, в изначальной зависимости провозглашенных независимыми государств от геополитической ситуации, которая образованию данных наций предшествовала и которая задает направление их развитию чуть ли не в большей степени, чем их внутренняя ситуация. Стратегии национального развития конструируются на базе идеи главенства национального, тогда как совершенно очевидно фактическое отсутствие реального выбора того, что называют «национальным проектом». Именно в силу отсутствия выбора в ситуации уже распределенных и закрепленных геополитических ролей национальные проекты оказываются конструируемыми на базе идеологических абстрактов – так называемых национальных идей, которые часто, вопреки логике, предшествуют прояснению национальных интересов и даже доминируют над ними.

Понятие нации, с одной стороны, применяется к реально существующей группе людей, населению определенной страны, в некоторых случаях и к нации без своего государства. С другой стороны, реальность сообщества под названием «нация» относительна – «воображаемое политическое сообщество – воображаемое в обоих смыслах» по словам Б. Андерсона [Anderson B., 1983]. Идея первичности идеологии в процессе построения нации – базовая в «Воображаемых сообществах» Б. Андерсона – разделяется многими исследователями. Поскольку конструирование нации предполагает образ, «набрасываемый» идеологами, национальная идентификация, точнее, набор ее основных принципов, возникает (создается) раньше, чем сама нация как сообщество людей, таким образом себя идентифицирующих. Кроме того, конструирование нации требует идентификационных приемов, определенного мифотворчества, что удобнее делать на основании и посредством героизирования общего исторического прошлого, то есть привлекая этническое своеобразие как созидующий нацию фактор.

К примеру, Э. Геллнер пишет: «Национализм – это не пробуждение нации к ее самосознанию; он открывает нацию там, где она не существовала... Кедорье настаивает, что национализм сам по себе является “измышленной доктриной”»²⁹ [Gellner, 1983, p. 29]. Идея Геллнера состоит в том, что национализм – это первичный политический принцип национального единства, что нации порождены национализмом, и связан этот процесс с индустриальной революцией и урбанизацией, с необходимостью создания единой идентичности для людей, происходящих из разных социальных групп и объединенных в настоящем условиями городской жизни и труда. Единая культура для рабочих, в том числе язык, общая история, были, с точки зре-

²⁹ «Nationalism is no the awakening of nations to self-consciousness; it invents nations where they do not exist... in the same vein Kedourie argues that nationalism itself is an “inventing doctrine”» [цит. по: Smith, Anthony D., 1991, с. 168].

ния Геллнера, условием создания общей идентичности, с тем чтобы мотивировать рабочих трудиться не только для собственного блага, но также и для общности, частью которой они себя бы считали.

Вывод о первичной роли идеологии в построении нации позволяет Геллнеру настаивать на решающем значении субъективной составляющей национальной принадлежности: «Два человека являются представителями одной нации, если и только если они разделяют одну культуру... если они признают друг друга в качестве принадлежащих к одной нации»³⁰ [Gellner, с. 30].

К. Колхаун еще более категоричен, утверждая, что нация – это не более чем производная от национализма и что национализм – это дискурсивная формация, предоставляющая коллективные формы риторики различных движений и политических практик. Колхаун называет национализм формой риторик [Calhoun С., 1997], то есть считает нации представленными в первую очередь дискурсивно. Как следствие, множественность дискурсов задает множественность презентаций национального, множественность национального как такового в пределах отдельной нации. Отдельная нация предстает внутри себя множественной в силу множественности политических проектов ее развития, то есть множественности дискурсов. Усложняется дело тем, что сами дискурсы имеют тенденцию происходить не из понимания политиками интересов страны и нации, а из попыток угадать настроения электората, так что образ национального неизбежно оказывается конъюнктурным. Легкость манипуляций с категориями национального, возможность практически любой ставки в ситуации обостренной социальной стратификации (какую идею ни предложишь – она «найдет своего покупателя») делают национальный вопрос удобным для манипулирования. Тем более что история национализма долга и разнопланова, и даже само понятие его постоянно меняется и обрастает новыми, да и старыми, смыслами.

Национализм формируется в интеллектуальной сфере, считает М. Хроч, питаясь больше теорией, чем практикой, и только потом «спускается» «в народ». Три фазы развития национализма включают интерес исследователей, ученых (1), патриотическую агитацию (2) и только потом подъем массового национального движения (3) [Hroch M., 1985]. Однако эта схема может быть и не закончена, то есть национальные идеи, порожденные интеллектуалами нации, могут и не стать таковыми.

«Национализм» – понятие с довольно широким содержанием. Его можно предложить как термин, описывающий радикальную непримиримую позицию, а можно как термин умеренного и либерального самопозиционирования. Легитимизировав термин благодаря популярности одного из

³⁰ «Two men are of the same nation if and only if they share the same culture... if they recognize each other as belonging to the same nation» [Gellner, E., 1989, p. 7].

его значений, авторы «проекта внедрения» получают возможность легитимизировать и другой смысл, постепенно расширяя и в конечном счете вовсе изменяя содержание понятия – именно так работает логика (а точнее, логические ошибки) на пользу политике.

Несмотря на устойчивость и, казалось бы, проясненность европейского национализма, не только страны бывшего социалистического лагеря, но также и страны Запада столкнулись в последние десятилетия со сложностями в национальном вопросе в связи с изменяющимися принципами организации мирового порядка – в частности, с активизацией национализма. Нации Европы с их устоявшейся веками государственностью и отрегулированностью политических и социальных институтов, с образованием Евросоюза оказались в новой для них ситуации. Наличие одновременно собственных государственных структур и структур ЕС, необходимость принять общеевропейскую конституцию и сформировать единые институты, внедрение единой валюты на территории ЕС – эти и другие факторы актуализировали национальный вопрос в Европе. М. Гибернау в своей книге «Нации без государств» говорит об активизации национализма в Европе, называя прежде всего Каталонию, Шотландию, Квебек, страну Басков и Фландрию. В качестве причин Гибернау указывает несколько факторов: распад Советского Союза и вспышку национальных чувств на некоторых его территориях (Балтийский регион, Грузия, Чечня), возрастание роли транснациональных институтов, прежде всего Европейского Союза, прессинг глобализации, достигающей наиудаленнейших уголков планеты, разрушение национальных границ в силу усиления роли транснациональных корпораций [Guibernau M., 1999]. То же можно сказать о других регионах мира, особенно принимая во внимание возрастающую роль наднациональных образований, таких, к примеру, как тот же ЕС, ООН, НАТО, и других ведущих акторов международной политики, роль которых все чаще оказывается более значительной, чем роль национальных государств.

Необходимость найти пути согласования интересов отдельных стран и наций с интересами регионов – как межгосударственных конгломератов, так и внутригосударственных акторов – предлагает национализму новые вызовы, и новый национализм часто оказывается в конфронтации с национальной государственностью. Углубляющаяся демократизация процессов в сфере самоутверждения наций в качестве самостоятельных и единых акторов и одновременно наступление на демократию с требованиями отделения от уже государственно оформленной нации демонстрируют неудовлетворительность устаревших категорий политического анализа даже для описания, не говоря об анализе политических реалий нового тысячелетия. Дефиниции нации и национального государства, с таким трудом выстраданные наукой через приведение хотя бы в относительное единство бесконеч-

ного разнообразия идей и фактов, рассыпаются, утрачивают существенные детали, такие, к примеру, как общность территории и языка, единую на территории национального государства (и отличную от других) денежную систему, хотя бы относительную этническую однородность и т.д. Это превращает риторику в отношении национального, вообще оперирование понятиями «национальное», «национализм», «национальная идея», «национальные проекты», «построение нации» и т.п., скорее в средство манипуляции и отвлечения от реальности, чем орудие ее анализа и развития. Стремление наций сохранить основы собственной государственности и институциональной унитарности вступает в противоречие с тенденциями развития регионов, и национализм, который некогда сыграл цементирующую роль в политике и экономике, теперь часто оказывается тормозящим и разрушающим фактором. Вспомнить Францию и Голландию 2005 г., тремя годами позже – Ирландию, проголосовавших на референдумах против единой конституции Евросоюза и в тот момент затормозивших процессы формирования единой европейской институциональной системы. Языки межнационального общения становятся все более востребованными и теснят национальные языки даже в повседневном общении, а ориентация на поддержание национальной специфичности через культивирование коренящихся в этносе традиций часто обнаруживает тенденцию превращаться в заскорузлость этнокультурных привычек.

Таким образом, национализм в еще большей степени, чем нация, тяготеет к перерождению в политико-идеологический конструкт. В силу этого изменение сути и места наций не коррелируется с трансформациями национализмов прямо и обязательно, однако национализм как феномен претерпевает серьезные изменения.

Проблемы национализма как национальной идеологии варьируются в зависимости от специфики его собственной истории, а также истории нации, принципы которой он в себе заключает. В этом смысле уже правильнее говорить не о национализме как едином явлении, а о национализмах, которые изменяются не только от народа к народу, но также от одного этапа развития нации к каждому последующему этапу ее развития.

Украинский национализм «после независимости»

В новообразованных национальных государствах на постсоветской территории национализм столкнулся с проблемой, которую Л. Баррингтон охарактеризовал в терминах «национализма после независимости» [Barrington L., 2006].

Баррингтон задает простой вопрос: если национализм возник и существовал как идеология собственной государственности, какие задачи он мо-

жет решать после того, как эта собственная государственность установлена? Актуален ли в принципе национализм в постсоветских странах теперь, актуальны ли предлагаемые националистами модели национальной самоидентификации?

Другая проблема национализма после независимости в Украине заключается в том, что национализм превратился в господствующую государственную идеологию и распался на множество моделей. В период борьбы за государственную независимость основной его лозунг был однозначен, прост, понятен, однако в условиях политического противостояния различных политических партий, разделяющих националистическую риторику, в условиях отсутствия единого даже просто представления о национализме, приемлемых для нации в целом и для всех, кто называет себя националистами, лозунгов, нельзя говорить об украинском национализме, а только о множественности его – о национализмах.

Национализм как идеология конкретной нации – содержательно неустойчивое и противоречивое понятие. В зависимости от того, чьей идеологией он является – национального меньшинства или большинства, его приверженцы могут ставить прямо противоположные цели, к примеру выступать либо за пересмотр границ национального государства либо за их сохранение. Гибернау отмечает следующую трансформацию национализма: в XIX в. вопрос стоял о равноправии наций прежде всего в культурном отношении, включая проблему языка, на переломе же XX–XXI вв. вопрос встал более радикально – о политической автономии и даже независимости [Barrington L. 2006, p. 23]. О различных типах национализма в Украине (ставших уже классическим разделением) – гражданского и этнического – пишет Тарас Кузьо. Эти два типа национализма, по его мнению, можно различать в зависимости от того, апеллирует ли национализм к гражданским или территориальным границам, какую идею государства он поддерживает – инклюзивную (гражданскую) или эксклюзивную (этническую), а также выступает ли он за поддержание унаследованных Украиной границ (гражданский национализм) либо за их изменение (этнические украинцы, русские националисты, а также советофилы)³¹.

Вообще вопрос о смене типа национализма, вероятнее всего, коренится в том, что является основанием и питающими корнями его. Религиозные корни национализма связывают его с вопросами развития цивилизации в

³¹ «Civic and ethnic nationalists in Ukraine can be differentiated based on their views on two issues, corresponding to the idea proposed by Lowell Barrington... that nationalism involves both membership boundaries and territorial boundaries. First, they have different definitions of the state, as either inclusive (civic) or exclusive (ethnic). Second, they either support Ukraine's inherited borders (civic nationalists), or harbor a desire to change them (ethnic Ukrainian, Russian nationalism, and Sovietophiles)» [Kuzio T., 2006, p. 187].

целом, которое, конечно, влияет и на политические приоритеты. К примеру, католицизм и православие в Украине ориентируют своих приверженцев и политических лоббистов безальтернативно на вполне определенные геополитические приоритеты – либо западный мир, либо Россия. Безусловно, существуют и экономические корни национализма, которые, в частности, могут питать его в случае оснований для экономической самостоятельности, как, к примеру, наличие природных и других ресурсов, либо стагнировать его в случае отсутствия или недостаточности таковых. Это говорит о том, что смена типов национализма неизбежна с изменениями в экономике и других сферах жизни нации. Если согласиться, что национализм является идеологией национального развития, своеобразным сводом его базовых принципов, то с его трансформациями неизбежно меняются задачи национального строительства и, вследствие этого, весь национальный проект.

Поскольку в рамках одной и той же нации возможно сосуществование сразу нескольких ее идеологий, то есть нескольких национализмов, сколько бы странно ни звучало это понятие во множественном числе (а сегодня именно такое столпотворение различных национальных идеологий для одной и той же нации характерно хотя бы в силу значительности пройденного нациями исторического пути), смешение этих национализмов приводит к парадоксам политической жизни и даже к курьезам. Так случилось, к примеру, в Одессе летом 2007 г., когда власти города во исполнение требования, выданного Евросоюзом, переносили из центра на окраину города памятник матросам броненосца «Потемкин», чтобы установить на его месте памятник царице Екатерине, основательнице Одессы. Несколько суток подряд возле памятника дежурили противники его переноса, две группы разных политических сил, совершенно противоположных идеологически – казаки и коммунисты. Казаки выступали против памятника Екатерине, поскольку та была российской царицей, проводившей антиукраинскую политику, коммунисты же отстаивали право присутствия в Одессе одного из государственных символов СССР, что, естественно, является защитой интересов другого государства, пусть и не существующего уже на карте (националисты как без «своей» нации, которую они представляют, так и без «своего» государства).

Другой пример: крымские татары, являющиеся в Украине национальным меньшинством, и русские (точнее, русскоязычное население), которые тоже формально являются национальным меньшинством в Украине, но реально – большинством в Крыму, высказывают одни и те же пожелания относительно большей автономии Крыма, в крайней позиции до его выхода из состава Украины. Таким образом, ближайшие политические цели этих двух акторов национализма различных наций совпадают, хотя, конечно, их «дальние» политические цели (как и практический интерес, часто кроющийся за националистической активностью), скорее, различны.

Будучи, по сути, политической идеологией, национализм в зависимости от своего типа может по-разному включаться в политику и присутствовать практически во всем политико-идеологическом спектре. Традиционно считающийся идеологическим атрибутом правых политических сил, национализм в Украине практически уже не связан с другими аспектами идеологий, так что может быть взят на вооружение и левой партией или может игнорироваться правой, так что определение «правизны» политиков через приверженность их национальному вопросу оказывается не более чем спекуляцией, в том числе и спекуляцией на лозунгах, традиционных для левых политических движений.

К примеру, президент Ющенко в попытке быть центристом, или, другими словами, охватить весь электоральный спектр, долгое время пытался представлять себя лидером как гражданского, так и этнического национализма. При этом Ющенко в действительности тяготеет к этническому национализму, являющемуся, по существу, элементом правой идеологии. Здесь возможны и довольно провокационные для идеологической оценки ситуации: не является ли, к примеру, донбасский миллиардер Ренат Ахметов, депутат от Партии Регионов, большим националистом в плане отстаивания интересов Украины, чем находящиеся у власти националистически настроенные бюрократы, если иметь в виду факт, что Ахметов построил новый стадион в Донецке к футбольному Евро-2012 раньше, чем они поделили сферы влияния в Киеве относительно того, кто будет отвечать за развитие инфраструктуры к этому событию (о начале строительства стадионов и речь тогда не шла).

Тарас Кузьо высказывает предположение относительно причин такого запутанного национализма. Национализм в Украине, по его мнению, изначально раздвоен, поскольку представляющее его политическое объединение – Народный Рух Украины – было изначально организовано двумя группами: политическими заключенными и тяготеющей к этническому национализму интеллигенцией [Кузьо Т., 2006, с. 188]. Таким образом, в историческом основании украинского национализма изначально были смешаны два довольно разных феномена, два взаимоисключающих подхода – антисоветская идеология и этнонационализм.

М. Хетчер утверждает, что национализм стал наиболее превалирующим ресурсом политических конфликтов и насилия в современном мире. Можно сказать, что национализм внутри отдельной страны, а точнее, различные модели национализма, представленные враждующими политическими силами, становятся ресурсом внутренне-национальной конфронтации, и такие «национализмы» разъединяют нацию, вместо того чтобы объединять ее [Hechter, 2000]. Баррингтон указывает корень такого перерождения национальной идеологии: «Национализм становится созидающим нацию проек-

том... Однако, если побеждает этнический ответ на вопрос: «Кто это – нация?», национализм оборачивается новым территориальным контролем в целях защиты и возвращения национальной культуры» [Barrington L., 2006, с. 19]³².

Это применимо к современному украинскому национализму, который «расширяет границы украинской государственности», не преступая географических границ ее территории посредством «украинизации» востока и юга Украины, превращения их в Украину «настоящую». Концепт «недостаточной украинскости» части Украины дает возможность продлить жизнь и популярность национализма в ситуации, когда он эту популярность естественным образом утрачивает. Политическим проектам, делающим ставку на националистическую риторику, нужна ведь какая-то активность, чтобы, несмотря на свою виртуальность, все же привлекать электорат. Наступление националистически настроенной части украинского населения (хотя бы и декларативно, посредством политической риторики) на «неукраинскую» ее часть является симуляцией национальной борьбы в период, когда независимость, а значит, стратегическая цель национализма достигнута и националистическая идеология утрачивает свою политическую актуальность. В этой ситуации симуляции националистической борьбы и вообще национализма как консолидирующего общество и легитимизирующего национальное государство идеологического принципа необходимо сознательное конструирование национальной идентичности, поскольку в силу распыленности и неясности, а часто искусственности национального как такового стихийное формирование ее не может быть достаточно динамичным.

Возникает ряд вопросов. Играет ли украинский «национализм после независимости» конструктивную роль или множественность национализмов, скорее, разрушает нацию? Что вообще представляет собой национализм в Украине после того, как он, по сути, выполнил свою миссию с возникновением независимого государства? «Нация» как принцип организации украинского общества для его развития в социальном и экономическом отношении (то есть выход из бедности, с которой несовместима демократия как культура, не только система институтов) – объединяющая или разъединяющая идея? Другими словами, конструктивно ли акцентировать внимание на идее именно национального развития или стоит оперировать другими категориями, которые позволят найти объединяющие пункты в программировании развития Украины? Возможно, отказ от национализма, а значит, и от искушения представить нацию этнической дал бы простор развитию, становлению политической нации в Украине. В этом случае национальное воз-

³² «Nationalism becomes a nation-building project... However, if the ethnic answer to the “Who is nation?” question has won, nationalism may turn to using the new territorial control to protect and enhance the national culture...».

рождение предстало бы как результат экономического и социального развития, а не как блокирующая самоцель, которая, скорее, демонстрирует, используя язык психологии, «сдвиг мотива на цель». Очевидно одно: в условиях политического противостояния в современной Украине национальная идея, будучи формулируемой по-разному конкурирующими политическими силами, не столько консолидирует, сколько разрушает нацию.

Поиски новой национальной идеологии: как мертвые хватают за ноги живых

В поисках своей национальной идеи Украина прошла довольно драматический путь, который можно условно поделить на три этапа.

Начиная с 1991 г., когда вопрос о путях развития вновь образовавшихся государств встал чрезвычайно остро, украинская национальная идея формулировалась на противопоставлении господствовавшей ранее коммунистической идеологии. Это не была позитивная формулировка, скорее, формулировка «от обратного», как «анти», то, что было раньше («антикоммунистическое», «антиимперское») и от чего теперь необходимо поскорее избавиться. Эта «анти»-модель, от которой пытались оттолкнуться, в свою очередь небезосновательно ассоциировалась с антироссийским – ведь именно Россия взяла на себя в период социалистического строительства роль «большого брата» в составе советских республик, продолжая таким образом многовековую традицию имперской политики в отношении «малых» соседских народов.

Крен в этническое, а также расширение социальной базы национализма с автоматической «легализацией» его после утверждения независимости Украины привели к сдвигу в идеологических коннотациях и, как следствие, к переходу на следующий этап поисков украинской национальной идеи: украинская идея в этот период оказалась представленной преимущественно как антироссийская, с заметной миграцией в антирусскую и с тотальным акцентированием этнического аспекта.

С постепенным отдалением от России и появившимися разнообразием и возможностями – хотя бы и виртуальными – геополитического выбора, а также с утверждением в общественном сознании так называемых западных ценностей настал третий этап поисков национальной украинской идеи. В этот период национальный украинский проект нашел свою самую выразительную формулировку в предвыборном слогане одной из политических партий на парламентских выборах 2006 г.: «Построим Европу в Украине!».

Можно проследить, таким образом, следующую логику в формулировании национальной идеи независимой Украины: 1) отталкивание от антироссийского как антиимперского, дальше – 2) через антирусское, воин-

ственно и демонстративно этнически украинское 3) до вообще антиукраинского, поскольку «строим» в стране уже не Украину, а Европу. И хотя в приведенном слогане, понятное дело, идет речь исключительно о европейском уровне жизни, тем не менее в сознание обычного гражданина вкладывается идея такой государственности, которая никак не позиционирует ничего собственно украинского.

Каждый из обозначенных этапов формулирования украинской идеи, а также косвенно – украинского проекта как попыток создания стратегии развития Украины, еще не стал историей, а лег в основу позиций сегодняшних политических партий и течений, снова и снова воссоздавая раскол в украинском обществе и сознании украинцев.

Независимо от различий все три обозначенных этапа становления украинской идеи, как и политические силы, воплощающие эти три этапа поисков, едины, тем не менее, и последовательны в противостоянии коммунистической идеологии. Это понятно, поскольку новая украинская государственность так или иначе строится через одновременное разрушение государственности предшествующей – в данном случае советского типа государственного устройства, а также соответствующих ему форм социально-психической жизни.

Другой причиной, по которой современные украинские политические акторы объединяются на основаниях антикоммунизма, является недостаточная артикулированность собственной идеологии подавляющего их большинства. Сегодня, когда коммунистическая идея уже преодолена и практически – в экономическом укладе, и идеологически – в системе ценностей, снова и снова возвращение к ней не является само по себе необходимым. Такое возвращение – явление негативное, поскольку «анти»-позиция («анти» – что угодно, не важно даже, что именно) позволяет, так сказать, лениться в деле позитивного формулирования собственной идеологии. Создается впечатление, что некоторые политики паразитируют на коммунистической идеологии в попытках без особых усилий, только лишь на критике, артикулировать свою собственную политическую и идеологическую платформу (если вообще берутся за это). Демонстрируя непроясненность или даже отсутствие собственной идеологической позиции, они тем самым продлевают жизнь коммунистической идеологии, как Дон Кихот поддерживал жизнь прошедшей, на тот момент уже мертвой, эпохи, именуя в ее категориях персонажи эпохи новой.

Возникает довольно щекотливая ситуация: поскольку антикоммунизм – это, фактически, единственное, что объединяет разные политические силы Украины, именно коммунистическая идеология, хотя и со знаком отрицания, стала основанием хотя бы относительного единства украинского политика. Разумеется, если строить украинский проект на основании та-

кого «отрицательного» единства, то и сам проект будет негативным и нацеленным в прошлое, ясно и выразительно рисуя только нежеланное и идеологически неприемлемое. Другими словами, это будет проект снова и снова разрушения Украины, а никак не ее национального возрождения.

Поскольку украинская идея так и не сформулирована приемлемо для всех участников национального строительства, нет единого проекта развития Украины, который бы определил общую стратегию развития, характерным стал поиск национальной идентичности украинцев и ценностного стержня национальной духовности в досоветском прошлом. И даже не в непосредственно досоветском, а значительно глубже в истории – в докапиталистическом, до-идеологическом прошлом Украины, в том этапе ее истории, когда нация была представлена более как этнос, а не собственно нация. Чрезмерное акцентирование на этническом привело к замещению этнического пресловутой «шароварщиной» и сыграло против украинизации национального чувства. Как только авторы «украинских проектов» пытаются переориентироваться на проектирование будущего нации, актуализируется проблема геополитического выбора страны, а вместе с ним – вариативность векторов возможных путей развития Украины, поскольку для едва ставших независимыми постсоветских держав весьма проблематично быть действительно независимыми в условиях великой битвы современных мировых политических лидеров за геополитическое доминирование на планете.

Таким образом, на сегодня существует несколько украинских проектов, которые конкурируют между собой и играют для Украины роль известного трио из басни Крылова. В стране нет развитого гражданского общества³³, сильного настолько, чтобы контролировать деятельность государства в осуществлении стратегий развития, государство же использует свои ресурсы не для проведения национальных интересов, а для передела власти между различными группами влияния и не может предоставить нации ее единый идеологический «портрет».

Возникает вопрос: возможен ли в принципе единый и позитивный украинский проект, на воплощение которого была бы направлена совокупная политическая деятельность? Возможно, украинская идея вообще не имеет практического значения? Ведь будучи сформулированной приемлемо для всех прагматично (как, например, «национальная безопасность», «экономическое развитие» и т.д.), она оставляет без ответа и даже без внимания принципиальные вопросы относительно путей достижения этой общей желанной цели. К сожалению, вместо деятельности по реализации национальных интересов политики предлагают нации идеологическое констру-

³³ Общество – то есть, но оно не организовано институционально таким образом, чтобы выступать сколько-нибудь значимым политическим актором.

ирование, которое перерождается в еще более отвлеченный вид конструирования – мифических героев нации как заместителей собственно национального. Политическая жизнь общества оказывается замещенной индивидуальными политическими историями, сконструированными по законам жанра, скорее телевизионного, чем собственно политического.

Национальная идея vs национальные интересы: нация vs гражданское общество

Имеет смысл определить основные понятия, которые задействованы в «стратегическом планировании» украинского проекта, а также установить взаимоотношения между ними, поскольку именно они, в силу своей стратегической значимости для трансформирующихся стран, становятся предметом манипуляций или просто неаккуратного обращения.

Национальная идея – это выраженное в предельно лаконичной форме представление о том, чем нация должна быть, чтобы, пользуясь терминологией Гегеля, «соответствовать своему понятию». Понятие национальной идеи вмещает в себя в предельно сжатом виде представления об основных чертах национального характера, отличающих нацию от других в благоприятном для нее свете. Поиски национальной идеи активизируются в периоды кризисов или национального строительства, которые сами по себе также могут считаться своего рода кризисными (во всяком случае, переходными) состояниями. Артикуляция национальной идеи является философским уровнем социального мифотворчества.

Национальный проект, или проект национального развития, – это развернутый план осуществления национальной идеи построения нации как сообщества людей, идентифицирующих себя как единую общность, несмотря на социальные и прочие различия, указание конкретных путей развития нации, создания условий этого развития, механизмов его реализации и т.д. Национальный проект разрабатывается и предлагается обществу конкретными политическими акторами – партиями и движениями, то есть властью предрержащими и на власть претендующими, в силу чего национальный проект всегда имеет политический и, как правило, тенденциозный характер. Национальный проект, ориентированный на национальные интересы, представляет собой своеобразный бизнес-план развития нации, и чем ближе проект к жанру, обозначенному как «бизнес-план», то есть чем конкретнее и ближе к практике он разработан, тем он действеннее. Будучи ориентированным исключительно идеологически, национальный проект является, скорее, элементом манипулирования, то есть разрабатывается на основе пиар-технологий, а не на основе реальных потребностей нации как результат определения ее национальных интересов.

Национальная идеология – это теоретическое обоснование, а точнее, апологетика того или иного национального проекта, популяризация национальной идеи и определенных мер по ее внедрению. Национальная идеология выполняет функцию подготовки общественного мнения к принятию тех или иных действий со стороны государства, соответственно регулирует общественное мнение, а также является своеобразной идеологической визитной карточкой для представления страны в международных отношениях. Предлагается национальная идеология обычно как объединяющее общество образование, однако на деле представляет интерес определенной общественной группы, занимающей лидирующее положение в политике. Национальная идеология, как правило, предшествует национальному строительству, поскольку представляет населению страны необходимый мифотворческий материал. Национальная идеология – развернутое описание идеи, квинтэссенция представлений о желаемом направлении развития.

К сожалению, в Украине принялась практика идеализации национального вместо определения практической целесообразности развития нации. Идея вообще, и национальная идея в частности, представляет иллюзию самодостаточности, представляется чем-то таким, что нужно внедрять, в то время как нация – реальная, живая общность людей с их практическими интересами, такой иллюзии места не оставляет. Более того, национальные интересы могут вступать в противоречия с интересами отдельных политиков или групп, чаще всего по экономическим вопросам и прежде всего по вопросам собственности. Поиски национальной идеи в то время, когда еще не определены национальные интересы, являются, по сути, отвлекающим маневром, который срывает потому, что «идея» может быть отсчитана фактически от любого исторического пункта, и, как правило, возвращает в период национального рассвета и питает национальную гордость и чувство собственного достоинства в составе национального чувства – то, чего так не хватает современному жителю Украины. Национальная идея в таком ее виде абстрактна, вырвана из исторического контекста, то есть изначально не соответствует своему предназначению.

Вообще поиски национальной идеи – процесс, по существу, философский, не имеющий на самом деле того практического значения, которое ему приписывают политики. Судорожные поиски национальной идеи в современную эпоху вряд ли актуальны и представляются болезненной реакцией наций на ощущение (в данном случае не важно, насколько обоснованное) собственной недостаточности в сравнении с народами более «благополучных» стран. Несмотря на ее активные поиски, национальная идея в Украине до сих пор не найдена, а разночтения в попытках ее сформулировать настолько велики, что делают поиск практически бессмысленным.

Проблемой является также то, что крайне сложно найти идею, которую можно было бы сформулировать просто и приемлемо для повседневности. Национальная идея – представление о том, какой нация должна быть, чтобы «соответствовать своему понятию» и выполнить свое предназначение, – которое тоже, кстати, еще надо как-то артикулировать. В национальной идее отражен идеал нации, воображаемый конечный пункт, «венец» ее развития, ее желаемого будущего. Вопрос идеи – это вопрос не о существующем, а о должном, так что этот вопрос действительно является философским, и рассмотрен он может быть лишь при помощи соответствующих познавательных средств.

Можно предположить, что идея, как духовная практика, ведущая и организующая деятельность человека, в настоящую эпоху не актуальна на государственном уровне в силу центробежных тенденций социальной организации, по сути – демократизации. Потому вопрос состоит не просто в том, какая именно идеология будет актуальна, может появиться и функционировать и т.д. в том или ином государстве, а в том, актуальны ли вообще поиски какой бы то ни было идеологии, будет ли она сегодня играть ту роль, какой от нее ожидают, основываясь на представлениях о роли идеологии в обществах предшествующих эпох.

Отсюда неизбежен вывод: поскольку исторически ситуация меняется и та или иная нация претерпевает изменения, ее идея не может в деталях оставаться постоянной. Сформулированная однажды даже и наиболее удачно, она неизбежно должна развиваться вместе с ситуацией, что, вообще-то, в какой-то момент превращает ее во что-то совсем другое – если это действительно идея, то она должна на каком-то этапе уйти в основание, стать действительностью, с тем чтобы породить следующий этап развития феномена, таким образом продолжая его жизнь. Другое дело, что потребность в формулировании национальной идеи активизируется в периоды кризисов, а кризисные состояния сами по себе имеют сходные черты, несмотря на конкретное содержание кризиса и специфику каждой конкретной исторической ситуации. Так что национальная идея, сформулированная когда-то, все же сохраняет свои некоторые черты и свою актуальность, будучи, однако, скорее выражением того особенного способа, который данная нация использует для преодоления своих кризисных состояний.

Когда политика ориентирована на формулирование национальной идеи и оперирует ее мифической логикой, ее идеологическим основанием выступает национализм. Когда же речь идет о национальных интересах, националистическая идеология – как и любая другая – уже недостаточна для понимания приоритетов и планирования стратегии развития. В этом случае национализм уступает место другому типу консолидирующего социум средства – патриотизму, который, конечно, может быть развернут и в идеологию,

но уже в идеологию гражданской, а не этнической нации. Этот тип идеологического единения нации, похоже, гораздо больше подошел бы современной Украине, в которой вопрос строительства гражданской нации значительно более актуален, если не сказать единственно современен, чем вопрос строительства нации этнической. Однако если кем-то и делаются попытки сформулировать хотя бы общие основания, принципы украинского патриотизма, то он все равно представляется только как крайне националистическая позиция (или как обязательная вышиванка под официальным пиджаком депутата Верховной Рады).

Почему же внедрение национализма в чувства украинцев оказалось для политиков предпочтительнее, чем внедрение патриотических чувств? Другими словами, почему в независимой Украине более востребованными оказались идеалы и модели этнической нации, чем нации гражданской?

Национализм и патриотизм в определенной мере взаимозаменяемы и могут даже быть приняты один за другой, однако национализм, в силу некоторых причин, значительно более удобен для манипуляций.

Во-первых, национализм основывается на чувствах в большей степени, чем на критическом мышлении, хотя именно возникновение идеологии национализма является первым шагом к его вообще возникновению. Национализм апеллирует к истории, которая может быть переписываема сколь угодно часто и в бесконечных вариациях, представляясь вместе с тем источником «фактов» из прошлого. А факты, как известно, «вещь упрямая»: если для обыденного сознания нечто представлено в качестве факта, оно удовлетворяется им как достаточным основанием, не пытаясь найти другое и даже не относясь к нему здраво критически. Таким образом национализм, апеллируя к истории, находит в ней неисчерпаемый источник мифотворчества, которое необходимо для конструирования национальных сообществ и переконструирования их со сменой интересов и приоритетов «протектировщиков».

Во-вторых, возбуждение патриотизма среди населения требует успешности страны в настоящем, «сегодня», тогда как национализм может питаться прошлым, которое героизируется без особого труда. Ведь куда легче и быстрее воодушевить массы, убедив их в восхождении их родословной к славному украинскому казачеству, чем поднимать экономику страны, строя свой авторитет на реальных достижениях и улучшении качества жизни населения.

В книге «Психология этнонационализма» Д. Кекмановик приводит сравнительный анализ националистических и патриотических чувств, демонстрируя их для наглядности таблицей³⁴ [Kecmanovic D., 1996, p. 12].

Из таблицы следуют такие различия:

– Национальная идентификация происходит главным образом на основе национальных групп – их норм, истории, культуры и пр., тогда как патриотические чувства не связаны с определенной социальной группой.

– Объект национальной идентификации/национальных чувств определен более четко (нация и ее символы) в отличие от объекта чувств патриотических (определенный регион, местный (локальный) патриотизм, местность, страна).

– Национальная идентификация затрагивает контраидентификацию в отношении других национальных групп, тогда как негативные отношения с людьми других национальностей не вовлечены в патриотические чувства.

³⁴ National and Patriotic Feeling

National feelings	Patriotic feelings
National identity implies identification mainly with national group (its norms, history, culture etc.)	Patriotic feeling does not comprise connection with a certain group
The object of national identification, and of national feeling as well, is more clearly defined (the nation and its symbols)	The object of patriotic feelings is less precisely determined (a certain region, local patriotism, an area, a country)
National identification involves contraidentification with other national group(s)	Negative relationships toward people of other nationalities is not included in patriotic feeling
National identity (and accompanying national feeling) entails mandatory respect for national standards and the observance of rituals prescribed by the national group	Patriotic feeling does not encompass such obligation
Fear of sanction in case of disregard for the standards and expectations of national group is more pronounced (bad national consciousness, national betrayal)	Fear of sanctions in case of behavior (statements, attitudes) considered nonpatriotic is less pronounced
A great part of the significance of the nation comes from the fact that nation is an identity-securing interpretive system that mediates between the individual person and social reality	The homeland (patria) has not such importance in social identification of a person

– Национальная идентификация и сопутствующие ей национальные чувства определяют уважение к национальным стандартам и соблюдение ритуалов, предписанных национальной группой, патриотические же чувства не ограничены такими обязательствами.

– Страх перед санкциями в случае игнорирования стандартов и ожиданий национальной группы значительно более выражен, чем в случае недостаточного патриотизма.

– Значение нации в большой мере происходит из того факта, что нация предоставляет систему защиты идентификации, которая выполняет роль посредника между личностью и социальной реальностью; родина же не играет такой решающей роли в самоидентификации личности.

Не со всеми положениями автора можно безоговорочно согласиться. К примеру, для некоторых людей именно патриотическая самоидентификация значительно более значима, чем национальная. Так наверняка бывает в ситуации интернациональной установки человека или всего общества, в ситуации ослабления национальных связей и стагнации механизмов, опосредствующих национальную самоидентификацию. В частности, именно так было в СССР с идеей единого советского народа вне зависимости от национальных и культурных различий составлявших его общностей; тот же феномен по сути представляет случай иммиграции, в том числе и так называемой «иммиграции внутренней».

Также положение автора о том, что национальные чувства более тесно связаны с определенной группой, чем чувства патриотические, вступает в противоречие с идеей, высказанной в ее классическом варианте Б. Андерсон, что нация является всего лишь воображаемым сообществом и в качестве реальной группы для индивида не представлена. В этом смысле группа единомышленников-патриотов может выступать таким же посредником самоидентификации человека, как и национальная группа. Видимо, в данном случае стоит сначала определиться с конкретным значением «национального» (и что такое в данном случае «национальная группа»), которое является слишком широким и внутренне разнообразным понятием, а значит, смыслы при его употреблении слишком широко варьируемы.

Комментарии можно было бы продолжить, однако приведенное различие национального и патриотического все же имеет несомненную эпистемологическую ценность. Оно общо и кратко, в силу чего предполагает возможность огромного количества комментариев, в то же время оно операционально и ясно и представляется достаточно убедительным, чтобы взять его за основу прояснения собственной позиции.

Из приведенной схемы представляется, что национальное и патриотическое в определенной мере противоречат друг другу – не как совершенно разные сущности, а, скорее, как различные этапы развития (различ-

ные принципы вербализации для масс и внедрения в массы) одного и того же процесса/явления. При ставке на национализм неизбежно оказывается игнорируемым патриотизм, точнее, он приобретает характер национал-патриотизма, при котором есть опасность для национальной идеи-чувств-идентичности стать воинствующими и агрессивными в отношении других народов и этносов. Ведь в случае национал-патриотизма на службе у национальных чувств оказывается такой мощный инструмент, как государство, – мощный уже не только идеологически, но также своими военными, экономическими и другими, в том числе контролирующими и карательными, институтами.

Гражданское общество в Украине оказалось вооруженным этническими, не гражданскими идеалами. Становление украинской нации и развитие гражданского общества оказались взаимоисключающими идеологиями, что привело к стагнации самого процесса развития как национального самосознания, так и гражданских институтов. Таким образом, гражданское общество не стало в Украине ни основанием, ни даже стимулом для национального развития, и право определять стратегические приоритеты и средства развития страны по-прежнему принадлежит сфере политики. Именно поэтому политическая борьба на всех уровнях так остра в Украине, и ее национальные интересы, формулирование и отстаивание которых должно было бы составлять стратегию национального развития, уступают место конструированию идеологий и идей.

По всей видимости, для успешного национального строительства необходим этап патриотического самоопределения и самоидентификации граждан государства, тогда как национальные чувства и этнонациональная составляющая самоидентификации должны уйти на второй план, стать, так сказать, более демократичными и податливыми к изменениям, а значит, неизбежно слабеющими. Они должны отойти на стадию предложения проектов различными политическими силами, а не их (проектов) реализации посредством государства.

То, что Украина до сих пор остается на стадии освоения национального, а не патриотического, говорит о стагнации ее политической жизни, при всей видимости необыкновенной активности последней, а также о том, что национальные интересы не артикулированы достаточно четко, чтобы быть основанием консолидации политических сил в интересах развития экономики и, как следствие, повышения уровня жизни и удовлетворенности ею населения Украины.

ЧАСТЬ 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ПЕРИОДА «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕРОЕВ НАЦИИ

К постановке проблемы. Виртуальный характер украинской политики

Вопрос о собственности, ее формах и о принципах ее перераспределения стал решающим для постсоветии, по крайней мере в Украине. Пока судьба этого вопроса решается внутренними и внешними игроками неожиданно возникшей колоссальной биржи капиталов – постсоветского пространства, в Украине практически замерла экономическая жизнь, а культурная естественным путем замирает и отмирает в силу нерешенности идеологических вопросов, также непосредственно связанных с формами капиталов и потребностями их держателей. Жизнь оказалась сконцентрированной в сфере политики, а политика свелась к выборам, представляя собой непрерывную их череду. В постоянном переделе политического влияния участвуют и украинские финансово-экономические группы, и отдельные владельцы особо крупных капиталов, и лоббисты интересов государств – флагманов геополитики.

Французская исследовательница А. Гужон пишет о политических разногласиях акторов в постсоветских странах, в том числе в Украине, в свете того, как они «себя детерминируют и как они действуют в зависимости от определения своих идентичностей». «Лучше всего, – считает Гужон, – такому анализу способствуют выборы, потому что обнаруживают и отражают политические разломы и разломы идентичностей» [Гужон А., 2005, с. 188].

Существенно, что акторами в политической жизни Украины в последние несколько лет являются не столько партии с их платформами, принципами, программами, а

проекты, то есть таким образом прописанные программы воздействия на избирателя, чтобы наиболее эффективно манипулировать его предпочтениями. Политика вместо экономики, манипуляции вместо политики – печальная ирония постсоветской истории, постмодерн по-украински.

Среди массы предлагаемых проектов нет единственно необходимого – проекта Украины. Он обещан всеми без исключения политиками, поскольку его создание жизненно важно для страны, но так пока и не представлен. Нет стратегического плана развития Украины, который бы включал и экономику, и все аспекты внутренней политики государства, и внешнеполитическое стратегическое планирование. Проекта Украины нет, но вместо этого есть много политических проектов, с которыми группы, претендующие на роль новой элиты, идут к власти по сердцам избирателей. Украину захлестнуло проектирование, которое сводится к политическому и совсем не стратегическому в смысле обеспечения национальной безопасности страны.

Когда говорят об определенном проекте, подразумевают, что у него есть создатель или создатели, то есть некоторый центр принятия решений. Однако открытым остается вопрос о том, что планировалось и кем, чьи интересы за этим стоят, а что получилось «само собой», как «побочный» результат деятельности по достижению какой-либо другой цели. Вопрос этот волнующий, но, похоже, совершенно безнадежный в плане поисков однозначного ответа, поскольку ответ этот, как правило, не знает даже тот, кто считает себя автором проекта.

Автор больших политических проектов всегда многолик, и по ходу их осуществления включаются новые и новые игроки, факторы, ресурсы. Современные политические технологии настолько сложны, что очень быстро выходят из-под контроля своих инициаторов. Множественность центров принятия решений неизбежна и проекты, даже безупречно продуманные, приобретают собственную логику. Самый проницательный политтехнолог может только попытаться просчитать возможные варианты развития предложенного им социально-политического сюжета, однако в процессе реализации/постановки его у его автора возникает огромное количество вольных и невольных соавторов.

Хотя не важно, что продумано проектировщиком, а что стало естественным – побочным, но от этого не менее значимым – эффектом, нельзя все же пренебречь вопросом об авторе. Авторство выдает мотивы и природу, а значит, подсказывает, в чем корни данного политического феномена и интерес действующих в его недрах акторов.

Основным политтехнологическим приемом в Украине последних лет стала, к сожалению, конфликтная технология. Технология шоковая, оставляющая после себя «рваные раны» на теле общества, стремительная и безотказно действующая, как нельзя более подошла для быстрой и кардиналь-

ной смены политических идеалов, для стремительной сменяемости политических группировок.

Прием моделирования врага, как внешнего, так и внутреннего, для консолидации социальных сил используется в Украине постоянно и одинаково успешно. Видный украинский политолог, директор центра «София» А. Ермолаев пишет об этом так: «Игнорируя необходимость концептуальной конкуренции, политические менеджеры применяют наиболее эффективные инструменты – технологии конфликта. Конфликт как способ, инструмент и универсальное средство достижения нужного результата требует постоянного дробления объекта влияния и растаскивания его по частям. Общество, культура, конфессии, экономика и собственность – все берется в оборот конфликтных технологий. Более того, все большую роль приобретают технологии инспирирования новых социокультурных конфликтов. Запад и Восток, языковая проблема, «российское влияние» и территориальные проблемы, профессиональные конфликты и демонизация соперников становятся средствами достижения нужного результата на выборах. Вместе с тем эти конфликты могут стать не просто ситуативным событием, дающим сиюминутный электоральный эффект, а долгосрочным трендом (тенденцией, «волной»), который будет жить своей жизнью и приобретет внутреннюю логику развития» [Ермолаев А., 2004, с. 12–13].

Техника смены идеологии проста: расшатывание принципов и символов через отнесение их к явлению моды, а затем их отрицание как всего лишь одного из стилей, к тому же неизбежно (в силу сущности феномена моды) устаревающего: «Все, что угодно, только не это». Такое представление идеологии в качестве моды является конструированием «ветряков» для боев, ведьм, ставкой на страх. Почему именно страх используется в качестве эмоциональной основы для манипуляций? По той же причине, по которой используется конфликт, – происходит игра с мотивационной сферой на уровне «безопасности», если пользоваться терминологией, разработанной А. Маслоу³⁵. На этот уровень людей «сбрасывают» посредством насильственного перерождения идеологии в моду. Именно свойственное феномену моды уничтожение критериев понимания и оценки социальной действительности скрывает от человека онтологию события, выбивает из-под ног почву реальности, делает человека управляемым – легко манипулируемый гражданин является идеальной потенциальной электоральной единицей для политических проектировщиков.

Для демонстрации того, как модели национальной идентичности предлагаются политиками посредством героизирования их (тех или иных идентификационных моделей) представителей, мы остановимся на президент-

³⁵ Подробно об этом речь идет в разделе «Система политического манипулирования: симулякры науки и политическая реальность».

ских выборах 2004 г., а также подробно на очередных выборах в парламент 2006 г. Политические сюжеты, разыгрывавшиеся в этот период, оказались в определенном смысле завершающими так называемую постсоветскую эпоху в Украине. Можно было бы сказать, что именно в этот период идеологическая составляющая в украинской политике окончательно исчезла, а место партий заняли политические проекты. Однако правильнее будет сказать, что в этот период «простые украинцы» – «народ» на политическом жаргоне – избавились от иллюзии реальности политического процесса, убедились в виртуальности его, в исключительной его подчиненности интересам участников и их интересам – прежде всего экономическим.

Что касается самих украинских политиков, то они изначально представляли собой более или менее (скорее все же более) виртуальные конструкторы, изменяя свою политическую идентификацию как угодно размашисто в рамках исчерпывающего спектра политических цветов и оттенков. Э. Вильсон, исследователь политических процессов в Украине и автор книги «Виртуальная политика: Фальсификация демократии в постсоветском мире», совершенно однозначно высказался в отношении этого феномена (заложив его также в само название книги): «Постсоветская политика образует различного рода солипсические миры. “Партии” и “политики” продуцируются как телевизионные “проекты” и не имеют никакой иной реальности. Некоторые из них представляют собой абсолютную фальсификацию. Даже те партии и политики, кто должен вернуться в реальный мир из телевизионной студии, имеют вторую жизнь в качестве виртуальных объектов, которая очень мало соотносится с их реальной жизнью»³⁶ [Wilson A., 2005, p. 33].

Проект «Оранжевая революция»

Шедевром по результативности воздействия на поведение избирателя, хотя и довольно грубым по исполнению, стал проект так называемой «помаранчевой революции», которой завершилась эпопея президентских выборов в Украине 2004 г.

Волна «цветных революций», захватившая Грузию («революция роз» 2004 г.), Украину («оранжевая революция», или «помаранчевая революция» 2004 г.), Кыргызстан («революция тюльпанов» 2005 г.), безусловно, готовилась и осуществлялась при участии заинтересованных крупнейших геополитических игроков.

³⁶ «Post-Soviet politics forms a different kind of solipsistic universe. “Parties” and “politicians” are launched as TV “projects”, which have no other, more real reality. Some are totally fake. Even parties and politicians who have to return to the real world from the TV studio have a double life as virtual objects and that have little or no relation to their real selves. “Virtual politics” therefore seems an appropriate metaphor for the politics of the Post-Soviet Era».

литических акторов. Однако без предпосылок, вызревших внутри названных стран, эти революции были бы невозможны, и именно анализ этих предпосылок дает ответ на вопрос о реальной ситуации в данных странах и о перспективах их дальнейшего развития.

Отдельного анализа требует целесообразность применения понятия «революция» в данном историческом контексте, а также выяснение сути произошедших событий, однако одно бесспорно: события, названные «цветными революциями», имели достаточные причины во внешне- и внутриполитической жизни стран, в которых они имели место, и, в свою очередь, вызвали серьезные и, возможно, судьбоносные последствия. Не исключено также, что, несмотря на общность происхождения проектов данных революций и сходства сценариев влияния в их процессе, внутренние причины, их вызвавшие, в Грузии, Украине и Кыргызстане все-таки различны.

В случае Украины такой внутренней причиной стала усталость украинцев не столько даже от экономической, сколько от культурной стагнации, от удручающей невозможности хоть как-то повлиять на ход событий в стране и собственной жизни. Формально – в лозунгах и идеологии «помаранчевой революции» – небывалая политическая активность масс была направлена персонализированно против тогдашнего президента Л. Кучмы и установленного им политического порядка, так называемого «кучмизма». Однако «кучмизм» был лишь продолжением и логическим завершением всего постсоветского этапа существования Украины. Хотя и «пост-», но все же именно «советского» этапа, с несовпадением провозглашаемых идей и реального состояния дел, с бюрократическим типом государства и, главное, критически бюрократизированной и коррумпированной элиты. Э. Вильсон раскрывает такой рецепт этого «heavy mix» «постсоветского постмодернизма»: «Соедини западные теории постмодернистского виртуального мира и местную постсоветскую культуру, примешай КГБистской методологии, французской философии и современного маркетингово невнятного лепета...»³⁷ [Wilson A., 2005, p. 37], а также приводит существенное, на его взгляд, различие западной и постсоветской политтехнологии (о политике уже даже и речь не идет): «Медиа-манипуляции и организационная софистика – не новость для запада. Что действительно отличает постсоветских политтехнологов, так это то, что они, по-большинству, вообще не работают с реальными объектами, а только с их виртуальными заместителями» [Wilson A., 2005, p. 69]. «Помаранчевая революция» была, безусловно, одним из политических проектов, детищем политтехнологов, герои ее быстро – в течение первого же «после-революционного» года – потеряли рейтинг, команда революционеров рас-

³⁷ «Put together western theories of the postmodern virtual world and local post-Soviet culture, stir in KGB methodology? French philosophy and modern marketing psychobabble...».

сорилась и распалась на вражеские лагеря, люди, поддержавшие практически и духовно провозглашенные «помаранчевыми» идеалы, разуверились в «героях» и частично разочаровались, хотя и не все, в политическом участии как таковом. Однако джин успел покинуть бутылку – некоторые последствия «помаранчевых» событий оказались действительно революционными и, похоже, необратимыми.

Одним из таких результатов стала небывалая ранее в Украине свобода прессы. Пресса осталась относительно ограниченной политической позицией и экономическим интересом хозяина (собственника) информационного ресурса, однако после обвального освобождения прессы в дни «помаранчевых» событий возвращение в режим цензуры было слишком заметным, чтобы сохранить у потребителя информации доверие, а потому опасным. Потому худо-бедно, а свободы прессы Украина все же добилась – надо отдать должное – усилиями тех, кто выступил на Майдане в поддержку «помаранчевой революции». Расширение горизонтов политического мышления и восприятие украинской политики в контексте глобальной – вот, пожалуй, самый серьезный позитивный эффект от «помаранчевых» событий.

Другим и, скорее, негативным результатом «помаранчевых» событий стало сперва очарование части украинского населения героями и идеалами революции, а потом обвальное разочарование их в каком бы то ни было политическом участии, что привело к отвращению людей от политики и усугубило и без того стремительную пауперизацию общества.

Однако самым серьезным и негативным последствием тех событий стал конфликт «двух Украин», сконструированный из исторических и культурных особенностей регионов страны, активизированный нарочным обострением и стимулированием исторического чувства с акцентом на различиях в восприятии жителями западного и восточного регионов Украины их общей политической истории.

Этот конфликт был замешан не только на проблемных фактах украинской истории периода Второй мировой войны (к примеру, роли и оценки деятельности Организация Украинских Националистов (ОУН) / Украинская повстанческая Армия (УПА)), но и на культурных особенностях – безусловно различиях – регионов, в первую очередь, на проблеме языка.

Несмотря на то что в Украине с трудом можно найти место, где звучит чистая украинская речь (разве что в университетской или школьной аудитории), и вся страна говорит на той или иной разновидности суржика, проблема языка была превращена в самостоятельную и существенную, такую, что подлежит разрешению только кардинально, через исключение из употребления языка нетитульной нации – русского. Любопытно, что при таком негативном отношении к русскому языку английский язык, к примеру, вообще не позиционировался негативно; напротив, среди политиков установи-

лась мода произносить слова с англоязычными интонациями и включать английские слова в украинскую речь.

Таким образом, совершенно очевидно, что русский язык в данном случае был выбран в качестве символа российского (читай: «антиукраинского») влияния, то есть фактически «жупелом» «антиукраинской» политической активности.

Совершенно очевидно также, что русский язык, которым пользовались люди на территории Украины веками, сам по себе не несет подобных коннотаций. Однако именно язык, эта ключевая «клеточка» культуры, естественно, оказался восприимчивым к вирусу межнационального конфликта, который был сконструирован с целью ослабления пророссийских настроений в Украине и проведения к политической власти «антироссийского» кандидата. Языковой конфликт стал жить своей собственной жизнью, в свою очередь уже самостоятельно подогревая политическое противостояние на всех уровнях и предоставляя политикам шикарную возможность, не особо напрягаясь, одним намеком разогреть и «вести» чувства электората.

Для получения результата в «помаранчевых» событиях был разыгран известный политехнологический сюжет, включающий несколько этапов.

Этап первый: создание образа врага (вообще) и персонализация его в сопернике по предвыборной борьбе. В тот момент враг выглядел следующим образом: русскоговорящий, неверующий в Бога, не вполне соответствующий европейским стандартам культуры поведения. Жил «враг» в промышленном, восточном регионе Украины, имел биографию с «темными пятнами» и бандитские наклонности. Показателен сюжет одной из информационных программ телеканала «1+1» «ТСН» (Телевизионная служба новостей). Сюжет был посвящен недавно открытому в Карпатах дому для туристов, хозяин которого – поп местного прихода – говорил в камеру о своих планах (естественно, на украинском языке, точнее, на одном из миксов украинского и близких территориально европейских языков – польского или венгерского): «Мы предлагаем не просто зеленый туризм, а туризм религиозный, духовный. Ждем в первую очередь представителей восточной Украины, ведь должен же кто-то, наконец, и там как-то поднимать культуру...».

Этап второй: соперник демонизируется, то есть позиционируется как абсолютно «плохой» герой, обладающий всеми возможными антикачествами в отношении тех, которые необходимы для героя нации. На эту роль безупречно подошел В. Янукович, не только представляющий интересы русскоязычного промышленного региона Украины, но и имеющего в биографии страницы, не вполне традиционные для политика такого уровня. Популярны плакаты тех дней изображали фото В. Ющенко, молодого солдата тогда еще советской армии, с автоматом на плече, с красивым лицом и развитым торсом; плакат сопровождался текстом: «Когда Ющенко служил в

армии, Янукович мотал свой второй срок. Ты бы доверил оружие уголовнику?». Более того, демонизированный соперник был представлен сразу в двух ипостасях – Л. Кучма, тогдашний президент, и его протеже В. Янукович. Это было не только логично, но и очень удобно – был не один, а два набора отрицательных черт, довольно разных и местами противоположных, но именно в силу этого ценных для политтехнологов, поскольку два «сатанинских набора» позволяли охватить большее поле для политического маневрирования.

Этап третий: на контрасте с демонизированным соперником – конструирование основного, доброго, настоящего героя – героя нации (в данном случае – В. Ющенко). Он выражает интересы украиноязычного региона страны и воплощает в себе все возможные положительные качества – преданность семье, религиозность, скромность потребностей, миролюбие, национальную традиционность во вкусах, культурность. Кроме того, он символичен – образ пасечника как нельзя более метко выражал философирующий скворородиновский дух Украины. Через эту метафорическую профориентацию кандидата в президенты тонко проводилась идея мессианского предназначения «героя нации»: если Скворода пишет о труде пчелы как об аллегории сути человека-труженика, человека, состоявшегося в универсуме, то кто же тогда стоит за персонажем пасечника! Создание из «героя нации» мессии было неожиданным для украинской ментальности, но удачным ходом «помаранчевых» сценаристов, сценаристов и в переносном, и в прямом смысле. Выход Ющенко на установленную на Майдане Незалежности сцену посреди освещенного оранжевыми огнями Крещатика сопровождался религиозным гимном и молитвой, как если бы это был выход самого Христа. Приветственная речь нового президента к участникам событий на Майдане пестрела теологическими включениями. Позже было также найдено и представлено народу на обозрение ключевое хобби нового президента-мессии: коллекционирование икон.

Этап четвертый: создание мессианских настроений в рядах приверженцев «героя нации» и возбуждение отвращения и личного неприятия по отношению к электорату (даже еще только возможному, потенциальному) демонизированного соперника; консолидация сил, поддерживающих героя нации на основе специально на этот случай предложенной идеи национального развития/возрождения.

Применение этого сюжета принесло желаемый результат. В. Ющенко стал президентом. Однако уже спустя полтора года после его триумфального восшествия на украинский политический и культурный (претензии были такие) Олимп аналитики заговорили о личной трагедии «героя нации» – слишком высоко была поднята планка в процессе героизации бу-

дущего президента, чтобы ее мог «взять» простой смертный. Тяжела ты, шапка Мономаха.

Проект «Блок Юлии Тимошенко»

Одним из условий успешности проекта «Нашей Украины» был его боевой союз с Блоком Юлии Тимошенко (БЮТ). Кроме того, что консолидация этих движений давала большие возможности каждому из них, как говорится, «списком» (и в буквальном и в переносном смысле), тандем Ющенко – Тимошенко создавал несравнимо большие возможности для раскрутки персональных имиджей каждого из этих двух политических персонажей. И если Ю. Тимошенко, обладая яркой харизмой, замечательно сильным характером, чрезвычайно привлекательной внешностью и ораторским талантом, была хотя бы относительно самодостаточной в плане построения имиджа, В. Ющенко для оттенения своего политического портрета непременно в ней нуждался. Настолько, что когда Ю. Тимошенко разорвала союз с «Нашей Украиной», это ускорило и разрушение созданного в период «помаранчевых» событий персонального имиджа В. Ющенко. Часть функций, которые обеспечивала Ю. Тимошенко – «боевая подруга», «настоящая леди», «законодательница мод», – были перепоручены жене президента, Катерине Ющенко, и к тому же несколько усилены публичным присутствием детей президента. Однако личность Ю. Тимошенко оказалась настолько особенной и органичной для определенной ей роли, что без ее присутствия имидж президента все же потерял свою не то что изюминку, а сердцевину.

К чести команды политтехнологов, работающих с Ю. Тимошенко, ее имидж не только не потерял от этого разрыва, а, напротив, обогатился и серьезно разогрел интерес избирателей.

Харизматичная, а также удивительно податливая к научению и аккуратная в выполнении всех необходимых для манипуляций сердцами и умами избирателей действий, Ю. Тимошенко на своем имидже вынесла команду (блок своего же имени) к вершинам политической власти. Приемы, которые используются Ю. Тимошенко и ее пиар-командой в работе, прописаны в учебниках по политтехнологиям, а не являются чем-то исключительно свежим. Однако именно аккуратность, последовательность, не сказать – методичность, с которой Ю. Тимошенко отрабатывает эти приемы, делает их чрезвычайно действенными.

Имеет смысл остановиться на некоторых из них.

Прием 1. Ю. Тимошенко никогда не оправдывается, она только наступая и обвиняет, даже когда факты или настроения однозначно против нее. У наступающего всегда выигрышная позиция, тогда как тот, кто вынужден

оправдываться, заведомо проигрывает. Кроме того, Тимошенко не ждет нападения, чтобы отбить его, а предпочитает тактику превентивных ударов.

Просится цитата: «Публика всегда предпочитает поверить хотя бы на 90% недосказанному разоблачению, чем опровержению, хотя бы оно было обосновано на все 100%».

Прием 2. Действует в соответствии с правилом «победителей не судят», использует любые средства на пути к победе – что само по себе свидетельствует о большой силе и решимости. Даже в периоды всеобщего замешательства и непроясненности целей она «знает, чего хочет», чем вызывает уважение и практически завораживает. Особенно это качество симпатично активным людям, не очень щепетильным в средствах достижения целей – несомненно полезное качество для представителей украинского бизнеса в его современном варианте.

Прием 3. Лжет и обещает несбыточное очень смело, от души, щедро, не мелочится. Снова-таки, в соответствии с учебниками и другими полезными источниками, автором одного из которых был Геббельс с его утверждением: «Чтобы в ложь поверили, она должна быть чудовищной... Чем наглее ложь, тем быстрее она распространяется».

Одним из замечательных эффектов такого именно подхода – «ложь не моргая» – является то, что разоблачить «игрока» практически невозможно. Если бы кто-то взялся за такое разоблачение, оказалось бы, что на правду «негде ступить», что перечисление всех неправильностей в высказываниях оказалось бы настолько длинным, что вызвало бы только отторжение у слушателей/зрителей и привело бы к обратному эффекту – они бы встали на защиту «несправедливо оклеветанной» героини. Что и происходит. Проникновенный человеческий образ «леди Ю.» и ее блестящая коммуникативная компетентность блокируют любые попытки оппонентов публично уличить ее во лжи. «Вас послушать, так она просто дракон какой-то,» – выступила на защиту «леди Ю.» участница одного из политических шоу Савика Шустера на украинском телевидении «Свобода слова».

Прием 4. Выступая публично, Тимошенко утоляет тоску людей по позитивному, по чему-то хорошему, доброму. Даже если совершенно ясно, что это иллюзия, истерзаный постоянным нагнетанием конфликтности в социуме человек хочет этому поверить, забыться, отдохнуть.

Для этого использует предрасположенность к вере в сказки, в чудо. Даже применяет типичные для сказки формулировки и строй, ритм предложений. «Вы хотите чудо? – спрашивает она (будучи премьер-министром, между прочим). – Будет вам чудо». Или, отвечая на вопрос о необходимых мерах в отношении какой-то практической проблемы: «Для этого надо собрать дочку, волшебную палочку... я думаю, мы это все соберем...».

Кроме того, много использует в речи метафоры, образы: «Вам килими (украинские ковры) постелю...», создает художественный образ, который отвлекает от фактического содержания ее речи. Логика в таком ряде кажется просто даже как-то и неуместной, как совсем другой жанр. Такая художественность придает сказанному своего рода художественную ценность самому по себе, безотносительно смысла. Кроме того, речь Тимошенко интонационно разнообразна, она умело использует модуляции голоса, следит за жестикуляцией и мимикой, вообще очень активно работает с подсознанием. Другими словами, предметом внимания в этой ситуации выступает сама оратор, а не предмет ее речи.

Эстетизм заметен и в рекламной продукции, подготовленной командой Тимошенко к парламентским выборам 2006 г. Очень нежно и свежо выглядели встречающие автомобилистов Киева «рушныки», натянутые между столбами поперек трасс. На белом фоне традиционный украинский черно-красный орнамент, тонкий и чрезвычайно изящный, и только при ближайшем рассмотрении видно, что соткан он из тысячекратно повторенных «Блок Юлии Тимошенко».

Прием 5. Использует гендерные стереотипы, близкие славянской культуре, спекулирует на них, позиционируя себя как слабую женщину, которую многие мужчины хотели засадить в тюрьму; мягкая, непротивящаяся, с кошой и теплым чистым взглядом.

Сильным приемом было впустить украинского обывателя в свой платяной шкаф. Подробности богатых туалетов леди Ю., доступные для всеобщего обозрения – это непобиваемый козырь на фоне массы властьпредержащих пиджаков, не всегда к тому же со вкусом подобранных. И никакие подсчеты оппонентов о дороговизне платьев не способны перебить любопытство обывателя и наслаждение от причастности к недостижимому, как и печальная строка-анекдот о тогдашнем премьер-министре Ю. Тимошенко: «Нужно было раздеть всю Украину, чтобы одеть одну Юлю». А в интернет-чатах тинейджеры всерьез обсуждают наличие или отсутствие у них персонально сексуального влечения к «коханке нации».

В тандеме Ющенко – Тимошенко ею была удачно выбрана роль «второго плана», всегда чуть позади мужчины, следуя за ним, помогая, не ропща, принимая на себя сложную часть работы. Даже когда тандем очевидно для всех перестал существовать, и очевидно для всех скорее по инициативе Ю. Тимошенко, чем президента, – и тогда она не изменила правилу и высказывалась в том смысле, что она только следует его, президента, пожеланиям и нуждам и готова, как и прежде, жертвенно отступать в его пользу от дивидендов, на которые вполне вправе претендовать.

Прием 6. Умело использует рефрейминг, переворачивание смысла посредством помещения высказывания в другой контекст, специально и умело

такой контекст конструирует: «усиление гривны» вместо «падения доллара», «борьба с контрабандой» вместо «уничтожения/игнорирования отечественного производителя».

Прием 7. Предлагает потребителю яркие детали, «фишки», смысловые, обязательно позитивные, легко связываемые с образом, привлекательные и запоминающиеся, а также легко воспроизводимые. К примеру, роза, прикрепленная на пиджаке на груди (и вот уже любая женщина с подобным украшением поневоле связывается в восприятии с Ю. Тимошенко и тем самым становится ее адептом), ленточки определенного, нагруженного политическим содержанием цвета в руках перед камерой, пресловутая коса, белые свитера и вообще светлая одежда, специфический и очень узнаваемый стиль/образ и др.

Кроме прочих выигрышей этот прием обеспечивает невозможность создания ее негативных изображений. Карикатурный образ, как правило, создается за счет использования нескольких ярких узнаваемых деталей, а детали имиджа Ю. Тимошенко настолько с ней срослись, что без их именно изображения она была бы неузнаваема. В то же время эти детали так позитивно нагружены, что самая злая карикатура превращается просто в стильное изображение («красоту ничем не испортишь»). В этом, возможно, состоит одно из предназначений всегда покрывающей ее голову косы.

Прием 8. Использует технику замаскированной конфликтности, механизм которой заключается в том, чтобы апеллировать к желаниям людей, а не к их потребностям.

Эти, далеко не все перечисленные приемы, используемые Ю. Тимошенко, создающие ее неповторимый имидж, характер, а также конкурентоспособные капиталы и умение договариваться, – вот что обеспечивает этому политику внимание и расположение украинского электората. Есть, правда, и оружие против этого «непобиваемого» воина – использование ее достоинств против нее же самой; возможно, слишком сильные воля к победе, нетерпение и спешка, азарт...

Самый успешный политический проект постсоветской Украины: В. Янукович / Партия регионов³⁸

В самый разгар предвыборной парламентской борьбы 2005–2006 гг. так называемые «помаранчевые» силы были еще относительно на плаву, и обвальное падение их авторитета многим казалось невозможным. Однако уже тогда на онлайн-овой «Политической бирже» акции Партии регионов – их основных политических оппонентов – продавались активнее других и были

³⁸ Черновик раздела был написан совместно с Ю.Б. Савельевым, кандидатом философских наук.

самыми дорогими. Партия регионов также лидировала по результатам социологических опросов. Хотя игроков на «Политической бирже» с учетом доступности Интернета для населения Украины было не так много в процентном соотношении и эта аудитория не являлась статистически репрезентативной, уже тогда можно было говорить о победе Партии регионов в политической борьбе за Украину.

Даже если бы Партия регионов получила более скромное количество голосов на парламентских выборах 2006 г., если бы на ее основе не сформировалось парламентское большинство, если бы ей пришлось уступить кресло премьер-министра – другими словами, если бы ее реальный рейтинг оказался не так высок, все же и тогда можно было бы говорить о ее победе и о том, что проект Партии регионов стал самым успешным постсоветским политическим проектом.

Успешность данного проекта состоит не только в количестве полученных на выборах голосов – хотя это и чрезвычайно показательный факт, а в том, что в ходе его реализации многочисленным соавторам проекта, независимо от их мотивов и изначальных целей и задач, удалось переломить ход социально-политического развития Украины настолько, что в определенном смысле можно говорить о завершении его постсоветского периода.

Можно предположить, что проект Партии регионов изначально задумывался с тривиальной целью политической репрезентации интересов донецкого бизнеса. Однако средства, найденные для его реализации, оказались настолько удачными и мощными, настолько удобными для осуществления целого комплекса задумок и целей других политических игроков, что в результате данный проект приобрел самостоятельную жизнь и стал новым и исключительным в своем роде явлением украинской действительности. Результатом этого коллективного сотворчества стала абсолютная и бесповоротная легитимация в Украине криминальных по происхождению власти и капитала.

Спецификой постсоветских стран с самого начала была нелегитимность элиты и глубокий тлеющий конфликт между нею и большинством населения страны, переживающим процесс стремительной пауперизации. Потому ключевой задачей для элиты было утверждение ее в качестве таковой, то есть легитимация.

Украинцы, воспитанные некогда на лозунгах «человек – это звучит гордо», хотя и ошеломленные надвинувшейся бедностью 1990-х – начала 2000-х гг., все же сохраняли за собой право ненавидеть и не признавать элиту, а значит, ставить под угрозу ее будущее. Однако легитимация элиты, при которой происходит пауперизация населения, означала бы принятие пауперами своего положения.

Ключевым моментом было создание и предложение избирателю необычного типа лидера. Им стал В. Янукович – политтехнологический аттрактор, который позволил не только превратить заурядную политическую партию в ведущую общественно-политическую силу, но и ввести в действие, более того, навязать украинскому обществу новые для него правила игры. Для новых правил был нужен нетрадиционный ход – вывести на сцену амбивалентную фигуру ущербно-притягательного лидера. Без такой фигуры ничего бы не получилось, уж слишком амбициозной была задача.

Почему кандадитом от партии власти на прошлых президентских выборах был выдвинут именно Янукович, а не другой персонаж, более подходящий по формальным признакам, было поначалу непонятно многим. С точки зрения «нормальной» классической политтехнологии поражение претендента с такой неподходящей для претендента биографией было неизбежным и предсказуемым. В контексте парламентской предвыборной кампании 2005 г. логика выбора кандадатом от Партии регионов Януковича стала более прозрачной. На президентских выборах основной задачей проекта была не победа, хотя она и была прекрасным бонусом. Основной задачей было подготовить почву для реализации главного проекта под почти бессмысленным названием «Партия регионов», и для этого этапа фигура В. Януковича была абсолютно необходима.

Его удивительно выросшая за столь короткий срок популярность и количество голосов избирателей стали неожиданным и парадоксальным результатом предвыборной кампании. С таким бекграундом президентами, как правило, не становятся, и превращение Януковича в одного из политических лидеров нации независимо от того, которого из двух кандидатов Центризбирком в итоге провозгласил президентом, явилось неожиданным и ошеломляющим успехом.

Этот успех, конечно, можно было бы приписать невероятно эффективной работе избирательного штаба, мобилизации СМИ, средствам донецкого бизнеса и «сочувствующих», административному ресурсу, но вопрос оставался открытым – при таком кандидате в президенты нельзя было быть уверенным в успехе. Почему же существовавший тогда режим – а Янукович был кандидатом именно от партии власти – пошел на такой риск? Было очевидно, что, будь на месте провластного кандадита, например, образованный и молодой С. Тегипко, у В. Ющенко не было бы особых шансов на победу. Раскручивать кандидатуру С. Тегипко команде политтехнологов было бы намного легче, чем кандидатуру В. Януковича, и ресурсов это потребовало бы меньше, и был бы желаемый результат.

Предположим, что Тегипко не мог стать кандидатом в президенты от партии власти, поскольку донецкий бизнес в силу некоторых причин имел решающий голос при принятии такого решения. Все равно, выбранная кан-

дидатура была далеко не оптимальной. Почему не остановили выбор, например, на импозантном В. Щербане? Образ прагматичного хозяйственника, заботящегося об экономическом процветании, подходил ему не меньше, и в свое время он тоже руководил Донецкой областью; еще в 1990-е гг. его рассматривали как серьезного претендента на пост премьера с президентскими амбициями. Можно было найти и другие кандидатуры. Но выбрали именно В. Януковича.

Конфликтная технология сыграла здесь решающую роль: благодаря фигуре В. Януковича раскол удался не только на основе различия этнической самоидентификации, но и на основе несоответствия нравственных норм, более того – цивилизационного конфликта.

Вызывает сомнение, можно ли вообще говорить о проекте Партии регионов в качестве самостоятельного или это только часть проекта, второй половиной которого является Блок «Наша Украина». Реально проект Партии регионов разворачивался в условиях противостояния НСНУ (партия Народный Союз Наша Украина), так что и рассматривать его имеет смысл в одной с ним системе. В пользу такой версии свидетельствует тот факт, что «раскрутка» этих двух проектов была взаимная: обе силы формировали свои «полки» на противостоянии друг другу. Для идентификации электората в качестве бело-голубых – приверженцев Партии регионов – нужны были «помаранчевые», и наоборот. Механизм – разделение на «своих» и «чужих» с тем, чтобы объединить «своих» вокруг определенной идеи или лидера. Поскольку идеи для объединения не было, основой для консолидации электората Партии регионов стало противостояние «помаранчевым». Лидеры проектов – В. Янукович и В. Ющенко – были позиционированы в отношении друг друга в абсолютном противопоставлении. Две противостоящие фигуры на авансцене, демонизируемые каждая в своем предельно пограничном амплуа. Манеры, стиль, внешность, провозглашаемые и «читаемые» в поведении принципы, биографии – все было представлено демонстративно противоположно. Показательно, что некоторые факты биографии В. Януковича, безусловно положительные, которые, казалось бы, добавили бы ему симпатии избирателей, к примеру строительство детских домов для сирот в Донбассе, – даже не упоминались в процессе «раскрутки», настолько важно было сохранить созданный для позиционирования этого лидера демонический образ.

В. Янукович действительно стал заметной и даже знаковой фигурой, вокруг него объединились и в нем персонифицировались чаяния огромной доли электората. Однако нужно было также, чтобы его признали лидером, несмотря на его криминальное прошлое. Такой перелом в общественном сознании произошел, криминальную биографию приняли. После этого все ограничения были сняты. Старушки бежали за ним с иконами в руках,

женщины стали находить его сексуальным, многотысячные толпы скандировали его имя. За этим стояло принятие частью населения Украины предложенных элитой правил в обмен на то, чтобы почувствовать единение и принять практически ее покровительство.

Один известный и уважаемый в Донбассе человек, который был доверенным лицом кандидата в президенты В. Януковича, сказал: «Ну и что, что он сидел? Сидел – значит знает жизнь». Речь идет о том «знании», которое в современной Украине позволяет быть «успешным». Это знание «нелицемерно и правдиво», и о нем впервые заговорили откровенно на официальном уровне. «Правда жизни» (даже если это ее симуляция) – великая сила, и она произвела впечатление на людей, многими из которых В. Янукович именно благодаря этой «правдивости» образа представляется как реальный человек, а не политик из телевизора, «говорящая голова». Он добился успеха в тех условиях, о которых все знают, – значит, это могут сделать и они. Кроме того, он не выглядел лучше их, умнее, моральнее, честнее, он не обладал особо изысканными манерами, на его фоне можно было не чувствовать себя ущербным. А именно эта нужда – не чувствовать себя ущербным – была нарочно обострена политтехнологией разлома Украины на так называемые «две Украины».

Создание образа патрона дало очень важный результат для парламентских выборов 2005 г.: общество (по крайней мере, определенная его часть) примирилось с тем, что богатство в стране приобретает незаконно, а следовательно, нельзя надеяться на справедливость. Если раньше слово «олигарх» имело негативный смысл и в устах украинских левых звучало практически ругательно, если олигархи вызывали неприязнь только потому, что они олигархи и общество отказывало им в праве быть богатыми за свой (общества) счет, то теперь не любят олигархов только из противоборствующего лагеря, а «своих» преданно поддерживают. В прошлом на парламентских выборах включение в партийный список людей, известных своим состоянием, угрожало резким падением популярности самой партии, теперь же это либо вообще не отражается на симпатиях избирателей, либо даже привлекает к ней внимание. После всего, что для избирателя было сказано о В. Януковиче на президентских выборах, кого может всерьез взволновать факт пребывания Р. Ахметова в первой десятке списка Партии регионов и в конце концов таки избрание его народным депутатом Украины? Вот оно, желанное признание и утверждение в правах и очень эффективный способ легитимации!

Независимо от того, кто на этапе предвыборной президентской кампании 2004 г. выступал в качестве основного режиссера проекта Партии регионов, где был центр принятия решений, можно говорить о его невероятной результативности.

Возможно, основным кукловодом кампании выступал тогдашний президент, лучший покерист Украины Л. Кучма. В этом случае Партия регионов и особенно ее лидер были идеальными кандидатами для того, чтобы держать открытыми сразу несколько возможностей развития событий в президентской избирательной кампании 2005 г.

Одной из таких возможностей была следующая: вывести сильную фигуру, но с такой биографией, чтобы в нужный момент ею можно было пожертвовать, причем так, чтобы для этого не надо было прикладывать усилий, чтобы это сделало само общественное мнение. Единственное, что требовалось от Кучмы в этом случае, – снять с Януковича свой патронат, который был настолько демонстративен, вызывал такое недоумение и возмущение, что практически обречен был быть снятым. Сильным местом этого сценария было то, что кандидата с такой старательно запятнанной биографией общество бы жалеть не стало, так что кукловод остался бы не только «чистым», но даже предстал бы как наконец уделивший должное внимание моральной стороне вопроса.

Это была также и потенциальная возможность провести к власти Ющенко: Янукович убирает других конкурентов как сильный хозяйственник, а в решающий момент Ющенко с аурой святого естественно его побивает. Для этой цели идеально подошел конструкт бандитов, который политтехнологи связали с Донецкой областью. В случае, если Янукович легально «обойдет» Ющенко в соревновании за президентское кресло, его можно будет «убрать с дороги» не по законам права, а по законам морали, по которой к тому моменту общество неизбежно истоскуется. Интересно, что в политике в то время широкое применение получил так называемый «закон революционной целесообразности», который в период прохождения к власти «оранжевой» команды мастерски использовала Тимошенко, а позже, начиная с 2007 г., – Ющенко на президентском посту³⁹.

Все время предвыборной кампании сохранялась возможность еще одного сценария, самого, вероятно, желанного для Л. Кучмы. Пока силы добра и зла (Ющенко-пасечник и коллекционер икон, с одной стороны, и Янукович с сомнительной биографией и списком спонсоров, а позднее партийцев-соратников – с другой) боролись насмерть за президентство (история с отравлением недвусмысленно намекала тем, кто еще не поверил, что в самом деле насмерть), общество истощалось нервно и требовало стабильности. «Пусть уже был бы и Кучма опять! Только не эта свара», – звучало на улицах.

³⁹ Именно такое «революционно целесообразное» применение президентом его полномочий заставило политических аналитиков говорить о необходимости юридической оценки действий президента.

Не менее интересные сценарии разворачивались бы, если бы центром принятия решений оказалась Москва.

Два основных кандидата были позиционированы как представители интересов так называемых «двух Украин», а сами эти интересы были представлены противоположными и непримиримыми. Таким образом, кандидатура Ющенко была абсолютно неприемлемой одной частью Украины, а кандидатура Януковича – другой. Это могло принести определенные бонусы Москве, если в самом деле допустить с ее стороны желание манипулировать Украиной, внутренне нестабильной, расколотой и предоставляющей невиданные ранее возможности манипуляций и поддержки конкурирующих сторон. При победе Януковича Украина столкнулась бы с непринятием его одиозно представленной фигуры Западом и, как следствие, с некоторым охлаждением Запада к Украине, и это могло бы заставить ее внимательнее прислушиваться к мнению России. В. Янукович был позиционирован как «враг» одновременно внешней – выразитель интересов России, и внутренней – русскоязычное население, сконцентрированное в Донбассе, несколько уступающее в культурном отношении населению западно-украинскому по позициям непринципиальным, но легко операционализируемым.

Конечно, возможные центры принятия решений не исчерпываются названными двумя. Возможно также, что эти два названных были не двумя, а на самом деле единым центром принятия решений. Независимо от того, кто в данном проекте выступил в роли кукловода, разыгранный сценарий имел несколько значимых для Украины последствий.

Первым замечательным результатом стала нейтрализация внутривнутриполитических конкурентов. Между двумя полюсами «святого» и «грешного», воплощенных основными кандидатами, остальные претенденты неизбежно оказывались невзрачными, невыразительными, полутональными и терялись в восприятии избирателя.

Другим значимым результатом стала «расправа» над левыми политическими силами в Украине. Партия регионов подняла на свои знамена левые лозунги, представив их более выразительно, чем те немногочисленные и вялые партии, которые декларативно претендовали на роль левого политического крыла. Коммунисты, левые больше на словах, чем на деле, «отдали» Партии регионов огромную часть своего электората, которая обещаниям КПУ (Коммунистической партии Украины) лучшей жизни в будущем, к тому же требованиям лично участвовать в построении этой лучшей жизни противопоставила непобиваемый лозунг «Улучшение Вашей жизни уже сегодня». Социалисты же, которые и не были особенно левыми, а, скорее, традиционно социалистическими в силу особенностей их электората (психологически еще советского), вынуждены были существенно корректировать

свои позиции вправо, переориентировавшись на «европейский социализм». Это их основной слоган гласил: «Построим Европу в Украине».

Механизм такой «расправы» над «левыми» оппонентами был следующий.

Шаг 1. Подходящим кандидатом (в данном случае – Янукович) связывается потенциально левый электорат – население промышленного восточно-украинского региона.

Шаг 2. Агрессивными действиями «врага» (представителей противоположного лагеря и в какой-то мере его электората) или имитацией таких действий цементируется эмоциональная связка Януковича и его электората. Другими словами, когда политики переходят на личности, люди начинают защищать «своего» политика как самих себя, оказываются лично и эмоционально вовлеченными.

Шаг 3. Выводятся на свет негативные качества кандидата, и, поскольку уже произошла своеобразная самоидентификация с ним представителей его электората, автоматически оказывается «опущенной» (термин из того же «романтического» «бандитского» лексикона, который был представлен в качестве аутентичного для восточной Украины) часть населения страны, представляющая его электорат. Примером тому могут служить предвыборные рекламные листовки в киевских подъездах (приносим глубочайшие извинения за цитируемое): «Не ссы в лифте – ты не из Донбасса». Разумеется, вместе с такой «подсказкой» относительно ожидаемого культурного и нравственного уровня представителей восточной Украины их политические предпочтения вызовут только отторжение.

Шаг 4. Точнее, не шаг, а этап, последствие, поскольку он происходит уже сам собой, без чьей-либо активной режиссуры. Возникает реакция почти истерического избегания попасть в так искусно сконструированную некультурную компанию у тех, кому по разным причинам – этнической или нравственно-культурной самоидентификации – претит социальная модель, эксплицитно несомая Януковичем. Этот этап заключается в цементировке электората единственно оставшегося политического соперника – В. Ющенко. Весь электорат автоматически оказывается правым.

Такой механизм действенен независимо от того, против какого именно политического направления он направлен, в данном случае это сыграло против украинских левых. В стране с таким падением производства и культуры, как это происходит последние годы в Украине, почва для левых идей слишком благодатна, оставлять их без внимания и профилактики было слишком опасно, особенно с учетом почти столетнего социалистического опыта Украины. А развеять их в рамках политической аргументации вряд ли возможно, поскольку питаются они не из аргументов, а из сферы чувств и повседневной практики выживания в сложных экономических условиях. Кроме того,

публично полемизируя с левыми, их оппоненты невольно привлекли бы к ним и их идеям внимание избирателей, что отвлекло бы избирателей от них самих и популяризировало бы нежелательные идеи. Поскольку КПУ при всей ее непоследовательности и популизме все же в тот период была единственной заметной политической силой, делающей ставку на левую идеологию, что в ситуации идеологического вакуума неизбежно усиливало ее позиции, игнорировать ее было невозможно.

Связать левые и правые настроения в обществе некоторыми яркими противоположными культурно-духовными образцами поведения так, чтобы левые оказались воплощением культурно неприемлемой модели было практически единственной возможностью провести надежную профилактику левых настроений в обществе, не привлекая к этому внимания и замаскировав идеологическую суть процесса.

В результате реализации проекта Партии регионов были достигнуты также и другие перспективные цели, может, и непрограммируемые изначально, но тем не менее очень важные – своего рода дивиденды, бонусы, которые оказались даже более весомыми для украинского общества, чем то, на чем они «наросли».

Один такой результат – своеобразное очищение кандидата через проведение его к власти легитимным путем. Если общество не против «такой» представительной власти, если оно приняло политика с неприемлемой биографией и, возможно, жизненной позицией, то кто из политических оппонентов может теперь пенять ему и списку, тянущемуся за ним, по поводу фактов биографии и вообще чего угодно? Это закалило общество на принятие сложных сюжетов и стало своего рода растлением, лишением общества нравственной невинности. Общество оказалось повязанным круговой порукой – снова-таки по законам «бандитского» жанра. Если криминал легализован демократическим путем – через выборы, против него нет легального оружия.

Интересен также психологический эффект от прихода В. Януковича и Партии регионов к власти. Фрустрация, неизбежно овладевшая многими украинцами на почве падения уровня жизни и нравов, от невозможности соответствовать собственным нравственным принципам благодаря общему характеру Партии регионов и фигуре ее лидера преодолевается. Ведь такой «проблемный» персонаж стал все же крупной знаковой фигурой в политике, воплощением чаяний и порывов «простого человека», неуспешного и задавленного обстоятельствами. Фрустрационная боль и неизбежная самоагрессия, сопровождающие невозможность в силу падения уровня жизни и культуры соответствовать собственным же культурным идеалам, оказались преодоленными, и наступило своеобразное облегчение и просветление. То, что Ю. Тимошенко старательно и весьма успешно «навала» харак-

терно поставленной речью – и содержательно, и паралингвистически, – В. Янукович сделал одним своим присутствием на социальной, а не только уже на политической сцене, и даже более того – на социальном и политическом олимпе. Он тоже, как и В. Ющенко, оказался мессией, но другого полюса, ницшеанским перевертышем, таким карманным Воландом, в последней главе перевоплотившимся в восприятии читателя в восстающего из пепла демиурга.

Таким образом, в рамках проекта В. Янукович/Партия регионов была успешно внедрена модель десакрализации власти, благодаря чему стала возможной легитимация украинской элиты нового типа. Никто теперь не строил иллюзий в отношении властьпредержащих, и они сами не претендовали на сакральный статус. Открыто была предложена сделка: вы становитесь нашими клиентами (избирателями), а мы вам покровительствуем. В этом и состояла сила Партии регионов – в ситуации всеобщего разочарования от лжи и взаимных обвинений в непорядочности на вершине украинского политикума они сказали о себе правду, не всегда лицеприятную. Что, кстати, очень любопытно – они практически не нападали публично на своих оппонентов, в то время как последние строили свою тактику почти исключительно на обвинениях в их адрес.

В отличие от Партии регионов проект Наша Украина и В. Ющенко оказались персонально более уязвимыми, поскольку апеллировали к сакральному предназначению власти. Этот ресурс был исчерпан уже во время «оранжевой революции» и на ранних этапах деятельности новой команды. Сакральный образ в политике обходится очень дорого, его можно сохранять, например, когда носишь один френч, ешь рис из одной чашки с крестьянами и пишешь стихи о революции; другие ресурсы сакральности очень ненадежны.

Десакрализованная власть и популярные олигархи, которые заботятся о своих крестьянах, – вот сегодняшняя политическая украинская реальность. Российские олигархи, к примеру, могли бы об этом только мечтать. В. Путин был вынужден поддерживать свой образ мачо, борясь с террористами и олигархами, а также демонстрируя дружбу на короткой ноге с мировыми лидерами. Путина – финансового директора Госпрома – Россия бы не приняла. Могущественный президент России зависит как простой смертный от российского народа, который хочет видеть в нем только героя, и нуждается в постоянной подпитке пошатнувшегося имперского самолюбия претензиями на сакральность.

Украинской элите теперь такие вызовы не страшны. Она уверенно идет по пути клиентизации своего избирателя. Для клиента не важны понятия свободы и справедливости, клиент не будет бороться против системы, он безопасен. Единственная угроза с его стороны – желание поменять патрона. Но без патрона он существовать не может. Элите нужно будет лишь забо-

титься о том, чтобы в наличии всегда имелся достаточный выбор потенциальных патронов. Благодаря проекту Янукович/Партия регионов украинская элита успешно завершила процесс легитимации. А это значит, что постсоветская эпоха пришла к своему концу.

На этом фоне победа одного или другого кандидата на президентских выборах не имела большого значения. Более того, приход к власти команды, взывавшей к высшим ценностям и не сумевшей доказать, что она существенно отличается от предшествующего режима, окончательно дискредитировал идею чистой сакральной власти. Партия регионов не предлагала новые идеи, идеалы, ценности, перспективы развития. Ничего отвлеченного. Тактика ее была предельно прагматична. В многочисленных рекламных роликах было заложено одно – единственное послание избирателям: станьте нашими клиентами, потому что мы – более сильный, надежный, успешный патрон, а значит будем заботиться о вас – наших клиентах – лучше. Образ «братвы», «сильных ребят», «настоящих», имеющих свои «понятия», чтобы «жить по ним» (а не просто говорить), понятия, отличные от официальных, но все же представляющие своеобразные идеи справедливости и чести, как нельзя более подходят именно для роли патронов общества. Сомнительные моменты биографий, криминальное происхождение капиталов, далекие от идеальных манеры первых лидеров, – все эти факторы, безусловно, негативные в глазах избирателей, в данном случае оказались преимуществом исключительным и пикантным настолько, что имидж Партии регионов оказался свежим, исключительным и впечатляющим.

Потому позиция Партии регионов и сегодня так прочна. Она предлагает именно то, что от нее ожидают, а не занимается, как другие партии и проекты, созданием привлекательных идеализированных образов своих лидеров.

Система политического манипулирования: симулякры науки и политическая реальность

Подводя итоги, имеет смысл привести в некоторую систему политическое проектирование, как оно представлено в современной Украине.

Для этой цели применимы разные концептуальные модели, каждая из которых наверняка обладает определенным преимуществом перед другими. Однако мы используем теорию, созданную некогда специально для анализа возможностей манипулирования поведением человека. Так называемая пирамида Маслоу [Maslow, A., 1970], выросшая в середине XX в. меж двух наук, озадаченных в то время проблемой мотивации человека – психологии и социологии, – дает возможность наглядно продемонстрировать систему «утрачки» теснящихся политических проектов на поле 100% голосов избирателей – увы, ни процентом более!

Конечно, эта известная схема слишком упрощает живую, динамичную социально-политическую реальность. Однако существуют как гносеологические, так и практические причины, дающие основания считать эту схему достаточно подходящей для данной задачи.

Во-первых, в науке нередки случаи, когда теоретическая система, какой бы несовершенной она ни была, все же отражает существенные аспекты практики и позволяет результативно применять, казалось бы, далекие от действительности конструкты. В этой связи вспоминается фраза одного из то ли критиков, то ли адептов психоанализа: «фрейдизм, конечно, теоретически более чем критикуемая система, однако практически она работает!».

Во-вторых, для манипулирования настроениями избирателей одной из первейших задач политтехнологов является упрощение, а точнее говоря, примитивизация восприятия человека, схематизация сознания, приведение социума в искусственно перестраивающиеся системы социальных групп, произвольно моделируемых на основании тех или иных предложенных политтехнологами групповых идентификационных признаков. Попросту говоря, для того, чтобы манипулировать электоральным поведением, необходимо примитивизировать, схематизировать сознание избирателя, так что описание системы такого манипулирования при помощи схемы как раз довольно точно отражает действительность.

Итак, следуя простейшему и популярнейшему изложению концепции Маслоу, человеческие потребности можно условно сгруппировать в довольно четко различаемые типы и выстроить их в определенную схему, отражающую порядок активизации и удовлетворения потребностей различных типов.

Первый уровень составляют так называемые физиологические потребности – в пище, воде, воздухе, отдыхе и т.д., которые можно в преломлении к условиям труда и обеспечения жизнедеятельности сформулировать примерно следующим образом: потребность в подходящих режиме и гигиене труда и общей жизнедеятельности; к примеру, необходимый режим отдыха, в том числе сна, уровень освещения, доступности свежего воздуха, физиологически приемлемое положение тела и достаточное количество движения и т.д.

Второй уровень составляют потребности в безопасности, которые в социально-политической сфере выглядят как потребности в социальной и политической стабильности, практической реализации права на жизнь и здоровье, системе социальных гарантий, наличие базовых условий для жизни человека в социуме, таких как хотя бы сносно и стабильно оплачиваемая работа, доступное медицинское обслуживание, наличие удовлетворительного жилья, возможности получения образования, вообще потребность в стабильности своего жизненного пространства.

Третий уровень Маслоу связывает с потребностями общения, принятия человека другими людьми и обществом в целом. На этом уровне социально-политические аспекты представлены как избегание конфликтных ситуаций, приводящих в социум раскол, необходимость отнесения себя к определенной социальной группе, т.е. потребность в социальной самоидентификации и принятии социумом, потребность в понимании и принятии политической позиции и т.д.

Три названные группы потребностей Маслоу условно объединяет в так называемый базовый уровень всей системы человеческих потребностей, в отличие от второго, так называемого «высшего» уровня потребностей, в который объединены потребности престижа и потребности самоактуализации.

Уровень престижа можно представить как потребность выделиться «в общей массе» других людей, иметь свою, отличную позицию, более глубокий, возможно, уровень понимания происходящих процессов, жажду определенного, далеко не обязательно материального, вознаграждения за выдающиеся на фоне социальной группы, к которой принадлежит человек, способности и навыки и пр.

Последний выделяемый Маслоу уровень – самоактуализации – составляет, обобщенно говоря, потребность созидания и привнесения в мир большего порядка, даже и ценой собственного благополучия.

Согласно этой концепции, воздействуя на потребности того или иного уровня, можно мотивировать человека или группы людей на определенные действия. Если нужная для манипуляции потребность не актуальна сейчас, она может быть искусственно актуализирована – для этого разработаны специальные манипулятивные технологии, среди которых политические достигли наивысших вершин результативности, заменив собой практически до основания политику как таковую.

Очень важным для нас является развитие теории мотивации А. Маслоу его последователями. Одно из существенных уточнений состоит в том, что в зависимости от уровня мотивации, наиболее актуальными для человека, действенными оказываются разные, даже противоположные, механизмы воздействия на него. Так, если активизированы потребности базового уровня, то разнообразные поощрения не изменяют практически поведение человека или группы, в то время как система наказаний и прочих ущемлений и сужений возможностей приносит желаемый результат. Противоположна ситуация при активизированном «высшем» мотивационном уровне – здесь как раз не результативны методы ущемления, они, скорее, вызывают протест и окончательно демотивируют, в то время как поощрения стимулируют к действиям в определенном направлении. Такое воздействие на «высший» мотивационный уровень нельзя в строгом смысле назвать манипуляцией, ско-

рее – предугадыванием поведения; однако результат остается результатом: возможно смоделировать ситуацию, в которой поведение будет стимулировано в необходимом социополиттехнологу направлении.

Возвращаясь к манипулированию электоральными предпочтениями украинцев, можно следующим образом представить передел влияния со стороны политических партий и проектов на умы и чувства избирателей.

Самая большая фракция первых двух созывов украинского парламента – фракция КПУ – традиционно располагала электоратом с актуализированной потребностью в безопасности: электорат КПУ составляли в основном пенсионеры и другие наиболее социально уязвимые слои населения, а также идеологически убежденные, иногда до фанатизма, сторонники коммунистической идеологии в основном, опять же, из рядов пенсионеров. Уровень безопасности – самый удобный для манипуляций, результативный и экономный – лакомое поле для любой политической силы; вопрос только в том, что поместиться на нем всем невозможно, и победит тот, кто наиболее точно воздействует на наиболее чувствительные болевые точки избирателя. В то время как в актуализации высшего (по Маслоу) уровня коммунистам могли составить конкуренцию только националисты, которые также имеют выраженную идеологическую составляющую.

На поле базовых потребностей, прежде всего потребности в безопасности, в 2006 г. на очередных парламентских выборах коммунистов серьезно потеснила Партия регионов. Фрустрирующие ролики пугали натурализмом надвинувшейся нищеты, демонстрировали социальное неблагополучие, бездомность, чаще всего – старушек с протянутыми за милостыней трясущимися руками, роющихся по мусорным бакам. В противовес коммунистам, традиционно делавшим ставку на идеологию, то есть согласно принятой нами схеме – завышая мотивационные ожидания, призывая к свершениям, – регионалы переместили акценты на безысходность и отчаянный страх людей потерять хотя бы немного нажитое. Первая фраза, открывавшая серию рекламных роликов Партии регионов, апеллировала к каждому и заставляла обернуться к экрану телевизора: «Мы все надеялись на лучшее...». А затем – внедрение в сознание отчаяния и состояния безысходности, невербализованный, но совершенно однозначный месседж: «...а оно как получилось... и не ждите, и не надейтесь... напрасно». Почему на этом уровне регионалы победили коммунистов? Потому что социальная активность при таком мотивационном уровне затруднена в силу общей фрустрации потребностей более высокого уровня, а вот форсированное запугивание возможностью и близостью еще больших негараздов бьет человека с маленьким и ненадежным доходом, как говорится, «ниже пояса».

На том же поле – потребности в безопасности – играла и Н. Витренко, однако особых шансов отобрать голоса у такой силы, как Партия Регионов, у

нее не было, особенно с учетом периодического распыления ее приверженцев со стороны КПУ. Особенностью рекламной кампании Витренко было маневрирование на грани физиологизма, то есть, по нашей схеме, первого уровня пирамиды потребностей. Этот уровень крайне неудобен для манипуляций, поскольку телесная фрустрация гасит активность сознания, хотя, умело маневрируя, все же можно удержаться на тонкой грани и получить свою долю внимания электората. Показателен в этом свете выбор сюжета одного из роликов партии Витренко: сцена изнасилования в машине и нежелание милиции вмешаться в происходящее, поскольку машина милиции знакома – ее хозяин принадлежит к «сильным мира сего». Стоит отметить, что именно на грани физиологического уровня потребностей оказывается действенным такой примитивный прием, как подкуп избирателей продуктовыми наборами.

На поле социальных потребностей развернулся Блок Юлии Тимошенко. «Коханка нации», своя везде и «в доску», миролюбивая (даже при явном и жесточайшем противостоянии Ющенко демонстрирующая приверженность и даже личную – по-женски – подчиненность ему), верная и милая, входящая в каждый дом с миром на устах и впустившая всю Украину в свою примерочную, оголившая бьющееся сердце для всеобщего обозрения, законодательница мод и милашка, несущая в теплых ладошках нежный росток с горсткой земли, нежная дочь, сбегаящая на свой день рождения из столичной суеты в скромную днепропетровскую квартирку к родителям, Тимошенко личным имиджем закрывает ведомый ею к власти внушительный список имен и капиталов.

На этом же уровне попытался устроиться Народный Блок Литвина, однако заметным недостатком рекламной его кампании было желание стать своим в любой социальной среде, освоить слишком широкое электоральное поле. «Я бы с ним выпил», – говорит в рекламном ролике дворник со спитым лицом. В другом рекламном ролике женщины находят Литвина сексуальным. С бигбордов смотрят в поддержку Литвина молодые одухотворенные лица 60-х гг.; явная постановочность фото делает его неубедительным. К тому же лучшие (самые дорогие) среди всего украинского политикума костюмы и галстуки Литвина слишком контрастировали с заявленными в рекламе претензиями близости к народу. В попытке охватить все возможные электоральные слои реклама Блока Литвина оказалась и содержательно, и количественно избыточной.

Уровень престижа по пирамиде Маслоу поделили Социалистическая партия Украины (СПУ) и Блок Наша Украина, акцентировавшие европейский выбор Украины. Ключевой слоган украинских социалистов (к которому мы постоянно в данном тексте апеллируем) в кампании 2006 г.: «Построим Европу в Украине», демонстративно европеизированный лидер со-

циалистов А. Мороз, разрекламированный факт приема СПУ в социнтерн – все это призвано было убедить избирателя, что и мы «не лыком шиты», играло на потребности людей быть хоть как-то выше обстоятельств и социальной неустроенности, быть причастными к благополучному (безусловно, идеализированному) миру Европы.

Народный союз Наша Украина не предлагал украинскому народу строить Европу, а обещал неременное и скорое вступление Украины в Европейский Союз и НАТО. Претензии на лидерство в деле национального возрождения, на исключительную духовность и культурную рафинированность – «престижный» набор, были поддержаны со стороны наивысшего мотивационного уровня – уровня самоактуализации, националистической идеологии. Вообще наличие идеологии само по себе несло определенные выгоды политическим акторам, поскольку лишь единицы могли похвастаться вообще просто ее наличием.

Куда в этой ситуации было деваться коммунистам? Они вынуждены были отступить на последний и единственный плацдарм, который не может занять ни одна другая партия, кроме разве что националистических в силу необходимости наличия узнаваемой и сильной идеи. КПУ отступила на самый сложный и практически безнадежный для манипуляций мотивационный уровень – уровень самоактуализации. Несколько выручило их то, что они и не пытались особо манипулировать – то ли по идейным соображениям, то ли по относительной (в сравнении с другими игроками предвыборной кампании) скудости средств. Рекламная кампания КПУ была непоследовательной и моментами крайне неудачной, включая основной слоган: «Настало время Че», подписывающий на рекламных плакатах известную фотографию Че Гевары. Надо все же отметить, что видеоролики КПУ были неожиданными и свежими и привлекли внимание. «Совершенно авангардная реклама у коммунистов», – писал автор статьи о рекламных кампаниях партий в одной из национальных газет. Слоган: «Гении разделяют наши взгляды» сопровождал ролики с пламенными стихами Пабло Неруды, оживающими под кистью известными полотнами Пабло Пикассо, перспективами площадей, созданных еще одним великим «левым» – Диего Сикейросом. Эти ролики вызвали протест и возмущение старой гвардии приверженцев КПУ, однако привлекли к КПУ определенное количество если не голосов, то хотя бы внимания молодежи. Не обошлось и без анекдотичных казусов: к числу гениев, разделяющих коммунистические убеждения, был почему-то отнесен Тарас Шевченко.

Другой рекламный слоган КПУ: «Голосуй за коммунистов – это круто!» поставил под сомнение автор политического шоу на канале «1+1» В. Пиховшек и получил совершенно ошеломительный в свете известного всем стремительного падения рейтинга КПУ ответ: в интерактивном опросе телезри-

телей «Действительно ли это круто – голосовать за коммунистов?» «Да» сказали 69 % позвонивших.

На фоне негативной и только социального содержания рекламы других партий ставка КПУ на исключительно позитивное и величественное принесла свои плоды. Автор уже упоминавшейся газетной статьи, презрительно ругая лидеров КПУ, противопоставлял им героя одного из роликов – П. Неруду, рассказывая, какой невероятной самоотверженностью и духовной силой обладал этот человек. Предполагая высмеять лидеров КПУ, и без того крайне непопулярных даже и в самой партии, автор на деле популяризировал коммунистическую идею и личностные особенности «настоящих коммунистов» (цитата). Если не учитывать болезненной реакции лидеров КПУ на такой поворот воздействия их рекламы, этот именно рекламный ход их кампании можно было назвать исключительно удачным.

Остальные партии, занявшие не столь строго очерченные мотивационные ниши, набрали мизерное количество голосов и не прошли в парламент.

Можно считать случайностью, но лучше все же принять во внимание и поискать причины удивительного совпадения процентного соотношения голосов, полученных партиями, преодолевшими 3% барьер и прошедшими в украинский парламент пятого созыва, и расположением партий на пирамиде Маслоу в соответствии с их ставками в избирательных кампаниях на тот или иной уровень мотивации потенциального электората.

**РАЗДЕЛ 3.
ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(Е. Грицай)**

ЧАСТЬ 1. УКРАИНЕЦ И ДРУГОЙ В УКРАИНЕ

Концепт Другого и национальная идентичность украинцев

А был ли мальчик?

В чем же заключается ядро национальной идентичности украинцев, каков основной идентификационный принцип украинской нации?

В книге, посвященной национальным идентичностям в Украине, России и Польше, ее автор Илья Призер сравнивает Украину – нацию, по его словам, «неисторическую» – с так называемыми «историческими нациями» – Россией и Польшей и считает, что в отличие от них Украина никогда не имела своей сознательной⁴⁰ политической элиты, языка и коллективной национальной памяти. Призер пишет: «Украина, вместе со Словакией и Беларусью, впала в определение национализма через определение “другого”»⁴¹ [Prizer I., 1998, p. 301]. Ссылаясь на Ивана Рудницкого и разделяя его точку зрения, что история украинской нации представляет собой прерывания и неоднородность («interruptions and discontinuity»), автор настаивает: политическая самоидентификация появилась в Украине в самом конце XIX в., а в качестве основных факторов, задержавших формирование нации и национального самосознания, выступили

⁴⁰ Из контекста понятно, что «сознательная» в данном случае понимается как последовательная и верная провозглашаемым ею идеалам.

⁴¹ «Ukraine, along with Slovakia and Belarus failed to define nationalism in terms of their nations against the “other”».

татаро-монгольское иго и многовековое доминирование на украинских территориях России и Польши. Автор отмечает специфику украинской нации – прерывание собственных традиций и, таким образом, сломы национальной памяти и постоянное пресекание национальных корней: «Независимое украинское государство 1917 г. не наследовало ни Козацкого Гетманата XVII века, ни Сечь, в еще меньшей степени Киевскую Русь... Суть украинской государственности неоднократно изобреталась заново»⁴² [Prizer I., 1998, p. 301]. Такое прерывание национальной истории – не исключительно грех большевистской власти, а повторяющаяся в истории Украины тенденция: «...Козаки... имели мало общего с Киевской Русью. Украинских интеллектуалов, основавших украинскую идентичность в середине девятнадцатого столетия, немного объединяло с козацким духом и абсолютно ничего с Киевской Русью»⁴³ [Prizer I., 1998, p. 302].

Призер считает, что наделение украинских элит привилегиями с польского и русского «царского плеча» и, таким образом, коренное размежевание «народа» (крестьянства, по сути) и элит затрудняло для украинцев отличие себя в качестве нации и тормозило формирование единого украинского языка. «Малоросы» – термин, употребленный в опубликованной в начале XIX в. «Истории Русов» в отношении украинцев, был принят самими украинцами и закрепил в качестве самоидентификационного принципа украинской нации использование концепта «Другого».

На основании текста Призера можно сделать вывод, что Другой сыграл для украинцев двоякую роль: во-первых, выступил самоидентификационным концептом, во-вторых, разделил нацию по классовому признаку. Другими словами, «собственная» украинская элита традиционно противопоставляла себя «народной массе», являясь «провайдером» политики соседних «исторических наций», а значит, не могла исполнять консолидирующей роли и в принципе считаться национальной элитой. Украинство как таковое оказалось укорененным не в сферах деятельности элит, а в сфере народной (крестьянской) жизни, порождая в результате определенный тип национального самосознания. Эрнест Геллнер отмечает феномен доминирования крестьянского типа культуры, в том числе и в деле национальной самоидентификации, в сравнении с культурой индустриальной и называет в качестве одного из основных принципов национальной самоидентификации «картофельный принцип» («Potato Principle») – в буквальном смысле «уко-

⁴² «The independent Ukrainian state of 1917 wa heir to neither the 17th century Cossack Hetmanate no Sich, much less to Kyevan Rus; thus the essence of Ukrainian statehood had to repeatedly reinvent itself».

⁴³ «... The Cossacks... had little in common with Kyevan-Rus. The Ukrainian intellectuals who founded Ukrainian identity in the mid nineteenth century had few link to the Cossacks host and absolutely none to Kyevan Rus».

ренность» национального самосознания в крестьянство и превалирование в националистической идеологии идеалов культуры, свойственной соответствующей («крестьянской») эпохе в развитии данной нации [Gellner, 1992, p. 251].

В книге «Советский народ: политика, урбанизация и изменение идентификации в Украинской ССР в 1923–1934» Д. Либер приводит любопытную цитату из докладной записки аналитика Отдела политического шпионажа Министерства иностранных дел Великобритании, представленной им Военному Правительству в 1918 г. Записка была посвящена национальной самоидентификации украинцев:

«Сельские жители говорят на малороссийском диалекте; маленькая группа националистически настроенной интеллигенции заявляет об отличии украинской идентификации от идентификации представителей Великороссии. Однако вопрос о существовании такой национальности обычно обсуждается в категориях, в которых он не может быть решен. Если бы спросили обычного украинского крестьянина о его национальности, он ответил бы, что он православный; если бы нажали на него с вопросом, является ли он великороссом, поляком или украинцем, он бы, возможно, ответил, что он крестьянин; и если бы кто-то продолжал выпрашивать, на каком языке он говорит, он бы сказал, что говорит на «местном языке». Кто-то, возможно, предложил бы ему назвать свою национальность соответствующим образом и сказать, что он «русский», однако такое заявление было бы большой нагрузкой для украинца; он просто не мыслит о национальности в категориях, привычных интеллигенции. Снова-таки, если кто-то попытается узнать, к какому государству он себя относит – хочет ли он быть под правлением Всероссийским, или же отдельным Украинским правительством, – он бы узнал, что он (крестьянин) считает, что все правительства плохи и только мешают и что было бы лучше, если бы они оставили «простой народ» в покое. Все крупные землевладельцы и практически все христианское население городов говорит либо на польском, либо на русском... Как правило, стоит украинскому крестьянину покинуть свое деревенское сообщество, как он утрачивает свои провинциальные особенности и свой диалект. Большинство чиновников, школьных учителей и священников говорят по-русски, однако почти все они украинцы по рождению. Даже отправляясь в города в качестве неквалифицированной рабочей силы, украинский крестьянин превращается в великоросса... Украинская национальность крестьянина в Украине является в определенной мере лингвистическим конструктом, однако базируется он в основном на глубоком классовом чувстве крестьянина... которое объединяет его с его сельской общиной»⁴⁴ [Liber, 1992, p. 4].

⁴⁴ «The peasants speak the Little Russian dialect; a small group of nationalist intelligentsia now professes a Ukrainian identity distinct from the Great Russians. Whether such a na-

На основании доклада британского офицера Либера делает вывод: «Крестьянин не мог позиционировать себя четко и только в отношении себя самого. Если на него надавить, он мог бы представить свои ощущения, лишь упоминая чужестранца... если бы его спросить о критериях различия между украинцами и русскими, он бы разделил людей на две категории: “мы” и “они”»⁴⁵. Другое слово для «мы» было «тутешни», а также «малороссы» [Liber G., 1992, p. 25].

Кто же были те «они», в отношении которых совершалась в основном самоидентификация сельского жителя Украины (приведенные выше данные относятся к периоду 1917–1921 гг.)? Прежде всего городское население, как ясно из приведенной выше цитаты, русскоязычное даже в том случае, если житель города был выходцем из села и со временем освоил иной стиль жизни и приобрел новые языковые привычки. То есть для крестьянина городские жители, пусть и выходцы из села в прошлом, не воспринимались как соотечественники, не были украинцами. Отвлекаясь от исследования Либера, добавим, что до последнего времени (до начала постсоветского периода, по крайней мере, когда украинское село еще было относительно житочным и самостоятельным) там сохранялось слово «городяны», которым местные жители называли даже близких родственников – своих детей,

tionality exists is usually discussed in terms in which the question can receive no answer. Were one to ask the average peasant in the Ukraine his nationality, he would answer that he is Greek Orthodox; if pressed to say whether he is a Great Russian, a Pole, or an Ukrainian, he would probably reply that he is a peasant; and if one insisted on knowing what language he spoke, he would say that he talked “the local tong”. One might perhaps get him to call himself that he is russki, but this declaration would hardly prejudge the question of a ukrainian relationship; he simply does not think of nationality in the terms of familiar to intelligentsia. Again, if one tried to find out to what state he desires to belong – whether he wants to be ruled by an All-Russian, or a separate Ukrainian government – one would find that in his opinion all governments are alike are a nuisance, and it would be best if the “Christian peasant-folk” were left to themselves. All the big land-owners and practically the entire Christian population of the towns speak either Polish or Great Russian... As a rule it sufficed fro the Ukrainian peasant to leave his village community in order to lose his marked provincial peculiarities and his dialect. The largest part of the bureaucrats and the school teachers and priests speak Great Russian though they are very largely Ukrainians by birth. Even when going as unskilled labourers to the towns the Ukrainian peasants changed into Great Russians... The Ukrainian nationality of the peasant in the Ukraine is linguistic to some extent, but it rests mainly on the intense class consciousness of the peasant, on the herd instinct which he feels within his village community and within his social class».

⁴⁵ «The peasant could not articulate his views in isolation and only in reference to himself. If pressed, he could present his perceptions only in reference to strangers... when asked what his criteria were in differentiating between Ukrainians and Russians, would... divide people into two categories: “us” and “them”».

братьев, живущих теперь в городе и наезжающих в село погостить, помочь на огороде и, конечно, увезти с собой часть произведенных родственниками продуктов.

Кроме языкового и культурного отличия горожане представлялись украинскому крестьянину как чужаки, осуществлявшие над ним политический и экономический контроль, так что противопоставление «мы/они» пролегало для крестьянина в сфере властных отношений: «мы» – деревенские и бессильные, «они» – городские и властьпредержащие. Это была не только абстрактная государственная власть; прежде всего это была непосредственно и крайне болезненно ощутимая крестьянином власть над продуктами его труда: «Они (крестьяне) быстро сообразили, что конфликт между ними и чужаками был на самом деле борьбой за контроль над продуктами, которые они выращивали»⁴⁶ [Liber G., 1992, p. 6].

Восприятию городского населения как «русского» в отличие от украинского способствовало также то, что в большей мере население городов составляли выходцы из России: те, кто «не мог поехать в село навестить родственников», то есть был по определению исключен из местной (читай: украинской) общины.

Либер указывает также психологический фактор данного разделения, который нельзя недооценивать, в особенности для понимания не просто различия, а напряженно-недоверчивого, часто недоброжелательного отношения к чужим, не украинцам: «В добавок к религии, языку, стилю жизни именно бесправность была основными психологическими узлами, объединявшими его (украинца) с соседями и родственниками в селе»⁴⁷ [Liber G., 1992, p. 5].

Из цитат и фактов, приводимых Либером в его книге, совершенно очевидно смешение в самоидентификации украинцев в указанный период социально-стратификационной (классовой) и национальной составляющих. Либер отмечает, что в процессе «борьбы между производившими продукты питания «местными» (украинцами) и потребителями продуктов «чужими» (русскими, евреями, немцами, поляками и большевиками)»⁴⁸ происходила кристаллизация национального сознания украинцев, создавая базу для принятия ими националистических идей, разрабатываемых интеллигенцией. Классовая составляющая в самоидентификации украинцев в указанный период представляется даже более мощной, тогда как национальная

⁴⁶ «They quickly perceived that the conflict between themselves and these strangers was a struggle to control the food they grew».

⁴⁷ «In addition to his religion, language and way of life, powerless was the primary psychological bond he shared with his neighbors and kinsmen in the countryside».

⁴⁸ «struggle between the food producing “natives” (the Ukrainians) and the food-consuming “outsiders” (the Russians, Germans, Poles, and Bolsheviks)».

возникает, скорее, как следствие, результат давления – требования использовать ее при самоидентификации, фактически – самоназывании. В конечном счете национальная специфика все равно не артикулируется в терминах «украинец/украинка», а упоминаются другие нации, контролирующие распределение результатов труда, прежде всего «великороссы», – что и порождает концепт «малороссов» в качестве самопозиционирования украинского крестьянства. К концу гражданской войны тенденция позиционировать себя в качестве «украинцев», а не «местных» или «малороссов» заметно возросла, что Либер связывает как с усилившимся прессингом бедствий, переживаемых крестьянами в этот период, так и с возрастающим влиянием националистически настроенной интеллигенции, с распространением ее идей в массах.

Кроме разделения на город и село, значение имело также различие между украинскими землями и регионами, которые относились к русской империи и были фактически ее провинциями. Население этих регионов, особенно промышленные регионы/города с национально смешанным населением – такие как Харьковская и Екатеринославская губернии, а также Донбасс, – сами идентифицировали себя с населением Российской империи [Liber G., 1992].

Формирование украинской идентичности, безусловно, продолжалось и в дальнейшем, хотя процесс этот был замедлен и, главное, видоизменен в его существенных чертах в связи с официальной идеологией «построения единой межнациональной общности – советского народа». Однако украинская националистическая интеллигенция существовала и была активной, несмотря на репрессии и часто вынужденную эмиграцию, продолжая традицию построения «украинства» скорее на принципах классового противостояния (в данном случае как антикоммунизм), чем на специфически национальных.

Советское правительство в свою очередь принимало определенные меры для поддержания украинской культуры. Русификация Украинской ССР, в частности вытеснение украинского языка русским, было в большей степени следствием характера производства и типа социальных связей, чем целенаправленной антиукраинской политикой со стороны советского государства, которое на самом деле прилагало усилия для поддержания украинской культуры, в первую очередь украинского языка. Известный декрет советского украинского правительства об украинизации от 1 августа 1923 г. был направлен на восстановление действительного равенства украинского и русского языков на территории Украины. В декрете было прямо сказано, что, несмотря на декларируемое равенство, русский язык все же фактически является доминирующим в силу слабого развития украинских школ и культуры в целом, недостатка украиноязычных книг и других средств обучения, квалифицированных украиноязычных учителей, а также были ука-

заны конкретные меры по усилению позиций украинского языка и культуры. В частности, согласно декрету, все чиновники были обязаны владеть украинским языком, на украинский язык должны были быть переведены все официальные документы в республике. Количество украиноязычных начальных школ в УССР в период, к примеру, с 1923/24 гг. по 1928/29 гг. возросло с 16 004 (1 575 538 учеников, 46 717 учителей) до 20 032 (2 529 936 учеников, 74 383 учителей). Увеличилось также количество высших учебных заведений, техникумов и училищ с преподаванием на украинском языке. При этом, к примеру, соотношение техникумов с украинским языком преподавания в 1929 г. составило 52 заведения, в то время как с русским – только 9. Количество украиноязычных печатных изданий в этот период увеличилось с 72 000 до 205 000, иногда возрастание количества украиноязычных изданий происходило за счет снижения количества изданий русских (с 1925 г. по 1927 г. число украиноязычных газетных изданий возросло с 29 до 55, в то время как число русскоязычных изданий снизилось с 39 до 24. [Дмитришин В., цит. по: Liber G., 1992, с. 73–74, 79]. Для сравнения: после «оранжевой революции» 2004 г. и победы националистически настроенного президента Крым остался без украиноязычных газет. Со слов одного из редакторов крупного украинского издания, поработавшего на этой должности и в СССР, и в уже независимой Украине, украиноязычные издания некоторых представителей мировой художественной литературы, подготовленные советскими переводчиками, были лучше, чем русскоязычные, а школа украинских переводчиков в целом серьезно конкурировала с переводчиками на русский. Другое дело, что книги на русском языке были в большинстве своем значительно более востребованными, чем на украинском, однако причиной этому были снова-таки в большинстве случаев социально-экономические, а вовсе не идеологические факторы. Уже Либер в своей книге называет русский язык и культуру языком и культурой «производства, экономики, политики и городской жизни».

С возникновением в 1991 г. украинской государственности вопрос украинизации Украины, в том числе усиления позиций украинского языка, стал драматичным. Во-первых, для консолидации населения Украины в единую нацию необходимо было обеспечить условия принятия представителями культурно и идеологически различных регионов единой модели общего исторического прошлого и единой концепции будущего страны. Безусловно, одним из условий и механизмов такой консолидации должна была бы стать единая самоидентификация населения Украины. Во-вторых, на личностном уровне переориентация с русского на украинский язык сама по себе для представителей многих профессий и социальных групп представляла определенные сложности и неудобства, в том числе коммуникационные, – к примеру, профессиональные ограничения. Нельзя ведь недооцени-

вать значение того факта, что колоссальная языковая общность на территории СССР обеспечивала единство коммуникационного поля для представителей различных национальностей и открывала более широкие возможности для профессиональных и личных связей, а также обеспечивала русскому одну из ведущих позиций в ряду мировых языков. И, наконец, разрыв связей с русским народом, очень часто родственных, а также с другими народами СССР, сужение пространства жизни, и не только в географическом, но также и в психологическом смысле, оказались для многих украинцев травмирующим фактором и спровоцировали отторжение украинизации не столько на идеологическом, сколько на личностно-психологическом уровне.

Конструирование новой украинской идентичности: стратегия конфликта

С образованием украинского государства в 1991 г. проблема создания национальной идентичности населения Украины впервые оказалась действительно насущной. Однако проблема была поставлена, скорее, не как создание национальной идентичности, а как выбор ее из «набора», представленного различными политическими силами. Этот выбор равнозначен голосованию за представительство той или иной политической силы в органах власти. Проблема национальной идентичности в Украине оказалась настолько политизированной, что может быть понята лишь в контексте властных отношений, а точнее – в контексте борьбы за власть между группами и отдельными представителями так называемых элит.

В одной из статей, подытоживающих результаты исследовательского проекта «Национально-гражданские идентичности и толерантность в Украине и России: сравнительный анализ» (Институт социологии НАН Украины и Институт социологии РАН), ее автор В. Серета говорит о «реформатировании национальной идентичности» украинцев в связи с «деконструкцией советской идеологии», а также о создании новых коллективных идентичностей, в том числе национальной и исторической, как одного из важнейших средств легитимации политической власти в стране [Серета В., 2006]. Автор анализирует публичные выступления президентов России и Украины (1994–2006 гг.) как официальные исторические нарративы и находит, что «символический язык “национальной истории” и патриотизма является центральным не только для исторических, но и для других обращений» президентов (Л. Кучмы, В. Ющенко, В. Путина).

Серета отмечает: «Видение прошлого, которое государство “навязывает” своим гражданам, должно быть сигнифицировано таким образом, чтобы оказаться приемлемым для максимально широких слоев общества», тогда как «в процессе формирования официального исторического дис-

курса украинская политическая власть сталкивается не только с конкурирующими идеологическими интерпретационными схемами истории, но и с различными региональными идентичностями» [Середа В., 2006, с. 192].

Исследование В. Середы показывает, что дискурс возвращения к истокам национальной идентичности был свойственен уже выступлениям Л. Кучмы и продолжен президентом В. Ющенко лишь с определенными модификациями. Однако автор отмечает существенное отличие нарративов двух президентов: «В большинстве своих публичных выступлений Л. Кучма использовал “эффект национальной амнезии” и конструировал именно такую модель исторического прошлого, которая способствовала консолидации нации, благодаря отказу от любых идеологических экстрем... а также замалчиванию конфликтных и других контрверзнейных событий. Ющенко, напротив, впервые вводит в официальный исторический дискурс упоминание о тех исторических событиях, которых часто избегают украинские граждане, либо они вызывают внутреннюю дискуссию; при этом он артикулирует места разрывов национального нарратива» [Середа В., 2006, с. 193–194].

Любопытный факт: «Кучма возобновил поздравления граждан Украины с днем 1 Мая...» именно как дня солидарности трудящихся, хотя и максимально его деидеологизируя, тогда как «единственный советский праздник, имевший место в приветствиях Л. Кучмы, но отсутствующий в выступлениях В. Ющенко, – 1 Мая» [Середа В., 2006, с. 197–198].

А вот мнение мэтров украинской социологии Е. Головахи и Н. Паниной. Анализируя 20-летний период трансформации общества в постсоветской Украине, они отмечают: «Украинская модель первого этапа посткоммунистической трансформации общества (1992–1994 гг.) при всей ее неэффективности оказалась состоятельной в одном – способности сохранить мир и избежать открытой внутренней агрессии и кровопролития... с точки зрения внутривнутриполитической стабильности Украина оказалась одной из немногих бывших советских республик, которым удалось избежать непримиримой конфронтации различных политических сил и кровопролитных конфликтов» [Головаха Е., Панина Н., 2006, с. 39].

Указанную бесконфликтность авторы расценивают в качестве настолько необходимой для общества, что цену ее – «развал экономики и массовую аномию» – считают оправданной. Однако одновременно авторы утверждают следующее: «Сущность “украинской модели” определялась стремлением властей удержать социальное равновесие посредством минимизации социальных изменений и сохранения старых структур и механизмов социального управления для предотвращения массовой социальной неустойчивости, которая является неизбежным следствием коренной ломки социальных устоев. Результатом реализации этой модели является, с одной стороны, отсутствие широкомасштабных конфликтов, имеющих на-

сильственные формы, а с другой – угасание экономики и политической активности. Для достижения массовой поддержки такой стратегии в обществе культивировался тотальный страх перед любыми конфликтами, с неизбежностью распространяющийся и на необходимый для демократического развития конфликт между отживающими тоталитарными структурами управления и гражданским обществом. В результате страх населения перед конструктивными социальными конфликтами сам по себе становится механизмом, сдерживающим любые конструктивные действия по преодолению социально-экономического кризиса» [Головаха Е., Панина Н., 2006, с. 39].

На втором этапе посткоммунистических трансформаций (1994–1998 гг.) социальную стабильность авторы связывают с институциональной двойственностью – легальностью новых, рыночных институтов и легитимностью старых, советских: «Параллельное существование двух социальных структур обеспечивало и новый социальный порядок, в котором наиболее активные новые социальные акторы не стремились к дестабилизации общества, опасаясь коммунистической реставрации, а представители массовых старых слоев старались вместе с двойной институционализацией сохранить хотя бы отчасти свои привычные социальные роли и позиции» [Головаха Е., Панина Н., 2006, с. 44].

На третьем этапе (1999–2004 гг.) посткоммунистических трансформаций, считают авторы, двойная институционализация себя исчерпала, и в сочетании с улучшением условий жизни и социального самочувствия большинства населения это привело к перелому в характере массового сознания и закончилось «оранжевой революцией».

Несмотря на то что, как отмечают авторы, уже год спустя возобладали возвратные тенденции, в том числе к высокому уровню социального пессимизма, мы можем сделать следующий вывод: перелом в общественном сознании, о котором пишут авторы, имел следствием изменение отношения к социальным конфликтам. Это не означает, что был преодолен страх перед ним (возможно, «страх» не вполне подходящее слово и правильнее говорить о стремлении сохранить социально-психологическое единство), однако был приобретен определенный опыт создания (или поддержания – в данном контексте это не принципиально) массами контролируемого и конструктивного конфликта, разрешение которого привело к ожидаемому прорыву в развитии. Возможно, именно этот опыт, а не только свобода прессы стали положительным и неоспоримым достижением «оранжевой революции».

Однако это также высвободило из бутылки джина социального конфликта, технологию которого взяли на вооружение политтехнологи, умело выжимая дивиденды как из «революционных» тенденций в настроениях той части украинского населения, которая сохранила социальный опти-

мизм, так и из прежнего, частично усилившегося нежелания социальных конфликтов со стороны той части населения, которая испытывает анимирующее давление со стороны тяжелых условий существования – бедности и отчаяния повлиять на состояние дел в стране в целом и улучшить собственное положение в частности. Конфликтные технологии стали базовыми в украинской политике, что, на наш взгляд, привело к нарастанию социально-психологической дестабилизации общества и «вымыванию» почвы для социальной консолидации.

Технология социального конфликта вообще является одной из самых мощных, безотказных политических технологий, а в силу традиционного для Украины способа самоидентификации, о котором говорилось выше – «через другого», – именно она «ложится» наиболее удачно на традиционный стиль национальной самоидентификации. Другими словами, предложенная политиками модель самоидентификации через конструирование образа «другого» (предпочтительно негативного, вплоть до образа врага) вскрывает глубокие исторические пласты сознания и открывает колоссальные возможности апелляции к этническому.

Необходимо оговориться, однако, что образ именно врага не является столь уж освоенным украинским сознанием. Если говорить о негативном представлении о «Другом» в украинской ментальности (а позитивно он также представлен), то он является скорее предметом сдерживаемой неприязни, глухого недовольства, образом нежелательного, но терпимого соседа, который живет рядом и в определенной мере даже родня (буквально или цивилизационно – в обоих смыслах), однако чужд по культуре, своего рода «перевертень». Это отношение психологического неприятия, а вовсе не изгнания, уничтожения и т.п. практических действий, и борьба – чаще всего месть – происходит исключительно в психологической сфере.

Анекдоты об отношении украинцев к русским демонстрируют эту особенность. Показателен в отношении вышесказанного (в том числе Либером о роли власти над производимым продуктом в формировании образа «другого») анекдот о сале, кусочек которого «Другой» просит у попутчика украинца, чтобы «хотя бы попробовать», поскольку тот отказал в просьбе поделиться. «А чого його пробувать, сало як сало», – отвечает хозяин куска этого сытного и одновременно для украинской культуры символического продукта питания. Интересен также анекдот об украинце, который предложенные ему золотой рыбкой (или другим субъектом волшебной силы – варьируется) к исполнению желания тратит на то, чтобы татары (опять же, варианты с национальностью завоевателей) прошли по русским землям в одну сторону, а затем в другую, и так несколько раз; на вопрос рыбки, зачем все это было надо и почему не на себя, а на такую странную затею человек потратил желания, украинец отвечает с радостным удовлетворением: «А щоб

ихни кони у москалив всю картоплю повытоптуваль». Анекдоты же показывают взаимоотношение концепта «другого» с тягой к экстеральному локусу контроля, свойственному украинскому сознанию на его социальном уровне (об индивидуальном сознании украинца этого однозначно сказать нельзя).

Старый украинец, умирая в доме детей, спрашивает их о происхождении клавиш рояля, стоящего в комнате: «Що то таке биленьке – чи то нэ москаль?» – «Ні, тату, то клавиши роялю». – «А що то таке чорненьке – чи то не москаль?» – «Та ні, тату, то також клавиши». – «А з чого ті клавиши зроблені – чи не з москаля?» – «Та ні, тату, з слонової кісті». – «От клятї москалі, слонятко закатували».

Собственно, существуют анекдоты, демонстрирующие экстеральный локус контроля также и в отношении индивидуального сознания. К примеру, целый цикл анекдотов «а що робить?!» («а что делать?!»), демонстрирующий отчаяние от невозможности изменить ситуацию. Отец и сын опаздывают на поезд, тщечно бегут за ним по рельсам с тяжелыми торбами, обесиленные, роняют их, останавливаются, и отец с чувством «дает» сыну «по физиономии». Сын в недоумении возмущается: «За шо, батьку?!», на что тот отвечает в отчаянии: «А шо робить, синку, шо робить?!». Или даже нежелание изменить ситуацию, апологетику ее и своеобразное (не лишнее наивной прелести) избегание ответственности за происходящее, которое демонстрирует пикантный анекдот-диалог двух жаб дамского пола, одну из которых ежедневно насилуют на соседнем болоте:

- Оце вчора була на сусідньому болоті, так мене там згвалтували.
- Та ти шо?!
- Ага. И сьогодні була там...
- И шо ж?..
- Та шо, знову згвалтували.
- Ой, лихо! И шо ж ти тепер будеш робить?
- Та шо, завтра знову піду.
- Та тебе ж знову згвалтують!!?
- А шо робить...

Однако осмелимся допустить (отклоняясь от темы, а также отдавая себе отчет, что подобное допущение само в какой-то степени звучит анекдотично), что в этих анекдотах чувствуется значительный символизм, который уводит от конкретного героя анекдота не на уровень типажей даже, а на уровень типа социальности в принципе и доминирующего эмоционального фона в национальном характере.

Чтобы довести образ «Другого» в украинском сознании до образа именно врага, того, с кем предполагается активная борьба, возможно, даже не на жизнь, приходится «расшатывать» украинскую ментальность, выво-

доть ее за пределы национально-этнического в другую область, как вариант – сферу необычайно обостренной социальной стратификации. Собственно, тенденция «возвращать» «врага» в Другого, смягчать сконструированный политтехнологами образ, приводя его интенсивность в соответствие с традиционной для Украины, и объясняет необыкновенную терпимость украинцев к конфликтогенным действиям власти. Эта специфика украинской ментальности, по всей видимости, также коррелирует с глубокой философичностью украинской нации, и в корне своем (несмотря на спорадически героизируемое козацтво) – миролюбивостью.

ЧАСТЬ 2. ЗНАЧИМЫЙ ДРУГОЙ

К постановке проблемы

Характерна ли самоидентификация «через Другого» вообще для всякого национального самосознания или же существуют разные типы конструирования самоидентификации и некоторые народы не нуждаются в концепте Другого для самопозиционирования?

Разумеется, ответ должен быть найден в отношении каждой отдельной нации как результат изучения конкретных ее особенностей, и обобщения возможны только после составления хотя бы относительно полного заполнения глобальной «географии» наций. В данном исследовании мы обратимся к принципам самоидентификации украинской нации в историческом и современном контекстах, а также вкратце к самоидентификационным стратегиям тех народов и общностей, образ которых оказался наиболее востребованным в качестве Другого для конструирования самоидентификации украинцев с установлением государственной независимости, а именно:

– европейцев как самой привлекательной модели, наиболее активно используемой представителями «большой украинской политики»;

– русской нации, исторически бывшей и сейчас являющейся самым значительным исполнителем роли Другого для украинца;

– американской нации как наиболее влиятельного и работанного образа Другого для современного мира в целом в силу глобализации и для Украины в частности в силу известной зависимости современной украинской политики от интересов США.

Идентичность украинцев в контексте европеизации

Одной из самых привлекательных для украинцев идентификационных моделей является модель европейства. Однако что это такое – европейскость и Европа в понимании украинцев?

Концепт европеизации пришел в массовое сознание украинцев из политического дискурса как одно из самых семиотически мощных манипулятивных понятий. Особенно востребованным он стал в 2004 г., в период президентской избирательной кампании. Одним из главных пунктов предвыборной агитационной программы кандидата в президенты Ющенко было сближение Украины с Европой, технически – ее вступление в Европейский Союз. На европейскую мечту украинцев делала ставку Социалистическая партия А. Мороза на парламентских выборах 2006 г., предложив один из самых удачных слоганов в истории украинских выборов: «Построим Европу в Украине!», а также настойчиво акцентируя европейскость СПУ и ее лидера – от факта принятия СПУ в интернационал до стиля шопинга, которого придерживается А. Мороз (шопинг А. Мороза в одном из столичных супермаркетов стал предметом большого сюжета в программе новостей на центральном телевидении). На досрочных парламентских выборах 2007 г. Ю. Тимошенко в предвыборной программе своего блока обещала в случае победы создать «проевропейское правительство».

Предлагая «построить Европу в Украине», партия социалистов откровенно продемонстрировала не географический, а символический характер «Европы» в понимании украинцев – «Европа» как символ аксиологических, а также целого ряда социальных, политических и экономических предпочтений. С одной стороны, А. Мороз спекулировал на тех же струнах тоски по Европе, что и В. Ющенко с его партией Наша Украина, а с другой стороны, только частично играл на электоральном поле нашеукраинцев. Основной электорат Нашей Украины был сосредоточен в западных районах страны, где люди традиционно склонны соотносить себя скорее с европейской культурой и историей, а около 20% взрослого населения ищут заработка за западными рубежами – в Европе. Для них вступление в Евросоюз означает осуществление идентификационных ожиданий и, что самое главное, упрощенную и удешевленную процедуру выезда в страны ЕС. Ю. Тимошенко использовала тезис «проевропейского правительства» не слишком настойчиво, как бы вскользь, основной упор делая на решение внутриукраинских проблем, однако совсем оставить такой «работающий» тезис без внимания все же не сочла возможным. Что касается В. Ющенко, то тезис европейского выбора Украины эксплуатировался им и после победы на президентских выборах, представляя основной вектор его международной активно-

сти – а практически вся активность президента Ющенко после «оранжевой революции» свелась к международной – вплоть до 2007 г., когда из совершенно прямых и многократных заявлений представителей ЕС о нереальности предлагаемого Ющенко сценария развития отношений Украины и ЕС стал очевиден спекулятивный его характер.

Обещания ускоренной европеизации имели конечной целью показать, что Украина окончательно отходит от своего коммунистического прошлого, и, поскольку ясной программы того, что же теперь будет строиться в Украине, не было и нет, был избран такой узнаваемый маркер, как «Европа». «Европа» в украинской интерпретации оказалась довольно расплывчатым понятием, в которое можно было «втиснуть» весь спектр мечтаний украинцев о благополучии общества в целом и своем личном. Это понятие стало именем-мифом с широчайшим семиотическим диапазоном, вмещающим различные смыслы и толкования.

«Европа» в понимании украинцев, хотя и имеет определенные географические параметры, все же понятие далеко не географическое. Это, скорее, миф материального благополучия и социальной стабильности, так что если речь здесь и идет о географии, то о географии воображаемой. «Существует центральноевропейская фантазия о призрачной Европе, где есть терпимость, свобода и плюрализм культур... Центральная Европа всегда подвергается риску стать плодом чьего-то воображения... /Она/ стала идеализированной Европой, воплощающей нашу культурную ностальгию...» [Judt T., 1991, p. 48]. Идея Саида о том, что география является носителем определенных культурных и геополитических моделей, объясняет концепт европейства для Восточной Европы. Ф. Шенк в статье «Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе» пишет об этом следующее: «Не только индивидуумы создают свою субъективную внутреннюю картину окружающего их пространства, сведения о котором они могут получить непосредственно. Группы людей, сообщества и коллективы также создают специфические в историческом и культурном отношении представления о пространственной структуре окружающего мира, который они видят или могут вообразить себе» [Шенк Ф., 2001, с. 5].

«Европа» в современном политическом дискурсе (как и любая другая географическая категория) – понятие вовсе не географическое и даже не геокультурное, а идеологическое, с вполне артикулируемым аксиологическим содержанием.

Поскольку «европейская»/западническая мечта украинцев не основана на знании реальности «Запада» и условий, даже вообще возможностей перенесения этой модели в Украину, вопрос средств, путей такой европеизации остается не то что открытым, а вовсе даже и не поднимается. Политики, предлагая свои модели европеизации, манипулируют этим понятием, а вме-

сте с ним и симпатиями избирателей. Повышение уровня жизни в данном случае – цель, а вступление в ЕС играет роль технического средства, которое предлагают политики, которое само по себе украинцев мало интересует и не очень им понятно, то есть в принципе не важно, само по себе не является предметом мечтаний – оно могло бы быть и другим. Однако цели и средства в данном случае отождествляются, и вступление в ЕС подается как становление европейцами, приобщение к европейским стандартам жизни и европейским ценностям – что, конечно, не одно и то же. Как пишет А. Гужон: «ЕС не обладает монополией на европейскую идентичность» [Гужон А., 2005, с. 196]. Политизация же вопроса представляет вступление в ЕС и европеизацию стран Восточной Европы синонимично.

Кроме такого смещения целей и средств, запутать дело – мифологизировать Европу – помогает, по замечанию А. Гужон, слабое знание европейских институтов и частое их смешивание с другими международными организациями, которое либо используется политиками для своих целей в том виде, как оно уже сформировалось на уровне обыденного сознания, либо специально ими конструируется и в обыденное сознание внедряется. Именно это сделал Ющенко, объединив лозунг вступления в ЕС с лозунгом вступления в НАТО, представив их в своей программе через запятую. Крайняя непопулярность среди украинцев идеи вступления Украины в НАТО и привела в конечном счете к охлаждению также и «европостремительных» («европеизоидных») интенций, однако этот двойной концепт все же просуществовал какое-то время за счет силы и желанности мифа о европействе Украины – имитации американской мечты в европейском варианте.

Понятие Европы в сознании украинцев не проясненно и мифично, а также смешано с понятием «Запада» – в свою очередь многозначным и мифичным. Здислав Краснодобски, к примеру, указывает на действительное значение понятия европейства для Восточной Европы; и хотя пишет он конкретно о Польше, его слова вполне применимы к Украине: «Обращение к Европе – это, в принципе, ориентация на идеологию Америки в форме американского либерализма» [Краснодобски З., 2005, с. 243]. Мифический характер «Европы» проявляется в том, что, по словам З. Краснодобски, идеология западного мира принимается в Восточной Европе за реальность: «Восточноевропейские либералы путают стандартную модель демократии, развитую в западном либерализме, с западной реальностью», а потому им «остается лишь имитировать Запад (а скорее, собственные о нем представления)» [Краснодобски З., 2005, с. 253].

Венгерский социолог Аттила Мелег посвящает географии Восточной Европы замечательное исследование «На Восточно-Западном Склоне: Гло-

бализация, Национализм, Расизм и Дискурсы Восточной Европы»⁴⁹, одна из частей которого опубликована на русском языке под заголовком: «Дрейфуа на восток: Восточная Европа на карте глобальных институциональных акторов». Мелег пишет: «В общепринятых группах категорий главное различие происходит между географическими и геокультурными классификациями... “Северная Америка”, “Южная Америка”, “Европа” – категории, в которых не проявляются культурно-политические разделительные линии, тогда как при использовании, например, таких названий, как “Латинская Америка” или “Восточная Европа”, эти границы проводятся. Геокультурный тип может быть далее разделен на два подтипа, в которых Восточная Европа выступает как совершенно отдельная категория...» [Мелег А., 2005, с. 148].

Мелег пишет о цивилизационном склоне, высшая точка которого – глобальное влияние и политическая стабильность, а нижняя – полная непригодность к рынку. «Такой ориенталистский постколониальный взгляд с вершины цивилизационного склона делает утопию всеобщего прогресса достаточно консервативной, если не реакционной (словами Бороча) идеей. Либеральная утопия представляется реакционной по двум причинам. Во-первых, ее идеалы присвоил себе исключительно запад. Во-вторых, она содействует не достижению чего-то, а укреплению того, что уже существует. Это делает положение людей, живущих вне запада, еще более безнадежным, так как они по определению всегда будут отставать в развитии» [Мелег А., 2005, с. 157] «...никогда не будучи вполне уверенными, в чем кроются ожидания “Европы”, эти страны постоянно чувствуют свою неуверенность относительно своего места на цивилизационном склоне и поэтому выступают друг против друга, чтобы доказать восточность своих соседей по бывшему блоку» [Мелег А., 2005, с. 159]. Этот конфликт из-за статуса на цивилизационном склоне мы видим в испытываемом представителями Западной Украины в отношении Восточной чувства цивилизационного и культурного превосходства.

Мелег делает вывод в отношении того, что это за идеал – Европа: «Предельным достижением цивилизации в рамках этой воображаемой географии является спокойный буржуазно-аристократический уклад жизни, свободный от грязи главных индустриальных (и доминирующих) мировых держав. Это можно назвать “образом Швейцарии”, широко распространенным в Восточной Европе образом богатого и чистого райского Запада» [Мелег А., 2005, с. 156].

Об этом же пишет Краснодембски: «Трансформации не только в Польше, но во всех посткоммунистических странах представляются исключительно окцидентализацией посредством подражания западу. Подражательный ха-

⁴⁹ «On the East-West Slope: Globalization, Nationalism, Racism and Discourses on Eastern Europe».

рактир изменений был заложен уже в самом понятии трансформации... целенаправленный процесс с заранее определенной целью – понимается как модернизация, повторяющая стадии развития, уже достигнутые развитыми странами» [Краснодубски З., 2005, с. 229]. Идея прогресса консервативна и реакционна, замечает Мелег, поскольку «делает положение людей, живущих вне запада, еще более безнадежным, так как они по определению всегда будут отставать в развитии» [Мелег А., 2005, с. 159].

Таким образом, популярный концепт европеизации не представляет в случае Украины четкого понимания, украинцы не знают, что означает это понятие и соответствует ли оно действительности. «Европеизация» означает для украинцев прежде всего исполнение мечты о благополучном западе в Украине, повышение собственных жизненных стандартов, европейские – а точнее, западные – ценности, при непонимании, что это такое, и вообще европейские ли они на самом деле. «Европа», «Запад» – обобщающие концепты для обозначения стран с развитой рыночной экономикой, либеральной идеологией и обязательно с высокими стандартами жизни и имеют мало общего с собственно географией. К примеру, Испания также считается периферией Европы, хотя она и западнее того самого запада, ставшего через мифологизацию Европы нарицательным.

О том, что «Европа» является мифическим конструктом даже и для самих политиков, свидетельствуют их многочисленные высказывания.. «Мы уже имели европейскую жизнь во времена Советского Союза», – утверждает Анатолий Гуцал, первый заместитель директора Национального института проблем международной безопасности. «Устремленность в ЕС для многих наших граждан является выражением ностальгии по советским временам, когда СССР демонстрировал византийский вариант той самой бюрократической и нормативной системы, которая сейчас существует в Евросоюзе в более демократичной форме», – так эксперт объясняет популярность идеи вступления в ЕС [Гуцал А., 2006].

Однако «ностальгия по советским временам» в современном украинском контексте имеет не только и не столько политический смысл, сколько актуальна в терминах экономики и социальной стабильности. Именно поэтому миф материального благополучия в Украине дает богатейшие возможности манипуляций. В условиях критического уровня бедности, борьба с которой определяет правила существования подавляющего большинства населения Украины, неизбежно актуальными становятся мотивы достижения хотя бы минимального материального благополучия. Также силен мотив самореализации, поскольку высокообразованные и высококлассные специалисты из самых разных областей оказались не востребованными в новых экономических условиях, и, как следствие, выброшенными на рынок труда, на котором их квалификация невостребована, или в дру-

гие сферы опять же низкоквалифицированного труда. «За последнее десятилетие под влиянием различных социально-экономических, экологических, социально-психологических и морально-нравственных факторов ухудшилось состояние физического здоровья населения, произошли существенные изменения в его системе ценностей, снизилось общее социальное самочувствие людей, появилась острая проблема социальной адаптации к новым социально-экономическим условиям. При этом изменение последних стало институциональным ограничителем возможностей достижения занятости, адекватной уровню трудоспособности населения» [Суименко Е.И., Ефременко Т.О., 2004, с. 140].

Итак, «Европа» в понимании украинцев – это «Запад» с его социальной стабильностью и развитой экономикой, а также с небольшой, по современным украинским меркам, увлеченностью политикой.

Присутствие понятия Запада в повседневном дискурсе украинцев разоблачает колониалистский характер их социально-политических представлений, и стремление к западу означает присутствие их (самочувствие их присутствия) «на востоке» – в идеологизированной географической точке противоположности идеальному Западу – то есть в ситуации всестороннего неблагополучия. «Колониальные определения включаются там, где существует неявное предположение, что существует отклонение от установленной нормы» [Забужко О., 2005, с. 35]. То есть если некая культура несамостоятельна и несамодостаточна, она находит критерии для измерения себя в других культурах.

Возможность такой политизированной географии питает исторически присущий украинцам комплекс «меньшевартости», который, к слову, свойственен не только Украине, но также и по крайней мере некоторым странам Восточной Европы – как мы можем заключить из цитируемых текстов. Термин «самоколонизируемые культуры» А. Кьёссев, к примеру, вводит применительно к болгарской культуре, которая, по его мнению, также склонна к воспроизведению чувства национальной «меньшевартости» [Кьёссев А., 2005, с. 98–123].

Поддержанию и даже усугублению чувства «меньшевартости» у украинцев способствует практически отсутствие географии как таковой в современном дискурсе (и не только политическом), представление социальной реальности исключительно в категориях экономической и политической стратификации: «Чувство превосходства глобальных акторов увеличивает вероятность того, что экспансионистская логика, присущая идее мира без границ, своеобразно возвращает нас к колониальным и постколониальным дискурсам» [Мелег А., 2005, с. 147]. Это, опять-таки, справедливо не только применительно к Украине, и даже не только к Восточной Европе, такая политическая география работает в отношении всех без исключения

мировых акторов. Забавное замечание делает в этой связи Мелет: «Страны-производители нефти частично освобождаются от измерения по цивилизационной шкале. Нефть в деловом мире по-прежнему означает иную географию и иные перспективы» [Мелет А., 2005, с. 157].

Позиция самоколонизируемой культуры по определению противоречит самостоятельной, независимой национальной политике и формированию «самоидентификационного набора» нации. «Самоколонизируемые культуры добровольно импортируют чужие ценности и цивилизационные модели и сами уничтожают собственную аутентичность, ориентируясь на иностранные эталоны... они употребляют символы чужой цивилизации в качестве универсальных генеративных знаков собственной гипотезы бытия» [Кьёссев А., 2005, с. 120]. Отклонение от установленной нормы, каким воспринимается любой феномен культуры, колонизируемой в сравнении с культурой колонизатора, заставляет думать о первой в категории несоответствия некоему образцу, который в принципе недостижим, поскольку его достижение означало бы исчезновение национальной специфики/культуры, растворение ее в культуре колонизатора – в нашем контексте, в культуре, взятой за образец и воспринимаемой как полноценная «культура присутствия». «В самоколонизируемых культурах символами и моделями, о которых я только что упомянул⁵⁰, являются символы отсутствия» [Кьёссев А., 2005, с. 119]. Это очень точно характеризует также и способ представления Европы и самопредставления украинцев: они исходят из того, чего им не хватает, закрепляя свою недостаточность концептуально и развивая национальный невроз «несоответствия» какому-то образцу, непроясненному, но желанному состоянию общества и своему в обществе положению. В то время как конструктивная позиция заключается в понимании и концентрации на том, что у нас есть, в том числе резервы, определение и развитие которых дает выход из критической и стагнационной ситуаций. Украинцы сконцентрированы на Европе, однако концепт «Европы» заключается в перечислении того, что «у них есть» (что не факт), а «у нас нет», и весьма далек от европейских, а тем более «западных», реалий.

Конкуренция большей «европейскости» существует не только между различными (историческими, политическими, экономическими и идеологическими) регионами Европы и мира, но также между странами постсоветскими – чем дальше на запад, тем более полноценными они себя пред-

⁵⁰ «Экономика денег и рынков из-за своей нейтральности, рациональности и универсальности не может устанавливать собственные границы и сама по себе не способна сделаться национальной экономикой в буквальном смысле. Она должна дублироваться еще одной экономикой – экономикой символов и моделей идентичности, которые регулировали бы отношения наций и обществ как к себе, так и к другим» [Кьёссев А., 2005, с. 119].

ставляют. Эта своеобразная конкуренция – разделение на «большую» или «меньшую» «европейскость» – существует также внутри стран. Именно это разделение демонстрирует идея «двух Украин». Украина западная – проевропейская, близкая Европе географически и исторически, «окультуренная» и «одухотворенная» «европейскими ценностями», и восточная – «вульгарная» и «грубая», даже «уголовная», – как это закрепилось в политическом дискурсе (точнее, политико-агитационном, в силу сведения практически всей политической жизни в Украине к выборам и предвыборной активности).

Реакцией на такое принижение и подпитку комплекса «меньшеварто-сти», и без того традиционно сильного в Украине, стал расцвет национализма как защитная реакция нации в ситуации утраты – смены – идентичности. Расцвету украинского национального самосознания не чужд концепт европеизации, однако теперь он подправлен в сторону аутентичности европейства для украинцев. Вот несколько аргументов, которые обычно приводят для доказательства «вполне европейскости» украинцев, а в некоторых случаях их «большой европейскости», чем даже «самые что ни на есть европейские» нации, – аргументов, частично обоснованных, частично продуктов современного «социального фольклора»: Украина – самая большая страна, вся территория которой расположена в Европе; на территории Украины (по одной из версий) находится географический центр Европы; в культурном отношении Украина опережала Европу исторически: княжна Анна Ярославна, выходя за французского короля, была, в отличие от него, образованной; в Украине есть очень старые даже в европейском измерении университеты, как, к примеру, Киево-могилянская академия и национальный университет Шевченко; женщины в Украине всегда имели права значительно большие, чем где-либо еще на территории Европы и уж, конечно, в России; украинцы – самая читающая нация в мире и пр., пр.

Эта теория полноценной, и даже с опережением, «европейскости» украинцев распространена не только в качестве социального мифа, но поддерживается на высшем государственном уровне. Президенты Кучма и Ющенко оба представляли Украину в своих официальных выступлениях как исконно европейское государство. «В выступлениях Кучмы украинцы предстают как великая нация в центре Европы, которая когда-то играла важную роль в европейской истории... Подобно Кучме, Ющенко подчеркивает в своих выступлениях культурно-историческую принадлежность Украины к Европе. Ударение делается на ценностях демократичности и стремлении к свободе, доминирующих в современном западном словаре» [Середа В., 2006, с. 201]. Итак, «мы европейцы, но другие». Украина – европейская страна, просто она имела «другое» (!) прошлое, а потому евроинтеграция представляет собой не абсолютно новый опыт, а, скорее, возвращение – вот квинтэссенция офи-

циальной и неофициальной идеологии современного украинского европейства.

Идея возвращения в Европу общая для посткоммунистических территорий, к какой бы категории их ни относили – Восточной Европы, Центральной или вообще выносили за географические рамки Европы. Беларусь, Польша, Украина, Болгария – посткоммунистические страны разделяют эту идею, применяя ее к себе. Таким образом концепт европеизации представляет не что иное, как идеологию (глагол) цивилизации посткоммунистических политических образований (государств, партий, территорий, институций и пр.) в соответствии с актуальными для этих стран потребностями и системами мотивации.

Вопрос геокультурного (с географическим все более-менее понятно) положения Украины так и остается открытым, особенно если учитывать путаницу в разграничении различных сфер социальной действительности. С Россией Украина связана «братскими узами» – не поэтически выражаясь, а буквально связана узами родства. В культурном отношении (во всяком случае, в смысле уровня образования, общекультурной грамотности и, так сказать, увлеченности культурой) Украина – страна европейских традиций, что особенно заметно при сравнении ее с североамериканской нацией. В политико-идеологическом отношении (прежде всего в отношении стандартов демократического поведения) Европа и США – это тот самый «Запад», который стал нарицательным в смысле высоких стандартов жизни, и Украина в этом контексте страна, скорее, «азиатская», если использовать этот термин в его неокOLONIALном значении.

Конечно, несоответствие социальных и географических карт свойственно положению не только Украины и не только ее современному положению. Что же касается современности, то использование политиками географических категорий в качестве метафор и «лейблов» выдает их zaangażированность, так что рядовых граждан нельзя винить в запутанности сознания, в том числе и сознания политического, – они просто оперируют моделями, навязанными им политическими дискурсами. Сопротивляться идеологическим дискурсивным моделям сложно, это потребовало бы большой мыслительной смелости и, что еще сложнее, способности, а также глубокой осведомленности о реальном положении дел в тех странах, мифы о которых влияют на историю других народов.

Русская национальная идея

В отличие от других стран, некогда советских республик, к моменту получения государственной независимости в 1991 г. Россия практически не имела опыта национализма⁵¹, во всяком случае в том его понимании, как этот опыт был представлен в Украине. В силу своего имперского положения в отношении других советских народов, так называемых «младших братьев», и имперского же исторического опыта, предшествовавшего периоду СССР, Россия не боролась за свою от них независимость, а, напротив, была заинтересована в укреплении союза с ними – с народами, вовлеченными на протяжении веков в орбиту ее интересов. Так что независимость для России оказалась независимостью поневоле, нежеланной, превратив нацию менеджера – управителя делами в Сибири и других регионах и странах империи, в нацию, запертую в рамках самой себя. Усеченные границы заставили оставшихся в странах бывшего СССР более 20 млн русских считать себя национальными меньшинствами, при том что в самой России русские впервые оказались национальным большинством.

Е. Тиге отмечает, что в СССР русские составляли едва ли 50% в составе многонационального населения страны, тогда как в независимой постсоветской России русские составили уже около 80% всего населения, впервые за многие века оказавшись большинством в теперь этнически гораздо более гомогенном государстве. Исследовательница задается риторическим вопросом: «Как русские ощущают себя теперь, когда многонационального Советского Союза больше нет и русские составляют подавляющее большинство в своем собственном государстве? Чувство культурной идентичности у русских формировалось веками, в то время как русская национальная идентичность традиционно слаба»⁵² [Teague E., 2005, p. 17].

Россия традиционно имела дело с национализмами других народов, являясь тем самым «другим», а порою и «врагом», который необходим для консолидации и вообще появления националистов. Различные националистические течения были направлены против влияния России, против русского населения, влияния русской культуры, распыления собственного национального в силу разбавления его русским. Новый же российский национализм призван решить противоположную задачу: консолидировать нацию, ставшую более гомогенной в результате отделения от нее других.

⁵¹ Если и можно говорить о русском национализме, то, скорее, как о проявлениях шовинизма, или, как его еще называли, «великодержавного шовинизма», что предполагает существенное сращение этнического и государственного.

⁵² «How do Russians perceive themselves now when that the multiethnic Soviet Union is no more and Russians make up the overwhelming majority in their own state? Russians have for centuries had a strong sense of cultural identity, yet Russian national identity has traditionally been weak».

Такой национализм «навыворот» является «национализмом после независимости» как таковым. «В прошлом русские не видели себя как этническую нацию, в отличие от балтов, Кавказа или большинства украинских националистов» – настаивает А. Лайвен. «Опасность заключается в том, что эти примеры на их границах могут заставить русских принять такой тип само-идентификации»⁵³ [Lieven A., 1999, p. 144]. Автор считает, что русское государство никогда не было националистическим и что идеи иного порядка скрепляли нацию: «православная религия, царь, марксизм, коммунистическая партия, Советский Союз».

В силу этих особенностей проблема «национализма после независимости» оказалась для России одновременно и менее (для представителей русского национального национализма), и более (для «рядовых» россиян) болезненной.

Во-первых, новоиспеченный русский национализм не связан десятилетиями болезненного политического прошлого, опытом «борьбы против» чуждой государственности, негативной программой противостояния. Во-вторых, он не коренится в этническом, а, скорее, привлекает этнос к делу государственного строительства. Это объясняется тем, что этнический национализм, как правило, возникает как реакция на опасность исчезновения своеобразия этноса, что для русского народа в целом никогда не было актуально. Напротив, русская культура доминировала на колоссальных пространствах и подпитывалась «новой кровью» других культур, сохраняя при этом свое своеобразие и доминантность. Таким образом, определение стратегических задач, специфических для периода «после независимости», стало для российского национализма, скорее, не кризисным, а начальным пунктом эволюции.

С другой стороны проблема «национализма после независимости» оказалась куда острее для российского общества. Хотя политику, в том числе и в отношении других народов, осуществляет государство, идея мессианства оседает в основание психологии нации и задает определенное направление самоидентификации. Россияне прочувствовали слом устоявшейся на протяжении веков самоидентификационной стратегии, которая традиционно осуществлялась, с одной стороны, посредством идеологического конструкта особенной русской души и предназначения русского народа, с другой стороны, посредством реально особенного положения, а значит, и самоощущения россиян, по отношению к народам, подчиненным России. Московский исследователь А. Митрофанова пишет об этом так: «Русский народ оказался после распада СССР в ситуации наиболее тяжелого кризиса идентичности. Если прочие этносы смогли хотя бы опереться на опыт создания постко-

⁵³ «...Russians have not in the past seen themselves as an ethnic nation, after the manner of balts, Caucasians, or most Ukrainian nationalists. The danger is that precisely these examples on their bouders may lead the Russians to adopt this tipe of self-definition».

лониальной национальной идентичности в “третьем мире”, то у русских не было и этой возможности. В качестве реакции на “неожиданный” подъем самосознания нерусских этносов и на посыпавшиеся обвинения в шовинизме и эксплуатации самым естественным выходом кажется развитие русского этнического национализма» [Митрофанова А.В., 2004, с. 159]. Именно этим, считает автор, объясняется современный рассвет русского этноцентризма.

Е. Гайдай отмечает, что другие советские народы относительно легко восприняли идею независимости и своей национальной специфики, «в самой же России, где русские составляют более 80%, национальная же идея не взнялась нисколько» [Гайдай Е., 2008]. Также Гайдай отмечает чуждость для России традиционных либеральных ценностей: «Россия тяготеет к либерализму, но и национализм западного образца ей чужд» [Гайдай Е., 2008]. Показательна в этом отношении цитата с головной страницы сайта, призванного, по идее его создателей, предоставить интеллектуальный ресурс для развития русского национализма: «Современные представления о национализме в цивилизованном мире радикально отличаются от тех, что бытуют в России» [Гайдай Е., 2008].

Национализм современной России более открыт новым стратегиям, потенциально более либерален, а также более податлив к принципам построения гражданской, а не этнической нации. Если в Украине до сих пор, после 16 лет независимости, сложно дается понимание этого различия и концепт этнической нации все еще довлеет над концептом нации гражданской, то в России идея гражданской нации изначально оказалась понятой, принятой и доминирующей. К.Смис, делая краткий и емкий обзор поисков национальной идеи и идеологии в постсоветской России, отмечает, что поиски оснований именно гражданской нации начались практически сразу, причем на высшем государственном уровне – в инициированной президентом Борисом Ельциным и проводимой интерактивно и публично на страницах центрального печатного органа «Российская газета» дискуссии. Сформулирован вопрос был изначально как поиск «идеи для России», а не как поиск «русской идеи», что сразу перевело дискуссию из традиционной для России плоскости определения национальной исключительности в плоскость построения гражданского общества.

Поиски национальной идеи в России все же не избежали противопоставления «свой – чужой», то есть поисков «врага» как внешнего, так и внутреннего. Показательна в этом отношении позиция М. Юрьева, с точки зрения которого конструируемый миф так называемого «внутреннего врага» является не чем иным, как средством определения национальной идеи. Национальной идеей автор считает набор базовых ценностей общества, а врагом – того, кто на них посягает. «Нельзя вводить понятие внутреннего врага, не имея осознанной национальной идеи, потому что национальная идея и

есть то самое, посягающий на что и должен считаться врагом» [Юрьев М., 2004]. Таким образом, несмотря на начало цитаты, реально автор определяет национальную идею «от противного», через врага, который в этом случае оказывается совершенно необходимым условием, а значит, первичен по отношению к ней: на что посягает внутренний враг, то и есть национальная идея.

Хотя в отличие от, скажем, украинской нации, не имевшей разработанной национальной идеи, русская идея очень подробно разработана, она отражает прошлое, не будущее нации, а имперский характер прошлого нивелирует смысл идеи как таковой. С перекроем национальных отношений и положения наций, включая российскую, идея ее неизбежно изменяется, а замораживание ее смыслов и следование ей во что бы то ни стало приводит к возрождению так называемого «великодержавного русского шовинизма».

В культурном отношении русская нация также никогда не была особенно гомогенной. Своеобразной платой государственного доминирования России над другими народами стало принятие русской культурой элементов их культур, что было неизбежно в условиях тесного соседства, а также было следствием своего рода договора о совместном проживании на территории единого государства, единой идеологии и все более гомогенизирующейся культуры. Теперь же русские оказались вынужденными либо «изгонять» из себя эти инонациональные черты, «очищая» русское, либо принять ситуацию, когда «покинувшие дом» нации-«разведенки» оставили-таки свой след в русском характере и быте.

Русский исследователь О. Волкогонова напоминает, что «проект будущего страны формирует ее настоящее», поэтому «для сегодняшней России одной из наиболее острых проблем является проблема выбора исторического пути», и однозначно рассматривает русскую идею как такую, которая необходима для строительства нации [см.: Волкогонова О.].

Волкогонова относит национальную идею к сфере социального мифотворчества. В своей статье «Русская идея: мечты и реальность» она пишет следующее: «Современный миф о России чрезвычайно сложен и иерархичен, в нем присутствуют мифологемы различных уровней – от бытового (возникающие ассоциации с морозом, водкой, гостеприимством, ленью и т.п.) и психологического (терпение, эмоциональная возбудимость, коллективизм) до политического (потребность в жестком управлении, пассивность народа, мафия и т.п.). Самым высоким уровнем мифотворчества является философско-исторический миф о России, – то, что в литературе как раз и получило название «русской идеи». «Русская идея» – форма проявления национального интереса, который может выступать в самых разных «ипостасях» – и как индивидуальное сознание, и как идеология, и как политическая практика... Великие национальные идеи всегда появлялись в эпохи

кризисов, являясь, с одной стороны, средством первоначальной консолидации нации для преодоления кризисных процессов, с другой – симптомом болезни с ложным исходом из нее...» [Волкогонова О., с. 6–7].

Итересны замечания исследовательницы в отношении связи глобализационных процессов в мире и самоощущения наций: «Возрождение национализма стало своего рода реакцией на тенденции глобализации, причем проявляется он сильнее всего в сознании отставших в своем развитии народов: не принимая экономической и культурной экспансии соседних народов, этнос защищает себя... психологическая реакция на кризис, переживаемый страной: отставание в сфере материальной культуры от развитых в промышленном отношении стран стало очевидным, поэтому, чтобы реабилитировать свою нацию от подозрения во “второсортности”, на первый план выдвигаются ценности, не проявляющиеся в материальной жизни». В такой позиции «немало национального романтизма и самомистификации... осознание временного поражения межэтническом соревновании... и тенденции преувеличивать позитивное отличие своей общности от других» [Волкогонова О., с. 6–7].

Фактически всякая формулировка национальной идеи в рамках государственной идеологии основывается на непровозглашаемом и даже не всегда ясно осознаваемом, однако предполагаемом понимании национальных интересов. Дискуссии о национальной идее являются фактически скрытой, косвенной борьбой различных политических групп за утверждение доминанты тех или иных интересов в качестве национальных, потому определенным движением вперед оказывается дискуссия о национальных интересах, открытая декларация программы развития нации и государства, перевод обсуждения из философской сферы в практическую. Определение и реализация интересов страны (во всяком случае программа этой реализации) – это не что иное, как проект ее будущего, о котором пишет Волкогонова.

Почему русские все же традиционно искали и продолжают искать свою, «русскую», идею? Один из решающих факторов – необходимость выстроить идеологию и превратить ее в источник силы и желания обеспечивать единство страны. Причем обеспечивать мирным путем, поскольку воевать сразу на такой территориально протяженной границе не хватило бы никаких ресурсов. Поэтому «русская идея» так далека от практики, так глубоко философска, отсюда же и предназначение русских, и широта русской души – чтобы вместить в себя колоссальный спектр качеств национального характера, и его особенностей, и противоположностей.

Йел Ричмонд отмечает в качестве базовой черты русских их противоречивость и неприятие среднего пути, впадение в крайности: «с русскими все или ничего». Цитирует он на этот предмет и Дж. Киннана: «Противоре-

чие – это суть России. Запад и Восток, Тихий и Атлантика, арктика и тропики, экстремальный холод и экстремальная жара... власть и рабство, внезапная любовь и ненависть к тому же объекту... Русский не избегает этих противоречий. Он научился жить с ними и в них. Для него эти противоречия – соль жизни»⁵⁴ [Richmond Y., 1992, p. 44]. То же утверждает великолепный исследователь национального характера Эрик Эриксон в отношении характера североамериканской нации в своих знаменитых исследовательских набросках по психологии наций [см.: Эриксон Э., 2000]. Похоже, что противоречивость сама по себе не является отличительной чертой определенных наций, а, скорее, общим признаком, надо просто определить, какие именно противоречия та или нация должна решать и уживаться с ними. Эриксон рассматривает национальный характер именно как способ преодоления того ключевого противоречия, в котором нация вынуждена жить и удерживать себя в определенном качестве.

Национальная идея проясняется довольно отчетливо в деятельности некоторых личностей, харизматичных для нации, даже и в тех случаях, если специально о национальной идее речь не идет. Такой личностью, воплотившей новый российский национализм, стал президент Владимир Путин.

Побороть имперскую психологию и научиться быть великой нацией в ситуации независимости своей и одиночества, научиться быть гомогенной нацией, без большой семьи младших братьев, основываясь на своем и только своем национальном интересе и ресурсах только своей нации, – вот задача, которую предстоит решать россиянам. Для России с ее богатствами и ресурсами это не сложно, если страна преодолеет кризис и укрепится в своем теперешнем новом для нее положении. Именно отсюда, возможно, происходит невероятная популярность Путина: он сильной рукой держит не только Россию, но, прежде всего, ее национальные интересы, проводя решительную международную политику (делая попытки поглотить Беларусь, к примеру, или противясь расширению НАТО в непосредственной близости от своих границ), и уж во всяком случае риторику, которая в устах лидера любого государства, и, конечно, такого крупного, как Россия, является фактором влияния в международной политике.

Названный журналом «Таймс» человеком года 2007, Путин, похоже, воплотил национальную идею для современной России. Россия слабеет? Путин делает ее сильной, диктующей свои условия. Россия традиционна? Он делает ее нетрадиционной, предлагает свежий взгляд на Россию и на мир

⁵⁴ «Contradiction is.. the essence of Russia. West and East, Pacific and Atlantic, Arctics and tropics, extreme cold and extreme heat... vast power and the most abject slavery, simultaneous love and hate for the same objects... The Russian does not reject these contradictions. He has learned to live with them, and in them. To him, they are the spice of life».

глазами россиян: Россия независимая, рассчетливая, однако и великодушная – когда такая позиция совпадает с ее национальными интересами.

Сила Путина заключается в том, что он чрезвычайно твердо держит национальные интересы России – считает бывший национальный секретарь США Генри Киссинджер. В своем интервью журналу «Таймс» Киссинджер назвал в качестве одной из наиболее существенных личностных черт Путина именно русский национализм, а также высказал свою версию чрезвычайной популярности Путина: «Путин стал президентом в период, когда советская империя развалилась, а вместе с ней 300 лет русской истории. Русские люди судят о нем по разнице в сегодняшних стандартах жизни в сравнении с теми, что были, когда он пришел к власти. Они также ценят его за восстановление уважаемого места России в мировой системе. И, возможно, некоторые из них думают, что система теперь более ответственна перед обществом, чем прежняя...»⁵⁵ [Time, 2007, p. 85]. Киссинджер так характеризует личность Путина: «Он чрезвычайно умен, крайне сосредоточен на предмете дискуссии и прекрасно разбирается во внешней политике. Он не пытается использовать личное обаяние. Это сочетание отстраненности, замечательного ума, стратегической хватки и русского национализма»⁵⁶ [Time, 2007, p. 85].

Автор другой статьи, посвященной Путину – человеку года, С. Монтефьор (Simon Montefiore), представляет популярность русского президента не в столь дипломатичных выражениях, как Киссинджер, однако также отмечает соответствие политического образа Путина русской политической и, что существенно, духовной традиции: «Путин представляет собой уникальную комбинацию стилей: величавое великолепие царей и сдержанная власть советских генеральных секретарей, соединенные с национальным популизмом»⁵⁷ [Time, 2007, p. 86].

Можно предположить, что в дополнение к названным качествам именно зримость в политическом образе Путина его личностных качеств, присутствие и даже некоторая акцентуация духовности, знаковой для русского ха-

⁵⁵ «Putin became President during a period when the Soviet Empire had disintegrated, and wit it, 300 years of Russian history. Economically, the Russian ruble collapsed. The Russian people judge him by the difference in the standart of living today compared to what existed when he took over. They also value him for having restored Russia to a respect place in the international system, and probably many of them think that the system is more responsive to the public than previous systems...».

⁵⁶ «He is extremely intillegent, very focused on the subject under discussion and very familiar with the issues in foreign policy. He does not try to sweep you away with personal charm. It is a combination of aloofness, considerable intillegence, strategic grasp and Russian nationalism».

⁵⁷ «Putin is a unique combination of styles: the sumptuous majesty of the Tsars and the distant power of the Sovivet General Secretaries, combined with a nationalist populism».

рактера, делает его политический имидж завершенным, заметным и успешным, и именно знаково русским. Киссинджер напоминает в своем интервью высказывание президента США Дж.Буша после его первой встречи с Путиным о том, что, «заглянув в глаза Путину», он «увидел там родственную душу».

А вот слова самого Путина, сказанные им 14 февраля 2008 года на его восьмой и последней в качестве президента России ежегодной пресс-конференции в Москве: «...что сделано за 8 лет... конечно, мы могли бы сделать больше. Очень много наносного, пены какой-то политической...» К своим словам, сказанным им за 8 лет до этого на первой пресс-конференции в качестве президента, что на этом посту он видит себя «наемным менеджером огромной корпорации под названием Россия», Путин добавил: «Все эти 8 лет я работал как раб на галерах...».

Что демонстрируют приведенные высказывания Путина?

1. Президент отчитывается – что сделано за годы его правления.
2. Он самокритичен – мог бы сделать больше.
3. Он прост, «зрит в корень» – «пена политическая» мешает работе.
4. Он высококвалифицированный менеджер на службе у народа и служит предельно самоотверженно, несмотря на свою высочайшую квалификацию (точнее, именно ее такой самоотверженностью и демонстрирует).
5. Он представляет Россию прежде всего как корпорацию; то есть исходным приоритетом в своей работе он видит осуществление практических интересов страны, народ которой нанял его в качестве президента.

К последнему пункту стоит добавить, что, несмотря на деловой – и исключительно деловой подход, Путин находит место выражению чувств и, будучи мастером формулировки, делает это просто и вместе с тем адекватно: «Не только сказать, подумать страшно...» комментирует он возможное ухудшение российско-украинских отношений в сфере военно-политической.

Путин не стал искать русскую идею. Он приступил к реализации национальных интересов России, обозначив их в терминах экономики, а не политики или идеологии. Он не стал заниматься национальным проектированием, а приступил к реализации проекта по экономической успешности России как на внешнем рынке, так и в отношении населения страны. Путин представил – на деле, не на словах – свою версию русского национализма, зрелого и простого, идея которого легко читается не только зубрами политической аналитики вроде Киссинджера, но также и простыми людьми в российской глубинке, и даже гражданами других государств, например Украины, где популярность русского президента значительно превосходит популярность своего, украинского.

Таким образом, в своем политическом имидже, впечатлившем весь мир, а не только Россию, Путин воплотил русскую идею, никак на ней не акцен-

тируя и в момент ее, казалось бы, краха. Возвращаясь к предмету нашего интереса – способам национальной самоидентификации, – можно предположить, что Путин вернул России свободу самоидентификации, освободил ее от необходимости несвойственных ей поисков значимого «другого». Тем самым он восстановил психологическое равновесие в социуме, утраченное с разрушением формировавшейся веками имперской позиции России. Хотя теперь снова нарастающая мощь российского государства уже не коренится так глубоко в идеологических корнях особой русской духовности, базис, построенный рукой Путина (реально или в представлении россиян – в данном случае не важно), не менее прочен. На основе экономической и внешнеполитической успешности Россия снова оказывается в положении, где самоопределение нации возможно через самое себя, снова становится в этом отношении самодостаточной. В этом смысле известное выражение «Россия всегда была проблемой для самой себя» может быть интерпретировано и таким образом, что Россия сама для себя, увы, является проблемой, но никто другой и ничто другое.

Американская мечта

А в чем идея?

Идея североамериканской нации нашла свою формулировку уже в XX столетии в качестве так называемой «американской мечты», хотя, по утверждению автора этого термина и книги, в которой он впервые появился, – «The Epic of America» Джеймса Адамса, опубликованной в 1931, – «эта мечта, или надежда, присутствовала с самого начала»⁵⁸ [Adams D., 1931, p. 6].

Без такой мечты американская нация не могла бы состояться, считает В. Калдвелл. «Каждому человеку нужна мечта, чтобы вести, мотивировать и вдохновлять его в его поисках лучшей и более полноценной жизни. Чем благороднее мечта, тем потенциально благороднее и богаче жизнь того, кто мечтает. Нация тоже нуждается в мечтах, чтобы определить национальное предназначение, объединить граждан вокруг общих целей, определить и укрепить идеологии, а также воодушевить на единое коллективное действие»⁵⁹ [Caldwell W., 2006, p. 115]

Что же это такое – американская мечта? О чем она?

⁵⁸ «That dream or hope has been present from the start».

⁵⁹ «All men are in need of dream to guide, motivate, and inspire them in their quests for better and more fulfilling lives. The nobler the dream, the potentially nobler and richer is the life of the dreamer. Nations, too, require dreams to define national objectives, to unite citizens around common goals, to define and solidify ideologies, and to inspire unified collective actions».

Прежде всего, «не существует одной американской мечты, их много»⁶⁰, утверждает Д. Куллен, автор книги «Американская мечта: короткая история идеи, сотворившей нацию» [Cullen J., 2003, p. 18]. Содержание «американской мечты» невозможно определить раз и навсегда, оно меняется в зависимости от определенного исторического контекста, а также в зависимости от особенностей социального положения человека или, точнее, социальной группы, от уровня достатка и других, определяющих психологию факторов.

«Юная американская мечта» была «пасторально непосредственной» – «простая жизнь», земля, нация фермеров [Cullen J., 2003, p. 39]. С развитием экономики и усложнением социальных связей она изменила содержание, а точнее, нарастила новые картины «рая на земле» – предмета мечты. Причем, добавим от себя, очевидно, что в качестве общенациональной мечты, как правило, фигурировали идеалы социальной группы, которая представляла в этот именно период базовый для экономики тип потребителя – неизбежная ситуация в обществе консьюмеризма.

Вот как, к примеру, описывает Куллен мечту типичного американца в середине прошлого столетия – в ситуации укрепления среднего класса и формирования мощной его идеологии и потребительских идеалов: «Материалистическая мечта о стиральных машинах, автомобилях и тостерах, откидывающихся креслах и домах в пригороде. К 1950 годам американская мечта трансформировалась в американское клише, в котором содержались равные доли материнства, яблочного пирога и семейных ценностей. Мамочка, Папочка, два-с-половиной-ребенка⁶¹, удобный дом в пригороде, две машины, стабильная работа, университетское образование, обеспеченное будущее, все составляющие новой целого среднего класса «национальной идентичности», идеально упакованной и легко усваиваемой...»⁶² [Cullen J., 2003, p. 43–44].

В этой связи вспоминается статья американского же автора⁶³ о корнях идеалистической картины типичной американской семьи, где муж обеспе-

⁶⁰ «There is no one American dream, there are many American dreams».

⁶¹ Статистически среднее количество детей в американской семье в те годы было 2,5.

⁶² «A materialistic dream of washing machines and automobiles and toasters, reclining chairs and homes in the suburbs. By the 1950th, the ad had been transformed into an American cliché comprised of equal parts of motherhood, apple pie, and family values. A Mommy, a Daddy, two- and-a-half-children, a comfortable home the suburbs, two cars, a steady job, college education, a secure future, all were constituent parts of a new, standardized, all-middle-class “national identity”, perfectly packaged, easy to digest, and all based on a dream for progress».

⁶³ К сожалению, библиография и конспект статьи не сохранились; перевод статьи на русский язык был опубликован в одном из номеров журнала Харьковского центра гендерных исследований, кажется, до 2004 г.

чивает материальное благополучие, а жена свободна от необходимости работать и может – счастливая! – полностью посвятить себя дому, семье, детям. Автор настаивает, что идеология неработающей счастливицы-домохозяйки была привнесена в американское общество с целью освободить дефицитные в то время рабочие места, в том числе для мужчин, возвращавшихся с войны. Другими словами, этот эпизод американской мечты откровенно демонстрирует ее исключительно идеологический и во многом искусственный характер, а также непосредственную укорененность в экономической интерес и государственную идеологию.

Вне зависимости от конкретного содержания мечты и исторической ситуации, в которой это именно содержание появилось, Куллен проводит важное разделение – он пишет о ее идеалистической и материалистической стороне. Первая характеризует сферу культуры как свобода, равенство, самореализация, вторая – сферу экономики как достаток, материальный успех, собственность. Как видно из приведенных примеров, эти две стороны американской мечты, хотя и выглядят противоположными, имеют единые корни и являются двумя сторонами одной и той же идеологии.

Что же объединяет многоликую и бесконечную на смыслы американскую мечту, делает ее, несмотря на изменяющееся содержание, устойчивым и скрепляющим нацию феноменом? Принцип наращивания достижений, утверждает Куллен: «Американская мечта никогда не означала простого бега по кругу: целью всегда было получить в итоге больше того, с чего ты начал... это дает возможность достигнуть определенного прогресса в достижении цели – если не для себя, то, по крайней мере, для блага их детей и сообщества»⁶⁴ [Cullen J., 2003, с. 159].

Эту особенность Куллен считает ключевой в определении сути феномена американской мечты, и в подтверждение своей мысли приводит цитату из книги Дж. Адамса: «Это мечта о земле, в которой жизнь, должно быть, лучше, богаче и полноценнее для каждого человека»⁶⁵ [Cullen J., 2003, p.159].

Фраза, по мнению Куллена, содержит в себе коварную многосмысленность: «что это “богаче и полнее” означает? Ответы варьируются. Иногда “богаче и полнее” определяется в денежном эквиваленте – в современных США почти каждый уверен, что это единственное определение, однако есть и другие. Религиозная трансформация, политическая реформа, достижения

⁶⁴ «The ad was never meant to be a zero-sum solution: the goal has always been to end up with more than you started with. ...it could procure some gain - if not for themselves in providing in reassuring sense of purpose, then at least for the good of their children and community».

⁶⁵ «That dream of a land in which life should be better and richer and fuller for every man».

в сфере образования, сексуальном самовыражении – список бесконечен»⁶⁶ [Cullen J., 2003, с. 159].

Итак, в чем же суть национальной идеологии североамериканской нации – американской мечты? Это – мечта-работа, по сути – борьба. Однако «не борьба революционера против установленного порядка, а борьба рядового человека за то, чтобы пребывать в уверенности относительно «жизни, свободы и стремления к счастью»⁶⁷ [Cullen J., 2003, с. 160].

Эта характеристика очерчивает достаточно большое поле для понимания феномена американской мечты:

1. Это именно мечта, или надежда. Это значит, что она не имеет императивного характера, в отличие от национальной идеи в ее русском, к примеру, или советском варианте. Человек свободен «мечтать» или не «мечтать», надеяться или нет. То есть человек свободен в самом основании этого национально-идеологического мифа.

2. Это не пассивное мечтание, а именно борьба, борьба за осуществление своей мечты, руководство к действию, мотив, где человек свободен в выборе и цели и средств. Причем свободен абсолютно, поскольку, по словам В. Умфелет, «в США все возможно, если этого очень хочется»⁶⁸ [Umphellett W.L., 2006, с. 5].

3. Поскольку это борьба, а всякая борьба ведется как «за», так и «против» (иначе она не была бы борьбой), для нее все же полагаются рамки: поскольку цель у каждого своя, борьба должна вестись только индивидуально и исключительно в рамках существующей социальной системы, ни в коем случае не коллективно и не против системы. «A dream of a personal fulfillment», – говорит об этом Адамс [Adams J., 1931]. Эта «личная» цель распространяется, однако, на «ближайший социальный круг» – на семью и на сообщество, к которому человек себя относит.

Косвенно этот набор принципов характеризует также и систему. Система должна быть такой, чтобы не мешать реализоваться личности, однако при этом обеспечивать сохранность установленного социального и экономического порядка. Такая свобода персонального выбора довольно жестко ограничивается законом. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в США, позиционирующих себя в качестве мирового образца и оплота демо-

⁶⁶ «Just what does 'better and richer and fuller' mean? The answers vary. Sometimes "better and richer and fuller" is defined in terms of money – in the contemporary US, one could almost believe this is the only definition – but there are others. Religious transformation, political reform, educational attainment, sexual expression: the list is endless».

⁶⁷ «Not a struggle of revolutionists against the established order, but of the ordinary man to hold fast to "life, liberty, and the pursuit of happiness"».

⁶⁸ «In the US everything is possible if you want it badly enough».

кратии, пока всерьез не ведется дискуссия о решении одной из ключевых проблем либерализма – об отмене смертной казни.

Американская мечта явно демонстрирует противоречивость американца как национального типа, о которой писал Э. Эриксон: «Какую бы черту мы ни выбрали в качестве подлинно американской, всегда можно показать, что она имеет свою столь же типичную противоположность... Наша динамичная страна (Америка. – *Прим. пер.*) подвергает свое население более резким контрастам и крутым переменам на протяжении жизни отдельного человека или поколения, чем это обычно бывает с другими великими народами. Большинство ее населения сталкивается в собственной жизни или в жизни ближайших родственников с альтернативами, представленными такими полюсами, как открытые пути иммиграции и ревниво сохраняемые островки традиции; страстный интернационализм и вызывающий изоляционизм; неистовая конкуренция и доходящее до полного забвения собственных интересов сотруничество, – и множеством других полюсов» [Эриксон Э., 2000, с. 82]. Американцы, прагматичная нация, называющая все своими именами и не прячущая за термином «идея» характер и суть своей идеологии, романтично провозгласила в качестве идеологии мечту. Таким образом, в американском варианте мы можем говорить об идеологии нации без национальной идеи, скорее, об идеологии надежды.

Означает ли такая «безыдейность» американской мечты как принципа самоидентификации нации, что американцам в отличие от русских с их русской идеей чужда позиция предназначения нации и мессианства? Вовсе нет. Скорее, можно говорить о том, что на уровне национальной идеологии идея предназначения, характерная для русских, на индивидуальном уровне чаще не популярна. Пресловутое «за державу обидно» выражает, скорее, боль, причиняемую русскому человеку несоответствием идеального социального порядка и реального положения вещей, и направлено больше против государства, чем в поддержку его политики. В случае американской нации дело обстоит противоположным образом. Рядовой американец значительно более податлив идее своей персональной ответственности за активность своего государства, к примеру, в деле распространения демократии в различных регионах мира или в миссионерской деятельности, как религиозной, так и общекультурной. Эта персональная ответственность в содействии прогрессу⁶⁹ – неотъемлемая часть американской мечты, «которая внесла огромный вклад в осмысленность и благополучие в мире»⁷⁰, утверждает В. Умфелет [Umphellett W.L., 2006, p. 26].

⁶⁹ Надо заметить, в меру часто довольно своеобразного понимания как прогресса, так и своего (личного и государства) в нем участия.

⁷⁰ «Which is the great contribution we have made to the thought and welfare of the world».

В последнее время все углубляющееся противоречие американской мечты как противостояние заявленной идеологии и реальных интересов рядовых американцев привело к кризису «американской мечты» и засвидетельствовало обостряющийся кризис нации [см., к примеру, Umphlett, 2006]. По этому же поводу задается вопросом Куллен: «Существует ли американская мечта сегодня, имеет ли она до сих пор достаточно власти, чтобы существовать?». Его позиция относительно настоящего данной идеологии резка и пессимистична: «Новая американская мечта откровенно наиболее нереалистична из всех: поверхностные фантазии о невозможной славе, безвозмездных наградах и нездоровом героизме»⁷¹ [Cullen J., 2003, p. 48].

Кризис нации связывают с замиранием общественной жизни в современной Америке, с все возрастающей потребностью и возможностью дистанцироваться от других, с отмиранием культурных и коммуникативных потребностей. В небольшой, но ярко и с болью за будущее американского общества написанной книге «Как другие видят нас: причины и последствия восприятия Америки иностранцами» («As Others See Us: the Causes and Consequences of Foreign Perceptions of America») ее автор Стефан Брукс [Brooks S., 2006] называет наибольшую, с его точки зрения, проблему современной Америки – так называемые «three “I”s»: “ignorance”, “insularity”, “indifference”» (невежество, изолированность и безразличие). Очевидно (по версии автора), что нарастающая изолированность людей происходит от изолированности самой Америки от всего остального мира, хотя американская мечта в некоторой степени и стала идеологией многих наций планеты. Вспомним высказывание Краснодембски о том, что так называемые европейские идеалы, такие желанные для многих украинцев, являются на самом деле идеалами вовсе не европейского, а американского образа жизни, идеализированного и весьма далекого от реальности.

Действительно, представления об «Америке» – США – украинцы, как, по всей видимости, и подавляющее большинство других наций, черпают главным образом из телевидения. Однако ирония, как и следствие самоизоляции на олимпе глобализации, заключается в том, что не только Украина и многие другие страны, являющиеся более-менее пассивными объектами глобализации, но и сами американцы имеют о себе, своей стране, о ее восприятии другими народами довольно искаженные представления. Существует расхожее мнение, что «количество людей, желающих жить в Америке, так же велико, как и количество людей, Америку ненавидящих», однако, как показывает статистика, дело обстоит как раз наоборот: реальное количество людей,

⁷¹ «Does the ad have relevance today? Does it still have power to exist? The new ad is clearly the most unrealistic dreams of all: a shallow of fantasy of impossible celebrity, gratuitous rewards, and unwholesome heroes».

желающих жить в США, несоизмеримо меньше, чем это представляют себе американцы [Brooks S., 2006, p. 35].

Откуда же идеи об Америке берутся самими американцами? В большой мере они являются отзеркаливанием идеологии и апологетизируемой ею активности государства, вдобавок существенно обработанное довольно низким общеобразовательным (то, что принято называть общекультурным) уровнем значительной части современного американского общества. Американцы сами оказались в плену собственного освободительного мифа, наивно расценивая свою жизнь как воплощение «американской мечты» и подозревая представителей других наций в полагании этой мечты (и, соответственно, этого качества и стиля жизни) в качестве реальной практической цели.

Несмотря на «миграцию» американской мечты в контексте глобализации, основа для нее – когда-то исключительно американской, а теперь мечты для всех – разная: для американцев это отсутствие интереса к остальному миру и уверенность, что они представляют абсолютную модель демократии, для украинцев это недостаток информации об Америке, хотя и при большом к ней (и не только к ней) интересе.

То, что представления об Америке самих американцев и остального мира часто не совпадают, объясняется исторической спецификой США. В ситуации отсутствия значимого «Другого», мнение которого и отношение к себе являются серьезным источником самопознания, представители нации неизбежно живут идеализированными ценностями, в виртуальном, сконструированном и изолированном мире, предпочитая его реальному. Ж. Бодрийяр с его чутьем всякого рода симулякров пишет об этом: «Америка – гиперреальность. Она... представляет собой утопию, которая с самого начала переживалась как воплощенная» [Бодрийяр Ж., 2000, с. 94].

Почему же в этой ситуации не включается механизм самооценки, самополагания критериев? Видимо, причиной такой саморефлексивной стерильности является несформированность исторической памяти у американской нации (как пишет Бодрийяр, «не ведая первичного накопления времени»), а также практически игнорирование философской европейской культуры, которая могла бы воспитать чувство истории искусственно. Отсутствие исторического прошлого в том смысле или в тех масштабах, которые свойственны нациям европейским, оставляет американскую нацию без критериев, в том числе и для самооценки, тем самым лишая ее возможности, путей и механизмов быть в отношении себя и других объективной.

А вот что Бодрийяр пишет о кризисе Америки и ее великой мечты: «Соединенные Штаты – это воплощенная утопия. Не стоит судить об их кризисе так же, как мы судим о нашем – кризисе старых европейских стран. У нас – кризис исторических идеалов, вызванный невозможностью их реали-

зации. У них – кризис реализованной утопии как следствие ее длительности и непрерывности. Идиллическая убежденность американцев в том, что они – центр мира, высшая сила и безусловный образец для подражания – не такое уж заблуждение. Она основана не столько на технологических ресурсах и вооруженных силах, сколько на чудесной вере в существование воплотившейся утопии – общества, которое с невыносимым, как это может показаться, простодушием, зиждется на той идее, что оно достигло всего, о чем другие только мечтали: справедливости, изобилия, права, богатства, свободы; Америка это знает, она этому верит и, в конце концов, другие тоже верят этому» [Бодрийяр Ж., 2000, с. 94].

ВЫВОДЫ. ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Русская идея как ядро национальной идентичности русских является идеей философской и представляет собой идеологию судьбы, предназначения, то есть относится к сфере морали. Она является одновременно процессом и результатом поисков границ в себе, и, поскольку содержит в себе инаковость, в конструкте «Другого» нет особой нужды. Однако Другой присутствует и в этом случае более или менее явно – это так называемые «малые» народы, в отношении которых Россия всегда видела и видит себя большой и значительной и территориально, закрепляя «родственными» отношениями свою имперскую позицию «старшего брата». Россия конструирует свою идентичность в том числе и посредством Другого, однако инаковость «меньших» народов не является настолько значимой, чтобы быть задействованной в процессе национальной самоидентификации. Русский противопоставляет себе только свою собственную инаковость, как идеальное представление себя же, своей «общей» народной «души».

Нуждается ли Россия в реальном Другом для построения собственной самоидентификации? Сильная Россия, самодостаточная – нет; она черпает свою силу из собственной идеи, то есть сама порождает условия для своего собственного существования. Нарастание ксенофобии в России в последние годы, свидетельствует о некотором дефиците этого чувства самодостаточности, о неразработанности подходящих в нынешних условиях идентификационных стратегий. Центральной лозунг российского национализма сделать Россию только для россиян «кричит» о кризисе культурной самодостаточности, такой непоколебимой на протяжении столетий. Это также объясняет факт рас-

пространения ксенофобии среди россиян молодого возраста: их формирование в качестве поколения, ответственного за будущее страны, пришлось на период утраты Россией былой имперской роли и разрушения с этим устоявшейся самоидентификационной стратегией. Имперскость и исключительность – другой самоидентификационной стратегии у России пока нет, так что взрыв российской ксенофобии в вакууме грамотной трансформационной идеологии вполне объясним.

Так называемая «великая общность советский народ»⁷² базировалась на идеологии интернационализма, то есть фактически отказалась от национальной составляющей самоидентификации. Это была попытка затушевать ведущую роль в сообществе одной из наций (разумеется, русской), и основным механизмом было добровольное, а точнее, осознанное участие наций в содружестве. Содружество вместо родственности и патроната – основное отличие «великой общности советский народ» от национального конгломерата Российской империи. Хотя в идеологических текстах времен СССР использовалось понятие «семья советских народов», концептуально придание такой роли социальному феномену семьи противоречило коммунистической идеологии. В качестве иллюстрации вытеснения семьи как мотиватора интересен случай, описанный Е. Драпкиной, одной из секретарей Ленина, в книге-воспоминаниях «Черные сухари». Случайно встретив отца в коридорах только что образовавшейся советской власти, она напомнила ему о себе, пробившись через толпу просителей, и его единственной реакцией на эту первую после многих лет разлуки встречу было предложение ей денег на обед – и никаких эмоций, ни радости, ни удивления, только разве что легкая досада, что его время отнимают по такому пустяшному поводу.

Советская нация – воплощенный интернационализм – представляла собой идеологию долженствования, или, если сравнивать с российской моральностью, можно сказать, что советская нация руководствовалась принципом нравственности. В СССР в основу национального строительства был положен классовый принцип, где Другой – идеологически Другой, а не по его национальной или расовой принадлежности. Капитализм на уровне формаций и идеологии, потребитель на уровне принципов и типа человека являлся тем Другим, отталкивание от которого оказалось несущим в структуре советской самоидентификации.

Что касается США, то императив здесь положен в сфере закона, в то время как ни мораль, ни нравственность не являются ключевыми составляющими самосознания – и это несмотря на религиозность подавляющей части населения. Долженствование в случае США прижилось в сфере уплаты

⁷² Феномен, который мы оставили за пределами нашего рассмотрения; однако совсем обойти эту тему невозможно в силу того хотя бы, что советский народ явился непосредственным историческим предшественником современной украинской нации.

налогов и соблюдения общественного порядка, то есть в сфере отношения гражданина и государства. Государственная идеология, как правило, сильна, однако это все же не идеология нации (мы рассматривали этот вопрос подробно в разделе «Конструирование новой украинской идентичности: стратегия конфликта»). Государство по определению оппозиционно гражданскому обществу, даже и в случае колоссальной разработанности механизмов их сотрудничества. К тому же принципы американской нации сложно формулируемы, если принять во внимание нерешенность многих расовых, иммиграционных, языковых и прочих вопросов. Место национальной идеологии здесь занимает так называемая «американская мечта» – смесь здорового прагматизма и романтизма, который помогает найти место надежде на случай в атомизированном и одновременно строго структурированном социуме. США как нация определяет себя через себя же, как и россияне, и, так же как и они, все же нуждается в Другом для этого самоопределения. Этот Другой, во-первых, воспроизводится постоянно внутренней противоречивостью американского характера (Э. Эриксон), во-вторых, глобализация и флагманская роль США в этом процессе предоставляют практически весь мир, в большей или меньшей степени (степени сопротивления глобализации как таковой или такой именно модели глобализации), в качестве Другого. В случае США правильнее было бы говорить о гражданской самоидентификации, которая происходит в отношении государства и почти исключительно в денежном эквиваленте, но никак не о национальной – в отношении других народов.

Американская мечта – это здоровый прагматизм и романтизм, практически реализовавший свою идеологию – либерализм, в рамках которой можно быть каким угодно. Это не мораль и не нравственность, а идеология случая, высшая, во всяком случае, декларированная, ценность которой заключается в ножницах семьи и личной свободы. Самоидентификация здесь происходит через Другого – себя вчерашнего, и отталкивание, конструирующее инаковость, происходит посредством нарастания успешности в жизни своей, семьи и значимого сообщества. Это же порождает и свойственную американской нации психологию мессианства, суть которого в том, чтобы подтянуть другого до своего уровня, помочь ему пройти тот же, идеологизированный, путь к свободе и успеху. Отсюда и особо теплое отношение к предмету мессианства, поскольку в нем видят самих себя, и настойчивость, с которой миссионерство предлагается или даже навязывается. Отсюда же и утрата интереса и изгнание предмета из поля своего участия в случае, если этот предмет отказывается в точности повторять предлагаемый для освоения путь, то есть отказывается быть двойником мессии.

Таким образом, хотя СССР, Россия и США представляют собой имперские образования и все так или иначе используют Другого в процессе са-

моидентификации, принципы их идентификационных стратегий различны. И СССР, и Россия имеют в качестве основания идентификации философию долженствования, но различие их в том, что в случае России это долженствование внешнее – царь, бог, честь, судьба (в зависимости от социального положения и базового идейно-чувственного «набора»), а в случае СССР – внутреннее, укорененное в том, что называют сознательностью: «что скажут люди?», «как не стыдно?», «ну ты же советский человек» – вот регуляторы и корректоры индивидуальности советского образца. Стыд в этом случае – базовый регулятор самоудержания индивидом своего поведения в социально принятых рамках, и, несмотря на непривлекательность этого регулятора-эмоции, он все же репрезентует один из самых высоких уровней саморегуляции. То есть, применяя различие морали и нравственности, проведенное в рамках классической европейской философии, как соответственно внешнего и внутреннего императивов, Россия скрепляет нацию моралью, а СССР – нравственностью. Это естественно в силу того, что в ситуации декларируемого равенства народов и стирания их исторически-культурной памяти в пользу интернационализма необходима значительно более мощная легитимация этого, по сути антинационального, регулятора.

Несмотря на видимость отсутствия идеологии нации в случае с США, а также иллюзии большей идеологичности СССР по сравнению с Россией, все три системы идеологичны в обеих плоскостях – и в отношении национального, и в отношении классового, которое в свою очередь разнообразно внутри себя – особенно в случае США, в силу расового и этнокультурного разнообразия, а также имманентных системе демократических (либеральных) традиций.

Существует ли идея Европы или этот конгломерат народов свободен от подобного конструкта?

На этот вопрос можно дать оба ответа: и «да» и «нет». Политические процессы в рамках ЕС отвечают не столько тенденциям развития внутри наций, сколько продиктованы экономической целесообразностью развития этого региона мира как целого. ЕС свободен, или почти свободен, от идеологии объединения и держится в единстве в силу развитости его политических институтов и экономической целесообразности, а также на мощной основе общих цивилизационных традиций – «аутентичных» традиций «западной» культуры. Однако идеология Европы – то есть европейства – все же существует в качестве репрезентационного образа «Запада» для стран Восточной Европы и таких, к примеру, как страны Кавказа или Турция, которые сложно и спорно идентифицируемы на перекрестье геополитических и географических категорий.

Можно сделать вывод, что нации, ставшие предметом нашего анализа, дают пример конструирования через себя, нахождения границ в себе, из

Выводы. Принципы построения национальной идентичности

себя, из собственного исторического становления, в то время как другие страны, в том числе Украина, Беларусь, Болгария, – нуждаются в категории Другого и демонстрируют психологию самоколонизируемой нации.

Вряд ли можно говорить о том, что какие-то нации абсолютно свободны от (само)колониализма в саморепрезентации и ментальном самоконструировании. Разница в том, что одни нации оказываются в позиции колонизаторов, а другие – колонизируемых. Некоторые же страны, как, к примеру, Украина и, возможно, другие страны Восточной Европы, сами ставят себя в позицию колонизируемых, хотя имеют все резервы к самостоятельности. Почти все резервы – кроме того ключевого резерва, пожалуй, который называют «политической волей».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛИЗМУ

Возвращаясь к украинскому национальному самосознанию и самопозиционированию, у нас оказалось больше вопросов, чем готовых ответов на них.

Каким путем национальную идентичность возможно и должно формировать, каковы ее основания и принципы – вот вопросы, на которые ответы пока не найдены. Должно ли это происходить по тому же типу, который традиционно присущ Украине – через соотнесение себя с Другим, или с началом нового тысячелетия и образованием независимого государства появились основания быть более самостоятельными в этом процессе? Может ли Украина иметь свою идею, то есть определять себя без привлечения Другого, и не является ли такой поиск идеи определенным насилием над природой украинской идентичности, попыткой построить свою идентичность по тому же принципу, по которому конструируется идентичность, к примеру, русская? Не означала бы в свою очередь такая существенная смена идентификационной стратегии утрату одного из базовых принципов самоидентификации украинской нации? И есть ли вообще у украинцев шанс преодолеть традиционный провинциализм ментальности? Одно очевидно: с развитием украинской действительности, со сменой исторических условий характер, принципы самоидентификации нации должны меняться.

Не исключено, что определение национальной идеи Украины потому так трудно, что сам концепт национальной идеи чужд украинской традиции. Самоидентификационный процесс в этом случае происходит в «ножницах» парадокса: с одной стороны, украинская идентичность строится на противопоставлении Другому, прежде всего, «рус-

скому», с другой стороны, перенимается «инаковая», свойственная именно русской духовной традиции самоидентификационная стратегия поиска ядра нации в ее идее.

В силу того что Украина, при всем богатстве традиций украинской националистической мысли и практической борьбы, все же не так давно впервые появилась на карте в качестве независимого государства, национальная самоидентификация украинцев не может не претерпевать изменений. В определенном смысле она только еще формируется, и происходит это в эпоху глобализации, а значит, в ситуации несвободы Украины от мировых ключевых игроков – прежде всего в силу условий, неоднократно указываемых З. Бжезинским и другими авторами: цивилизационной, культурной, географической близости к России и общности истории с ней.

Однако есть вопрос, который логически предстоит другим, но который никогда не поднимается теоретиками украинского национализма. Дело в том, что национализм (и это понятно) утверждает безоговорочно сам факт необходимости формирования национальной самоидентификации, где национальное – ключевая ее характеристика. Негласно подразумевается, что украинская нация и государство нуждаются в развитии именно национального самосознания и сама попытка задаться вопросом о целесообразности развития националистических психологических корней была бы расценена как чуть ли не предание национальных интересов. «Самосознание нации» и «национальное самосознание» представляются при этом одним и тем же понятием, хотя они далеко не всегда синонимичны. Различие между ними в определенных случаях может быть существенным – в зависимости от того, как мы обращаемся с понятиями и для чего их привлекаем.

Когда говорят о национальном самосознании, могут иметь в виду именно самосознание нации, и тогда эти понятия правомерно использовать в качестве синонимов. Однако бывает, что, говоря о национальном самосознании, имеют в виду следующее: категория национального тяготеет к этническому, и весь понятийный ряд, тянущийся за ней, является центральным конструирующим пунктом самосознания. В этом случае понятия вовсе не синонимичны, и различие пролегает в том же смысловом поле, что и различие политической и этнической нации. Однако это различие смыслов «самосознания нации» часто не артикулируется, и в результате происходит скольжение смыслов, которые ситуативно изменяют объем и содержание понятий, и вследствие этого не могут выступать достаточно адекватным орудием мысли, а оказываются, скорее, орудием осознанного или невольного манипулирования.

Если все же разграничить смыслы этих двух понятий применительно к Украине, то встает тот самый «кощунственный» вопрос: действительно ли развитие именно национального – то есть на основе национального в каче-

стве базового принципа – самосознания необходимо Украине сегодня? Почему не политического, экономического, культурного, экологического, потребительского или какого-то другого – возможно, по ключевой для Украины проблеме? Почему делается акцент на отличие украинцев от других наций, то есть проводятся разделительные линии, к примеру, с той же Европой, при всей интеграционной риторике украинского политикума? Почему не предлагается в качестве основы развитие европейского или глобалистского сознания – в зависимости от того, какие геополитические приоритеты окажутся наиболее отвечающими национальным интересам Украины сегодня и в перспективе? Не является ли такое замыкание нации на себе в эпоху неизбежной глобализации ложным путем самопознания и самопозиционирования? И не означает ли постановка вопроса о развитии именно национального самосознания проявление все того же пресловутого украинского провинциализма, который для самоопределения непременно нуждается в категории Другого, даже если этим другим (прогресс-то какой!) теперь представляют не другую нацию, а себя самих в обратной исторической перспективе – «мы, вообще-то, тоже европейцы, но другие»? Это «другие мы», как правило, имеет четкий привкус онтологической ущербности, которую пытаются компенсировать предикативно: «зато какое у нас козацкое прошлое!..». Или не козацкое, а то, о котором говорит О. Забужко: «Классическим с точки зрения колониальной психологии феноменом является своеобразный, на протяжении практически всего столетия создаваемый... культ Роксоланы, женщины, безусловно, неординарной, типично ренессансной (качества, которые вряд ли тогда могли ярко проявиться в Украине!), но сложно представить, чтобы какой-нибудь уважающий себя народ впадал в приступ патриотической гордости от того, что его дочь украшала чужие гаремы» [Забужко О., 2005, с. 44–45]⁷³.

⁷³ Многоточием в цитате заменены слова: «... украинскими мужчинами (от композитора Д. Сичинского до романиста П. Загребельного)».

Дело в том, что указанная героизация, на наш взгляд, осуществляется не мужчинами творческих профессий, хотя и популяризуется ими. Реальным автором такого отношения является и рядовой украинский мужчина, и женщина тоже, и даже скорее женщина – нужно ведь хоть чем-то гордиться, хоть таким путем почувствовать себя востребованной.

Примечание: на наш взгляд, Забужко останавливается на этом остром замечании, не вполне справедливо, из нежелания отвлекаться от мысли, которую она своей репликой иллюстрирует, остро и ярко, чтобы зацепило – лекция читалась американской университетской публике. Несомненно, наша знаменитая автор понимает, что гордиться на самом деле есть чем: не тем, что Анастасия Лисовская оказалась в гареме, а тем, что, оказавшись там невольно, она смогла из него выйти, пусть и не на свободу, но все же на султанский трон.

Мыслить себя в качестве Другого или же в отношении к нему – признак, конечно, колониальной психологии. Возможно, у Украины с независимостью появился шанс отказаться от этого исторического наследия – колониализма в ментальности, того, что называется «чувством меньшеварто-сти». Если ценой такого освобождения станет отказ от центрального места национального в его, по большинству, этническом понимании, можно ли говорить, что цена слишком высока?

Сам по себе вопрос о целесообразности национальной самоидентификации именно в качестве национальной не содержит в себе негативного ответа, это не намек на то, что – нет, национальная самоидентификация не нужна. Однако этот вопрос должен быть поставлен, чтобы ответ на него был осознанным и ответственным, и вообще – был.

Формировать новую идентичность сложно, даже руководствуясь старыми, привычными понятиями, а уж формировать ее на абсолютно другой основе – невозможная задача ни для обыденного сознания – человека/общества, укорененного в повседневность, ни для сознания того типа политических элит, которые представлены сегодня в Украине. Для такого нужна социальная смелость, которая приходит только с большими кризисами, или, напротив, с благополучием на той его стадии, когда оно становится разрушительным в силу замирания мотивации и исчезновения «энергии желаний» (что также является кризисным состоянием).

Во всяком случае, существует альтернативный взгляд на тему национализма в современную эпоху и необходимость развития самосознания нации именно как национального. Позиция, при всей ее одинокости на фоне националистического воодушевления в рядах гуманитариев, все же достойна внимания и обсуждения хотя бы из уважения к демократическим принципам: «Неподатливость к национализму (sic!) населения Беларуси, востока и юга Украины можно интерпретировать как результат не столько их “совковой ущербности”, сколько наибольшей вовлеченности в современную высокотехнологичную экономику, предполагающую высокий образовательный ценз и развитые навыки рационального мышления» [Носевич В., 2005, с. 184]. Эта «неподатливость к национализму» свойственна в значительной степени и современной украинской самоидентификационной культуре, в немалой степени являясь следствием почти векового советского, по сути своей интернационального, опыта. «Утраченный политический идентитет “бывшего советского” человека неизбежно должен был быть замещен маркером более “низкого” ряда – этнической идентичностью. Парадокс и драматизм этой ситуации, однако, состоят в том, что человек советской формации, воспитанный десятилетиями на пролетарском интернационализме, вряд ли найдет цельный интернализированный этнический комплекс в своей душе. В исторических обстоятельствах «облетания», сшелушивания всех прежних

культурных идентичностей он предстает перед нами скорее как «голый человек на голой земле» [Крылова Н., Грицай Е., 2008, с. 28].

На одной из художественных выставок в Харькове привлекла внимание реплика из почти философского полотна, на котором изображены были фенечки – символические воздушно-девические существа, каждое из которых было застигнуто за каким-либо особенным занятием и сопровождалось небольшим текстом, почти просто надписью. Не запомнилось подробно ни полотно, ни даже общая идея его, но запомнилась одна реплика. Реплика была помещена возле очень грустной Фенечки, явно страдающей комплексом «меньшевартости» на фоне своих довольных благополучных подруг: «А одна Фенечка умела летать, только другие думали, что у нее ноги не достают до пола».

ИСТОЧНИКИ

Источники к разделу 1

1. *Coleman, J.* Social Capital: A Multifaceted Perspective, 2000.
2. *Dijk, T.A. Van.* Elite Discourse and Racism. 1985. Vol. 6.
3. *Graham, S.B.* A cultural analysis of the Russo-Soviet Anekdot. Pittsburgh, 2003.
4. *Potter, W.J.* An analysis of thinking and research about qualitative methods. 1996. 393 p.
5. *Shkandrij, M.* Russia and Ukraine: Literature and Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times. 2001. 354 p.
6. *Waldenfels, B.* Bodily Experience between Selfhood and Otherness // Режим доступа: <http://cfs.ku.dk/calendar-main/calendar2002/30122002/waldenfels-opening-lecture.pdf>. Дата доступа: 10.01.07.
7. *Адоньева, С.Б.* Прагматика фольклора. СПб., 2004. 312 с.
8. *Алтунян, А.Г.* От Булгарина до Жириновского: Идеино-стилистический анализ политических текстов. М., 1999. 247 с.
9. *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. М., 2001. 288 с.
10. Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб., 2002.
11. *Антоновский, А.Ю.* Социальные системы Никласа Лумана // Луман Н. Власть / пер. с нем. М., 2001. С. 223–250.
12. *Апель, К.-О.* Трансформация философии / пер. с нем. М., 2001. 344 с.
13. *Архипова, А.С.* Анекдот в зарубежных исследованиях XX века // Живая старина. М., 2001. № 1. С. 30–31.
14. *Баранов, А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. 390 с.
15. *Баранов, А.Н.* Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. М., 1994. 496 с.

16. *Барт, Р.* Избранные работы : Семиотика: Поэтика / пер с фр. М., 1989. 616 с.
17. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М., 1995. 323 с.
18. *Бергсон, А.* Смех. М., 1992. 127 с.
19. *Блакар, Р.М.* Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия: пер. с фр. М., 1975 С. 88–126.
20. *Болинджер, Д.* Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия: пер. с англ., фр., нем. М., 1987. С. 23–43.
21. *Бурдье, П.* Практический смысл : пер. с фр. СПб., 2001. 562 с.
22. *Вальденфельс, Б.* Топографія Чужого: студії до феноменології Чужого. Київ, 2004. 206 с.
23. *Витгенштейн, Л.* Философские работы / пер. с нем. М., 1994. Ч. 1. 612 с.
24. *Воропай, Т.* Національна ідентичність як теоретична та практична проблема сьогодення // Розвиток демократії та демократична освіта в Україні : матеріали II Міжнародної конференції (Одеса, 24–26 травня 2002 р.). Київ, 2003. С. 125–135.
25. *Габермас, Ю.* Філософський дискурс Модерну / Ю. Габермас; пер. з нім. Київ, 2001. 424 с.
26. *Гегель, Г.В.Ф.* Система наук. Часть 1. Феноменология духа. СПб., 1999. 444 с.
27. *Геллнер, Э.* Нации и национализм: пер. с англ. М., 1991. 320 с.
28. *Гіденс, Е.* Нестримний світ: як глобалізація перетворює наше життя. Київ, 2004. 100 с.
29. *Гнатюк, О.* Прощание с империей. Между Востоком и Западом // Перекрестки. Журнал исследования восточноевропейского Пограничья. 2005. № 1–2, С. 37–98.
30. *Голубович, И.В.* Смеяться над своим уделом // Докса. 2003. № 3. С. 45–57.
31. *Горностаева, М.В.* Символический закон «признания Другого» как основа человеческого общежития (в психоаналитической концепции Ж. Лакана) // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология – 2000. № 2. С. 123–139.
32. *Гофман, И.* Предоставление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. М., 2000. 304 с.
33. *Давыдов, Ю.Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998. 510 с.
34. *Дандес, А.* Фольклор: семиотика и/или психоанализ / пер. с англ. М., 2003. 279 с.
35. *Дебор, Ги.* Общество спектакля / пер. с фр. М., 2000. 184 с.
36. *Дейк, Ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М., 1989. 312 с.
37. *Делез, Ж.* Критическая философия И. Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. М., 2000. 351 с.
38. *Денежкин, А.* «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства / Ю. Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 181–209.
39. *Денкэн, Ж.-М.* Политическая наука: учеб. пособие / пер. с фр. М., 1993. 62 с.

Источники

40. Десять лет украинской независимости : уроки постсоветской трансформации и вызовы XIX века : материалы круглого стола // Політична думка. 2001. № 3. С. 3–34.
41. Дехтяр, В.М. Проблема власти у французькому постструктуралізмі : ав. на здобуття наукового ступеня к.ф.н. Київ, 1999. 16 с.
42. Дмитриев, А.В. Социология юмора : очерки. М., 1996. 214 с.
43. Довгополова, О.В. Другое, Чужое, Отторгаемое как элементы социального пространства : монография. Одесса, 2007. 300 с.
44. Доган, М. Легитимность режимов и кризис доверия // СоцИс : Соц. исслед. М., 1994. № 6. С. 147–156.
45. Дридзе, Т.М. К преодолению парадигмального кризиса в социологии // ОНС. № 5. 2000. С. 129–141.
46. Думка громадян України про владу, політиків, політичну та виборчу систему в країні (результати соціологічного дослідження), 20 сентября 2007 года. Режим доступа: <http://www.uceps.org/ua/print/1191>.
47. «Духи» Конституции, 20 сентября 2007 года. Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/ru/news/2007/4/5/56934.htm>, дата доступа 22.07.2008 .
48. Ермолаев, А. В поисках национальной идеи. Философские заметки. Режим доступа: <http://www.sofia.com.ua/page17.html>, дата доступа 22.07.2008.
49. Єрмоленко, А.М. Комуникативна практична філософія : підручник. Київ, 1999. 488 с.
50. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. М., 2002. 160 с.
51. Завершинский, К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // ПОЛИС. 2001. № 2. С.113–131.
52. Ионин, Л.Г. Альфред Шюц и социология повседневности. Современная американская социология. М., 1994. 180 с.
53. Ионин, Л.Г. Понимающая социология : историко-критический анализ. М., 1979. 207 с.
54. Калина, Н.Ф. Лингвистическая психотерапия. Київ, 1999. 282 с.
55. Кимлічка, В. Лібералізм і права меншин : пер. з англ. Харків, 2001. 176 с.
56. Ковалев, А. Книга Ирвина Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. М., 2000. С. 5–28.
57. Кожинова, А. Об анекдоте как о типе текста // Форма, значение и функции единиц языка и речи. Материалы докладов. Минск, 2002. Ч. 2. С. 161–163.
58. Козер, Л. Функции социального конфликта : пер. с англ. М., 2000. 208 с.
59. Козловски, П. Общество и государство : неизбежный дуализм : пер. с нем. М., 1998. 368 с.
60. Конституція України. Харків, 2006. 47 с.
61. Краснодембски, З. Демократия периферии // Перекрестки. Журнал исследования восточноевропейского пограничья. № 1–2. 2005. С. 229–298.
62. Куббель, Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. 269 с.
63. Ладыгин, М.Б. Краткий мифологический словарь / М.Б. Ладыгин, О.М. Ладыгина. М., 2003.

64. *Лебина, Н.Б.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность : конструкты, символы, знаки. СПб., 2006. 444 с.
65. *Левінас, Е.* Між нами: Дослідження Думки-про-іншого: пер. із фр. Київ, 1999. 312 с.
66. *Локшина, Т.* Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ: сравнительный анализ ситуации в центральных и региональных СМИ / Т. Локшина, С. Лукашевский. Режим доступа : http://www.hro.org/editions/h_speech/04.html. Дата доступа: 10.10.2006.
67. *Луман, Н.* Власть: пер. с нем. М., 2001. 256 с.
68. *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003. 280 с.
69. *Нейман, Дж. фон.* Теория игр и экономическое поведение / пер. с англ. М., 1970 г.
70. *Николко, М.* Исследования современной политической культуры : актуализация образа Трикстера // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2006. Т. 19 (58): Философия. № 1. С. 214–216.
71. *Остин, Дж.* Избранное: пер. с англ. М., 1999. 332 с.
72. *Парсонс, Т.* О структуре социального действия: пер. с англ. М., 2000. 880 с.
73. *Патнэм, Р.* Странное исчезновение гражданской Америки // Цивілізаційне перехрестя. Київ, 2004. С. 128–133.
74. *Рабкин, Я.* Религия или национализм? Режим доступа: http://www.is.svitonline.com/philosophy/Rabkin.htm#_Toc136220709. – Дата доступа: 22.07.08.
75. *Рорти, Р.* Случайность, ирония и солидарность / пер. с англ. М., 1996. 280 с.
76. *Рябчук, М.* Закон сообщающихся сосудов и некоторые другие законы. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/riab15.html>. – Дата доступа: 22.07.2008.
77. *Селигмен, А.* Проблема доверия / пер. с англ. М., 2002. 256 с.
78. *Серета, В.* Исторический дискурс в официальных речах президентов Украины и России Сравнительный анализ // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 3. С. 191–212.
79. *Сикевич, З.* «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // СОЦИС. 1999. № 1.
80. Словарь терминов французского структурализма // Структурализм: «за» и «против»: сб. науч. работ: пер. с англ., фр., чеш., пол., болг. М., 1975. 468 с.
81. *Степаненко, В.* Альфред Шюц и современная социология // Философская и социологическая мысль. 1995. № 11–12. С. 141–143.
82. *Степанов, В.* Стереотипизация сознания посредством анекдотов на этническую тему. Режим доступа: <http://www.ethnoforum.md/articles/39/index.html>. – Дата доступа: 20.03.2008.
83. *Толпыгина, О.А.* Дискурс и дискурс-анализ в политической науке // Политическая наука. 2002. № 3.
84. Трикстер. Статья из словаря. Режим доступа: <http://deja-vu4.narod.ru/Trikster.html>. – Дата доступа: 20.03.2008.
85. *Успенский, Б.* Этюды о русской культуре. СПб., 2002. 480 с.

Источники

86. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная монограф. Екатеринбург, 2003. 550 с.
87. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному // «Я» и «Оно». Труды разных лет. Тбилиси, 1991. С. 175–407.
88. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности : пер. с фр. М., 1996. 446 с.
89. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и сотворение благоденствия // Неприкосновенный запас. 2001. № 2.
90. Фурс, В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000. 224 с.
91. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью : пер. с нем. М., 1992. 245 с.
92. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем. СПб., 2000. 377 с.
93. Хельд, К. Подлинная экзистенция и политический мир // Вопросы философии, 1997. №4. С. 38–50.
94. Шевченко, Е.С. Диалектика дискурса и текста в современной социогуманитарной парадигме: дис. канд. филос. наук. Владивосток, 1997. 32 с.
95. Шишков, С. Абсурдный анекдот в культуре // Докса. 2003. № 3 С. 139–147.
96. Шмитт, К. Политическая теология / пер. с нем. М., 2000. 336 с.
97. Шпакова, Р.П. Легитимность политической власти // Макс Вебер, прочитанный сегодня. СПб., 1997. С. 190–200.
98. Юнг, К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. Київ, 1996. 384 с.
99. Язык и массовая коммуникация: социолингвистическое исследование. М., 1984. 277 с.
100. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды: печать, радио, телевидение, документальное кино: сб. науч. работ. М., 1980. 256 с.
101. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против»: Сб. науч. работ : пер с англ., фр., чеш., пол., болг. М., 1975. С. 193–231.

Источники к разделу 2

1. *Anderson, B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983. 216p.
2. *Barner-Barry, Carol and Hody Cynthia A.* The Politics of Change: the Transformation of the Former Soviet Union. New York, 1995. 372p.
3. *Barrington, Lowell W.* Nationalism and Independence / After independence. Making and protecting the nation in postcolonial & postcommunist states; ed. By Lowell W. arrington. Michigan, 2006. 306 p.
4. *Brooks, Stephen.* As others see us: the causes and consequences of foreign perceptions of America. 2006. 178 p.
5. *Brzezinski, Zbigniew.* Ukraine's critical role in the post-soviet space / Ukraine in the world: studies in the international relations and security structure of a newly independent state / ed. By Lubomyr A. Hajda. Distributed by Harvard University Press

- for the Ukrainian Research Institute, Harvard University, Cambridge, Massachusetts. 1998. 362p.
6. *Calhoun, Craig*. Nationalism. University of Minnesota Press, 1997. 182 p.
 7. *Gellner, Ernest*. Nationalism in the Vacuum / Thinking Theoretically About Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR; ed. by Alexander J. Motyl. Columbia University Press, 1992. 284p.
 8. Day, Graham and Thompson, Endrew. Theorizing Nationalism. Palgrave, 2004. 223 p.
 9. *Dmytryshyn, Basil*. Moscow and the Ukraine; 1918–1953. A Study of Russian Bolshevik Nationality Policy. New York, 1956. 310p.
 10. *Doob, Leonald W*. Patriotism and Nationalism. GrennWood Press, Publishers. Westport, Connecticut, 1964. 297.
 11. *Dov Lynch*. Engaging Eurasia's separatist states Unresolved conflicts and de facto states. US Institute of Peace Press, Washington, DC, 2004. 173p.
 12. Fossum, Robert H., John K. Roth. The American Dream – Edinburgh University Press, 1981. 48p.
 13. *Gans, Chaim*. The Limits of Nationalism. Cambridge University Press, 2003. 192p.
 14. *Gellner, Ernest*. Nations and Nationalism . Ithaka: Cornell University Press, Ithaka & London, 1983. 150 p.
 15. *Guibernau Montserrat*. Nations without states: Political communities in a global age. Polity Press, 1999. 216 p.
 16. *Hechter, Michael*. Containing Nationalism. Oxford and New York: Oxford University Press, 2000. 256 p.
 17. *Hroch, M*. Social Preconditions of national revival in Europe: a comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. Cambridge University Press, Cambridge, 1985. 220 p.
 18. *Kathleen E. Smith*. Mythmaking in the new Russia: politics & memory during the Yeltsin era. Ithaka and London, 2002. 223 p.
 19. *Kecmanovic, Dusan*. The Mass Psychology of Ethnonationalism. Plenum Press, New York and London, 1996.
 20. *Kuzio, Taras*. Kravchuk to the Orange Revolution : the Victory of Civic Nationalism in Post-Soviet Ukraine / After independence. Making and protecting the nation in postcolonial & postcommunist states; ed. By Lowell W. Barrington. The university of Michigan press, Ann Arbor, 2006. 306 p.
 21. *Maslow, Abraham H*. Motivation and Prsonality. Harper & Row, 1970. 369 p.
 22. *Melegh, Attila*. On the East–West slope : globalization, nationalism, racism and discourses on Eastern Europe. Central European University Press, Budapest, New York, 2006. 220 p.
 23. *Mezran, Karim*. Negotiation and Construction of National Identities. Leiden, Boston, 2007. 222 p.
 24. *Montefiore, Simon Sebag*. His Place in History Time. 2007. Vol. 170, № 27. P. 86.
 25. *Motyl Alexander J*. Dilemmas of Independence. Ukraine after Totalitarianism. Council on Foreign Relations Press, New York, 1993. 217 p.
 26. *Munch, Richard*. Nation and citizenship in the global age : from national to transnational ties and identities. Palgrave, 2001. 247 p.

Источники

27. *Samuelson, Robert J.* The Good Life and Its Discontents : The American Dream in the Age of Its Entitlement, 1945–1995. Vintage, New York, 1995. 293 p.
28. *Saunders, David.* What Makes a Nation a Nation? Ukrainians since 1600 / *Ethnic Groups* 10, 1993, 1, pp. 196–207.
29. *Shcherbak, Yuriy.* The Strategic Role of Ukraine: diplomatic addresses and lectures (1994-1997). Ukrainian Research Institute, Harvard University, Cambridge, Massachusetts, 1998. 143 p.
30. *Smith, Anthony D.* National Identity. University of Nevada Press, 1991. 227 p.
31. *Suny, Ronald G.* Nationalism, Nation Making, & the Postcolonial States of Asia, Africa & Eurasia / After independence. Making and protecting the nation in postcolonial & postcommunist states; ed. By Lowell W. Barrington. The university of Michigan press Ann Arbor, 2006. 306 p.
32. *Vovk, V.* Sustainable development for the second world: Ukraine and the nations in transition. Worldwatch Institute, 2003. 54 p.
33. *Wilber, W.* Caldwell Cynicism and the Evolution of the AD - Washington, D.C. : Potomac Books, Inc., 2006. 193 p.
34. *Wilson, Andrew.* Virtual Politics : Faking Democracy in the Post-Soviet World. Yale University Press, 2005. 332 p.
35. *Wilson, Andrew.* The Ukrainians. Unexpected Nation. Yale University Press, 2000. 366 p.
36. *Yekelchuk, Sergy.* Ukraine : Birth of a Modern Nation. Oxford University Press, 2007. 280 p.
37. *Бандурович, О.Ю.* Образ лидера: представления и предпочтения жителей украины / О.Ю. Бандурович, А.Г. Стегний, Н.Н. Чурилов. [Электронный ресурс]. – Федеральный образовательный портал – Экономика, Социология, Менеджмент. – Режим доступа: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2007/10/04/0000313369/005-BANDUROVICH_Ox2cYu.pdf. – Дата доступа: 15.05.2008.
38. *Бодрийяр, Ж.* Америка – Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/ baud/amerique.html>. – Дата доступа: 02.09.2008.
39. *Ермолаев, А.* Время времени перемен (в поисках национального правительства) / А. Ермолаев. Когда наступит год Украины в Украине. Киев, 2004. 144 с.
40. *Королев, С.А.* Национальная идея как инструмент политического манипулирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://n-idea.sbn.bz/base/view/document/1145204963>. – Дата доступа: 4.12.2007.
41. *Хазен, Марк Фон.* Имеет ли Украина историю? // *Ab Imperio.* 2000. № 1. С. 37–51.
42. *Шнирельман, В.* Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика – электронная библиотека политологии – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/schnir_nac_simv.php. – Дата доступа: 25.07.2008.

Источники к разделу 3

1. *Adams, James Truslow*. The Epic of America / Adams, J.T. Little, Brown, and Co. 1931 (original printing)/Simon Publications 2001. 405 p.
2. *Baudrillard, Jean*. America - London, New York : Verso, 1988 129 p.
3. *Brooks, Stephen*. As others see us: the causes and consequences of foreign perceptions of America - Broadview Press, 2006. 178p.
4. *Caldwell, Wilber W*. Cynicism and the evolution of the American dream - Washington DC: Potomac Books, Inc., 2006. 193 p.
5. *Cullen, Jim*. The American Dream: A Short History of an Idea that Shaped a Nation. Oxford University Press, 2004. 214 p.
6. *Elizabeth Teague*. Citizenship, Borders, and National identity / Russia's Engagement with the West: transformation and integration in the twenty-first century; ed. by Alexander J. Motyl, Blair A. Ruble, and Lilia Shevtsova – M.E.Sharpe, NY, 2005. 315 p.
7. *Judt, Tony*. The Rediscovery of Central Europe / Stephen R. Graubard. Eastern Europe...Central Europe...Europe - Boulder: Westview, 1991. p. 23–58.
8. *Liber, George*. Soviet nationality policy, urban growth, and identity change in the Ukrainian SSR 1923–1934 - Cambridge University Press, 1992. 289p.
9. *Liber, George*. Soviet nationality policy, urban growth, and identity change in the Ukrainian SSR 1923–1934 - Cambridge University Press, 1992. 289p.
10. *Lieven, Anatol*. Ukraine and Russia: A Fraternal Rivalry - United States Institute of Peace Press. Washington, DC, 1999. 186 p.
11. *Luntz, Frank*. Americans Talk About the American Dream / The New Promise of American Life; edited by Lamar Alexander and Chester E. Finn, Jr. - Hudson Institute, Indianapolis, 1995. 278.
12. Nationalism.org. О сайте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nationalism.org/about.htm>. – Дата доступа: 25.07.2008.
13. *Prizer, Illia*. National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia, and Ukraine. Cambridge University Press, UK, 1998. 447 p.
14. *Richmond, Yale*. From Nyet to Da. Understanding the Russians – Intercultural Press, Inc., 1992. 175 p.
15. Time, 2007: Kissindger on Putin: “He thinks he is a reformer”// Time. 2007. Vol. 170, № 27. P. 85.
16. *Umphellett, Willey Lee*. From Television to the Internet: postmodern visions of American media culture in the twentieth century - Madison, NJ : Fairleigh Dickinson University Press, 2006. 460 p.
17. *Волгогонова, О*. «Русская идея»: мечты и реальность – Институт философии Российской академии наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/volk/idea.html>. – Дата доступа: 25.08.2007.
18. *Гайдай, Е*. Русские! Иде я?... [Электронный ресурс]. Русский Журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/politics/20031124-gaid.html>. – Дата доступа: 17.02.2008.
19. *Головаха, Е*. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества : от перестройки до «оранжевой революции» / Е. Головаха, Н. Панина // Социология : теория, методы, маркетинг – Институт Социологии. Киев, 2006. № 3. С. 32–51.

Источники

20. *Гужон, А.* Новые соседи Европейского Союза: политические и идентифицирующие стратегии в Украине, Беларуси, Молдове // *Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского Пограничья*. Минск, 2005. № 1–2. С. 187–228.
21. *Гуцал, А.* Мы уже имели европейскую жизнь во времена Советского Союза. [Электронный ресурс]. Диалог.Уа / Ролевые игры: социодрама Украина – ЕС. – Режим доступа: http://dialogs.org.ua/dialog.php?id=20&op_id=557#557. – Дата доступа: 3.03.2008.
22. *Забужко, О.* Женщина-автор в колониальной культуре // *Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского Пограничья*. Минск, 2005. № 3–4. С. 35–65.
23. *Краснодебски, З.* Демократия периферии // *Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского Пограничья*. Минск, 2005. № 1–2. С. 229–297.
24. *Квёссев, А.* Самоколонизированные культуры // *Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского Пограничья*. Минск, 2005. № 3–4. С. 118–126.
25. *Мелег, А.* Дрейфуя на Восток: Восточная Европа на карте глобальных институциональных акторов // *Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского Пограничья*. Минск, 2005. № 1–2. С. 142–167.
26. *Митрофанова, А.В.* Политизация «православного мира». М., 2004. 294 с.
27. *Середа, В.* Особенности репрезентации национально-исторических идентичностей в официальном дискурсе президентов Украины и России / В. Середа // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2006. № 3. С. 191–212.
28. *Суименко, Е.И.* «Ното есопомісус» сучасної України: поведінчеський аспект». Киев, 2004. 224 с.
29. *Шенк, Ф.Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // *Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования*. 2001. № 4, С. 4–17.
30. *Эрикссон, Э.* Детство и общество. СПб., 2000. 416 с.
31. *Юрьев, М.* Внутренний враг и национальная идея // *Комсомольская правда*, 6 ноября, 2004.

Источники к заключению

1. *Забужко, О.* Женщина-автор в колониальной культуре // *Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского Пограничья*. Минск, 2005. № 3–4. С. 35–65.
2. *Крылова, Н., Грицай, Е.* На пути к панталыку: постсоветский человек в поисках родовой идентичности / Н.В. Крылова, Е.В. Грицай // *Культ-товары: феномен массовой литературы в современной России: материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург, Россия, 23–25 апреля 2008 года. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб., 2008. С. 23–29.
3. *Носевич, В.Л.* Пограничье как отложенный выбор // *После империи: исследования восточноевропейского Пограничья*: сб. ст. Вильнюс, 2005. С. 183–189.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Грицай Елена Вячеславовна, кандидат философских наук. Закончила философский факультет Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Преподавала в вузах Украины, в том числе на кафедре прикладной социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, работала в Киеве помощником народного депутата Верховной Рады Украины, а также экспертом в проекте Программы развития ООН в Украине. Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский Гуманитарный Университет). В настоящее время живет и работает в США.

Николко Милана Владимировна, кандидат философских наук. В 1998 году закончила философское отделение исторического факультета Симферопольского государственного университета. С 2002 года работает в университетах Украины, США (университет Валдосты, 2008 г.), Канады (университет Оттавы, 2009 г.). Стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский Гуманитарный Университет). Доцент кафедры политических наук и социологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, руководит научной общественной организацией «Проект ИСА».

AUTHOR BIOGRAPHY

Olena V. Grytsay (Olena V. Leipnik), holds a PhD in Philosophy. She graduated with a Masters of Philosophy degree from Kyiv Taras Shevchenko National University. Grytsay taught as an Associate Professor in Ukrainian universities, worked on the Staff of the Ukrainian Parliament, and for the United Nations Development Program in Ukraine. She is a research scholar for the project “Social transformations in the Betweenland of Belarus, Ukraine, Moldova” (CASE, European Humanities University). She is currently a Research Professor in the Department of Political Science, and an Adjunct Professor in the Department of Sociology at Sam Houston State University in Texas, USA.

Milana V. Nikolko, holds a PhD in Social Philosophy. In 1998 she graduated with a Master of Philosophy degree from the Philosophy chair of the History Department of Simferopol State University in Ukraine. Since 2002 Nikolko has worked at Universities in the Ukraine, the USA (Valdosta State University, 2008) and Canada (University of Ottawa, 2009). She is a research scholar for the project “Social Transformations in the Betweenland of Belarus, Ukraine, Moldova” (CASE, European Humanities University). She is currently an Associate Professor of Political Science and Sociology at V.Vernadsky Taurida National University and director of the NGO “ISA project”.

Научное издание

Грицай Елена, Николко Милана

**УКРАИНА: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ЗЕРКАЛЕ ДРУГОГО**

Ответственный за выпуск *Л.А. Малевич*

Корректор *Е.В. Савицкая*

Технический редактор *О.Э. Малевич*

На обложке использован фрагмент картины
М. Пимоненко «Різдвяне Ворожіння» (1888).
Национальный художественный музей Украины

Издательство

Европейского гуманитарного университета

г. Вильнюс, Литва

www.ehu.lt

e-mail: publish@ehu.lt

Подписано в печать 03.02.2009. Формат 60x90¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14. Тираж 300 экз.

Отпечатано «Petro Ofsetas»

Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius